

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА имени А. Н. БЕКЕТОВА**

Л. А. Радионова

ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

ХРЕСТОМАТИЯ

(для студентов всех форм обучения, для всех специальностей)

**Харьков
ХНУГХ им. А. Н. Бекетова
2016**

УДК [316.334.56:13.02](072)
ББК 87я73-3+71.084.2я73-3
Р15

Рецензент:

Л. М. Хижняк – доктор социологических наук, профессор Харьковского
национального университета имени В. Н. Каразина

*Рекомендовано кафедрой философии и политологии
Протокол № 5 от 27.01.2015 г.*

Радионова Л. А.

Р15 Город как социальная система: хрестоматия / Л. А. Радионова ;
Харьков. нац. ун-т гор. хоз-ва им. А. Н. Бекетова. – Харьков : ХНУГХ
им. А. Н. Бекетова, 2016. – 163 с.

Изучение данной хрестоматии в курсе «Город как социальная система» расширяет аспекты научно-исследовательской деятельности студентов, обеспечивает подготовку специалистов на уровне мировых квалификационных требований, позволяет эффективно использовать образовательный, инновационный потенциал студентов университета для решения проблем города, ибо подлинный профессионализм невозможен без истоков знаний. Без знания истории науки, в нашем случае – науки о городе, невозможны профессиональная культура человека, аналитическое мышление, сформировать которые призвано университетское образование. Интерес к истории науки о городе – не досужее любопытство, а естественная необходимость и внутренняя потребность тех, кто стремится выйти за грань поверхностного усвоения курса. Однако исторические знания о городе – вовсе не самоцель, важно понимание логики развития научной мысли о городе.

© Л. А. Радионова, 2016
© ХНУГХ им. А. Н. Бекетова, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ВЕБЕР М. ГОРОД.....	5
ГЛАЗЫЧЕВ В. УРБАНИСТИКА. ЧАСТЬ 1.....	25
ЗИММЕЛЬ Г. БОЛЬШИЕ ГОРОДА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ.....	33
ЗИММЕЛЬ Г. ВЕНЕЦИЯ	44
ЗИММЕЛЬ Г. ФЛОРЕНЦИЯ.....	48
КАСТЕЛЬС М. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ГОРОД. ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ И РЕГИОНАЛЬНО-ГОРОДСКОЙ ПРОЦЕСС.....	52
КОКС ХАРВИ МИРСКОЙ ГРАД	59
КРАВЧЕНКО А. И. ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ. СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА.....	75
ЛАГУЭРР М. НЕФОРМАЛЬНЫЙ ГОРОД	90
ЛЭНДРИ Ч. КРЕАТИВНЫЙ ГОРОД.....	91
НАЙТ РИЧАРД В. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ – УСТОЙЧИВЫЕ ГОРОДА.....	107
ПАРК Р. ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ	116
ПАРК Р. ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОНФИГУРАЦИЯ И МОРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК.....	127
САССЕН С. ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД: ВВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ.....	138
СОЙЯ Э. КАК ПИСАТЬ О ГОРОДЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА?.....	150
ХАРВИ Д. РЕКОНФИГУРАЦИЯ УРБАНИЗАЦИИ.....	160
ШПЕНГЛЕР О. ЗАКАТ ЕВРОПЫ.....	161

ВВЕДЕНИЕ

Цель курса «город как социальная система» – формирование у студентов знаний о городе как целостном организме, что расширяет научно-исследовательскую деятельность студентов, обеспечивает подготовку специалистов на уровне мировых квалификационных требований, позволяет эффективно использовать образовательный, инновационный потенциал студентов университета для решения проблем города

Но подлинный профессионализм невозможен без истоков знаний. Без знания истории науки, в нашем случае – науки о городе, невозможны профессиональная культура человека, аналитическое мышление, сформировать которые призвано университетское образование.

Интерес к истории науки о городе – не досужее любопытство, а естественная необходимость и внутренняя потребность тех, кто стремится выйти за грань поверхностного усвоения курса. Однако исторические знания о городе – вовсе не самоцель, важно понимание логики развития научной мысли о городе. Еще более настоящим является современное прочтение старых текстов. Для чего нам нужно знать учения М. Вебера, Г. Зиммеля о генезисе города, его типах? Они нам нужны для того чтобы глубже, правильнее и полнее понимать нашу современность. Попробуем оценить идеи классиков с точки зрения современника.

ВЕБЕР МАКС

ГОРОД

М. WEBER. Die Stadt. – Wirtschaft und Gesellschaft, Kap 8. // Grundriss der Sozialökonomik. III. Abt. Tübingen, 1922, S. 513-600. На русском языке издавался в 1923 г. в переводе Б. Н. Попова, под редакцией Н.И. Кареева. В настоящем издании публикуется новый перевод М. И. Левиной

Макс Вебер начинает свою работу с определения понятия города и конструирования возможных его типов. Но, как мы сейчас увидим, и это понятие, и эти типы не представляют собой каких-либо предвзятых схем, а, напротив, исходят из конкретной действительности и помогают в ней ориентироваться. В экономическом смысле, по мнению Вебера, «можно лишь там говорить о городе, где туземное, местное (ortsansässige) население удовлетворяет экономически существенную часть своих ежедневных потребностей на местном же рынке, и притом в значительной части продуктами, произведенными туземным же населением или населением ближайших окрестностей для сбыта на рынке.

Таким образом, существенным признаком города в экономическом смысле является «наличие регулярного обмена благ на месте самого поселения в качестве существенной составной части получения прибыли и удовлетворения потребностей жителей, т. е., наличие «рынка» (выделено – Л. Р.). «Город есть рыночное поселение» (Marktansiedelung).

Но это еще далеко не все, так как определение касается лишь экономической стороны дела. А между тем город есть сложный комплекс явлений, он – определенное живое, конкретно-историческое образование, которое надо охватить во всем его многообразии. **Города суть «поселения с сильно выраженным, по крайней мере относительно, торгово-промышленным характером», к которым приложим целый ряд признаков, а именно – наличие: 1) укрепления, 2) рынка. 3) собственного суда и права объединения бюргеров, 4) характера корпоративности (Verbandscharakter) и связанной с ним автономии и автокефалии** (выделено – Л. Р.).

Не все города, которые мы знаем, обладают всеми этими признаками. Так, современные азиатские города и города древнего Востока никогда не были самостоятельными общинами, автономными корпорациями, ибо этому мешала ритуальная связанность членов одного рода или даже одного племени. Поэтому мы имеем здесь лишь отдельные корпорации внутри города, но не город как корпорацию. Однако все города Запада, – как в древности, так и в средние века, – соответствовали в той или иной степени данной выше характеристике, т. е. представляли собой не только место развития ремесла и торговли в экономическом смысле, укрепление, а иногда гарнизон в политическом отношении и судебный округ в административном, но и известную корпорацию в правовом отношении (eine schwurgemeinschaftliche Verbrüderung).

Для античного и средневекового города в отличие от восточного, характерно то обстоятельство, что он является союзом бюргеров, составляющим общественную организацию официального характера и снабженным особыми органами, – бюргеров, находящихся к тому же в одинаковом правовом положении (выделено – Л. Р.).

Таков западноевропейский город в готовом, сложившемся виде. Но как он образовался, как возник? Этот старый вопрос, породивший огромную литературу и пять-шесть гипотез его возможного решения, играет большую роль и у Вебера. Но как к самому определению города, так и к вопросу о его происхождении он подходит все с той же точки зрения, учитывающей всю сложность и многообразие явления, называемого городом. «При анализе этого процесса, – заявляет Вебер с самого начала, – надо строго различать формально-правовую его сторону от явлений, существенных с политической и социологической точки зрения, что не всегда делалось в споре разных теорий городского развития друг с другом».

Город в хозяйственном смысле надо отличать от города в административно-политическом смысле. В последнем особенно существенны два момента: 1) то обстоятельство, что город с самого начала был крепостью и местом нахождения гарнизона, и 2) особые отношения военно-политического характера, в частности принцип самоэкипировки войска.

Предшественниками городских крепостей были сеньориальные бургы (herrschaftliche Burgen), которые почти везде, где имело место городское развитие, были тесно связаны с ним (в древнем Китае, Индии, в Египте и Месопотамии, в гомеровской Греции, у этрусков, кельтов и германцев). Эти бургы, особенно распространенные в англо-саксонской Англии, были важны для господина тем, что обеспечивали ему военное господство над страной. Город как особое политическое образование (politisches Sondergebilde) примыкало обычно к такому бургу, принадлежавшего королю, знатному господину или союзу таковых. Экономически заинтересованное в обмене плодами промышленной деятельности население, естественно, скоплялось здесь. Рынок и бург примыкали друг к другу, совпадая локально; так было в средние века и в эпоху античного «полиса».

Это отнюдь не значит, однако, что город произошел из бурга или из сеньориальной вотчины. «Ойкос» и рынок сосуществовали в городе, но как две равные силы, иногда вступавшие в борьбу, иногда устанавливавшие между собой известную общность интересов на экономической почве. Ибо владелец бурга – он же и представитель ойкоса в городе – боролся обычно лишь с политическим, но не с экономическим развитием города. В экономическом отношении город, как рынок, давал ведь вотчиннику возможность взимать со своих держателей денежные оброки, так как представлял собой для них локальный рынок сбыта их продуктов; к тому же вотчинники приобретали благодаря рынку возможность продавать натуральные оброки своих держателей. Поэтому в средние века основание городов было часто выгодной в хозяйственном отношении операцией (Stadtgrundung – Erwerbsgeschäft) в

противоположность древности, где оно первоначально являлось военным делом, основанием города-крепости (*militarische Festungsstadtgrundung*).

Столкновение экономических интересов «ойкоса» и рынка начиналось лишь в том случае, если вотчинник стремился перейти к собственному промышленно-ремесленному производству, что обычно становилось возможным лишь при наличии достаточного количества рабочей силы.

Однако далеко не так мирно обстояло дело в сфере политических взаимоотношений между бургом и экономически заинтересованным населением примыкавшего к нему города. История этих взаимоотношений – очень важный пункт в эволюции городских учреждений (*Verfassungsgeschichte*), в свою очередь, очень сильно повлиявший и на социально-экономическую структуру города. В то время как в Элладе и Риме имело место соединение нескольких общин, синойкизм, покоившийся на слиянии нескольких родов (*gentes*), средневековый бюргер вступал в городскую корпорацию как индивидуум, а не как бывший член какой-либо общины. Правда, средневековый город, как и античный, представлял собой, между прочим, и религиозный союз (*Kultverband*), но христианская община была вероисповедным объединением отдельных верующих, а не ритуальным союзом родов.

Бюргеры, уже более или менее сплоченные в определенные объединения, – результат позднейшего развития. Вначале бюргеры противостояли сеньору как масса лиц, заинтересованных в рынке и рыночном обмене, и город зачастую принадлежал сеньору. Если рассматривать дальнейшее развитие города с чисто формальной точки зрения, то эта масса лиц превращалась в автономную корпорацию бюргеров, где каждый был *Rechts – und dinggenosse*, т. е. активным и равноправным членом общины, лишь в результате политических привилегий со стороны сеньоров.

Конечно, такие привилегии всегда имели место: мы уже указывали на выгоду основания городов для сеньора. Но существовали и иные пути и способы создания или возникновения городских корпораций. К тому же самый способ возникновения, взятый формально, как чисто юридическое явление, еще не выясняет и не исчерпывает всего процесса возникновения города. Кроме законного способа создания городской корпорации – сверху, существовал и незаконный – снизу, путем акта корпоративного объединения (*Vergesellschaftung*) со стороны бюргеров, так называемое *conjuratio*. Нередко оба способа комбинировались, и привилегия являлась в результате *conjuratio*. Классической страной *conjuratio*, истинной их родиной была Италия, особенно большие итальянские и отчасти немецкие города (Генуя, Кельн), поэтому мы остановимся несколько подробнее на ходе этого процесса в Италии.

До возникновения *conjuratio* город-бург представлял собой арену действия различных социально-политических сил: епископ и его окружение, должностные лица светских вотчин с властью вотчинно-политического характера (*Amtsgevalten*), крупные городские ленники, вольноотпущенные из бывших министерялов короля и епископов, их городские и сельские

подвассалы, родовые землевладельцы с аллодиальной собственностью, владельцы внегородских буртов с их свободной и крепостной клиентелой, профессиональные союзы производительных классов городского общества, – словом, как говорит Вобер, *hofrechtliche, lehenrechtliche, landrechtliche, kirchliche, Gerichtsgewalten nebeneinander*. *Conjuratio*, конечно, упрощало эту сложность, вливало ее в известные формы, оно приводило к союзу всех тех, кто обладал военной мощью, к объединению местных землевладельцев, к обеспечению известных правовых гарантии (*Rechtspflege*) в интересах горожан и, наконец, «к монополизации экономических шансов».

Все это, конечно, было завоевано не сразу, образование *conjuratio* еще не тождественно приобретению всех, этих прав и возможностей. Вначале городом по-прежнему управлял сеньор-епископ, но при участии собрания горожан. Но уже в конце XI в. выступают на сцену *consules* – ежегодно сменяемые должностные лица, номинально выборные от всех горожан, фактически – выбираемые лишь определенными слоями аристократии. Эти лица на первых порах нередко происходили даже из среды бывших судебных чиновников епископа. *Consules* присвоили себе значительную долю в области управления, суда и военной власти. Над ними существовал, однако контроль, осуществлявшийся особой комиссией мудрых – *sapientes (credenza)*, состоявшей частью из бывших шеффенов, частью из членов аристократических родов (*Honoratioren*); фактически в эти комиссии входили представители фамилий, наиболее могущественных в военно-экономическом отношении.

На этой стадии была явно заметна тенденция к известному социальному компромиссу, все наиболее влиятельные слои населения стремились поделить между собой, пропорционально их силе, места в городском совете и различные городские должности. Вскоре, однако, обнаружилось, до какой степени все движение проникнуто противоленными тенденциями, т. е. направлено против какой бы то ни было политической зависимости от городского сеньора. А так как он был обладателем бургов и раздатчиком ленов, то движение направилось, естественно, против ленной формы этой зависимости.

Консулы, эти новые соправители сеньора, должны были ни в коем случае не принимать ленов ни от него, ни от своих бывших господ, и не коммендироваться им в качестве вассалов. Цель ясна; исключить возможность личной и экономической заинтересованности консулов и их зависимости от вотчинников, которая могла бы отразиться на их административном поведении или политической позиции.

Первым важным политическим завоеванием этого противовотчинного и противосеньориального движения было запрещение представителям аристократии (сеньорам или королю) строить бурги внутри городской округи. Это запрещение осуществлялось как законным, так и насильственным путем, и его результатом было то обстоятельство, что бург, расположенный внутри города, становился городским бургом. Сеньорам и рыцарям оставалось лишь строить, бурги вне города и его округи и оттуда в случае недовольства угрожать городу, что они впоследствии и делали. Но об этом речь будет идти

ниже. *Сейчас нам важно отметить еще одно крупное завоевание бюргерства на этот раз уже в юридической области – создание особой городской юрисдикции, процессуальной процедуры и городского права* (выделено – Л. Р.) «Право бюргеров, – пишет Вебер, – было сословным правом сотоварищей общины, связанных присягой. Его компетенции подлежали в силу принадлежности к сословию городских бюргеров или зависимых от них держателей».

В Германии, в крупных городах, развитие шло аналогично. Так, в Кельне и Магдебурге вначале во главе управления стоял епископ с шеффенами, которые впоследствии превратились из его чиновников в представителей городской коммуны, к тому же поставленных под контроль представителей *conjuratio*. В Страсбурге к концу XII в. епископа как главу города сменил городской совет, состоявший из представителей бюргерства *jurati* и пяти министриалов епископа. В южногерманских городах шультгейс, чиновник, назначаемый или, по крайней мере, утверждавшийся сеньором, долгое время оставался шефом города, так что город мог избавиться от этого контроля, лишь покупая эту должность. С XIII в. во всех брабантских, ирландских и голландских городах наряду с шеффенами, назначаемыми графами, выступают на сцену представители бюргерства – *jurati* и бюргермейстер с коллегией. На первых порах эти отношения везде колеблются, и фактическое взаимоотношение сил еще очень мало и слабо регулируется формально.

Какими же средствами располагал город для достижения всех этих завоеваний? Ведь они часто были действительно завоеваниями в буквальном смысле этого слова, т. е. результатом ожесточенной борьбы, так что ссылка на социально-политическое значение или влияние городской знати, на экономическую мощь, зажиточных слоев недостаточна. Здесь выступает военно-политический момент – в то время как на Востоке (Персия, Азия, Индия) солдаты не обладали орудиями войны, что имело последствием «военную безоружность, подданных» и «горожане были невоенным элементом», на Западе как раз напротив, ввиду отсутствия профессиональных войск, особенно на первых порах, господствовал принцип самоэкипировки войска: как крестьянские и рыцарские войска, так и городская милиция строились по этому принципу. Поэтому сеньор представлял значительную силу лишь в сравнении с каждым отдельным своим подданным или с их небольшими группами. Стоило ему, однако, вызвать недовольство или противодействие всей их массы, – и он становился слабым, ибо это была масса вооруженных и боеспособных людей. А такое противодействие возникало, конечно, когда сеньор предъявлял экономические требования, казавшиеся почему-либо слишком тяжелыми, особенно требования денежных платежей. Факт возникновения сословий на Западе – и только здесь – объясняется этим обстоятельством, – пишет Вебер, – и точно также объясняется возникновение корпоративных и автономных городских общин.

Предъявление экономических требований со стороны сеньора особенно естественно по отношению к горожанам; ведь мы видели, что основание города

сеньор рассматривал нередко как выгодное предприятие. С другой стороны, так же естественно, что как раз горожане, достигшие уже большой экономической силы, не хотели быть объектом цепей сеньора. А так как они были в то же время вооруженными людьми, то в силу именно этого соединения в их руках военной и экономической мощи им и удалось добиться своей цели и создать городскую автономию. «Все *conjuraciones*, – пишет Вебер, – были объединениями вооруженных слоев городского населения. Это было решающим в положительном смысле моментом».

Если мы попробуем задать себе теперь вопрос, к какой же теории возникновения городского строя средних веков примыкает Вебер, нам трудно будет сразу на него ответить. Следя за построением нашего автора, мы даже вовсе забыли бы о существовании этих теорий, если бы он сам в одном месте вскользь не напомнил нам о них. Этим мы вовсе не хотим умалить значение упомянутых гипотез: может быть, только на их основе и стало возможно построение Вебера. Но как далеко он ушел от них. Город не произошел ни из вотчины, ни из общины, ни из бурга, ни из рынка, а из того, и другого, и третьего одновременно – вот как можно охарактеризовать его вывод. Или, точнее: *город, и в частности средневековый город, возник как результат сложных, перекрещивающихся процессов – экономических, социальных и военно-политических – и сразу же выступил на сцену в виде сложного комплекса явлений, в котором нашли себе место те различные силы развития, которые его создали и вызвали к жизни. Дело обстоит не так, что корнем, исходной точкой роста города было то или иное явление – цех, рынок, бург и т. д., – а из него путем постепенного усложнения вырос стебель и на нем расцвел цветок – сложившийся город во всем его многообразии и своеобразии. Нет, как раз наоборот: все силы развития, все элемента, из которых построился город, даны в самом начале процесса. Самый процесс заключался лишь в их дальнейшем развитии и известном комбинировании этих элементов в определенную систему, называемую городом* (выделено – Л. Р.).

Если, однако, сделать дальнейший шаг к конкретизации построений, то придется разделить города на разные группы, причем произвести это деление в различных направлениях – в экономическом, социальном, военно-политическом. В первом случае критерием или основанием деления будет служить преобладание тех или иных целей экономической деятельности (потребительных или производительных), во втором – та или иная форма взаимоотношений основных слоев городского населения, наконец, в третьем – та или иная степень военно-политической мощи города. В форме такого подразделения на виды и группы удобно описать и осветить все многообразие городской жизни в разные времена, а затем на основании такого описания попытаться сформулировать понятие городского хозяйства и объяснить смысл, причины и цель хозяйственной политики городов. При этом надо, однако, все время твердо помнить, что «типы» городов не соответствуют в каждом случае какой-либо исторической конкретности, а суть лишь разрезы действительности,

искусственно произведенные в целях удобства описания и классификации, что в одном и том же конкретном городе могут совмещаться черты различных типов и что, наконец, переходы везде текучи (Die Ubergänge sind überall flussend – любимая фраза Вебера).

В экономическом отношении Вебер делит город на две основные группы: *город потребителей и город производителей* (выделено – Л. Р.). Это не значит, конечно, что в первом живут только потребители, а во втором – только производители, и те и другие имеются налицо в городах обоих типов. Но в городе потребителей шансы на прибыль для производителей или купцов определяются присутствием на месте крупных потребителей, как бы различно они ни были экономически организованы, т. е. эти шансы косвенно или прямо зависят от покупательной силы княжеских или иных крупных домов.

Различные потребители отличаются друг от друга в зависимости от того, какие именно социальные слои являются крупными потребителями. В роли таких крупных потребителей могут выступать либо сеньоры со свитой из вассалов, либо чиновники (пример – Пекин) либо крупные землевладельцы-рантье, проживающие в городах доходы со своих владений (Москва до 1861 г.), либо, наконец, городские рантье, т.е. представители городской аристократии, в руках которой сосредоточиваются городские земельные ренты, обусловленные монопольным положением городских земельных участков в процессе обмена и, таким образом, косвенно имеющие своим источником как раз городское ремесло и торговлю (последний вид был очень распространен во все времена, особенно в древности и в средние века) Для производителей напротив, характерно то обстоятельство, что рост населения и покупательная сила его покоятся либо на наличии фабрик или мануфактур, обеспечивающих городские территории (современный тип – Эссен), либо на наличии промышленной деятельности в форме ремесла, причем товары высылаются вовне. «Это – ремесленный город в котором крупными потребителями являются предприниматели или торговцы и рантье, а массовыми потребителями – рабочие и ремесленники», ему противостоит город торговцев, где покупательная сила крупных потребителей покоится либо на том что они прибыльно сбывают на местном рынке чужие продукты, либо, напротив, местные продукты продают за пределы города, либо, наконец, приобретая чужие продукты, сбывают их сами вовне, при помощи применения складочного права на месте или без такового.

Итак, и здесь, и там мы имеем потребителей и производителей, причем последние, как само собой разумеется, являются, конечно, везде в то же время и потребителями. Но важно то, от чего зависят шансы на прибыль, а следовательно, и покупательная сила населения определяется ли она присутствием вотчинников и рантье, образующих рынок для ремесла дающих ему работу и тем самым заработок ремесленникам, становящимся также в первую очередь потребителями, или же она объясняется наличием сильно развитого ремесла, реализующего свою продукцию и на местном рынке и в окрестности, и дающего покупательную силу занятому им населению. В первом

случае, если брать его в типическом виде, не соответствующем вполне конкретной действительности, ремесленная деятельность служит лишь средством пропитания и поддержания (минимума существования) для занятого им населения, т. е. ремесленники живут за счет тех средств, которые перепадают им от представителей знати в виде платы за их товары или в виде заработка (в случае работы на заказ). Здесь ремесленник ближе к типу рабочего, чем к типу предпринимателя, хотя бы даже мелкого.

Во втором случае ремесленник производит в конечном итоге в расчете не столько на вотчинников и рантье, сколько главным образом на своих же собратьев – ремесленников и торговцев, только другой профессии. Специализация и профессиональное разделение труда в этом случае зашли уже далеко; ремесленники одних цехов становятся покупателями товаров, произведенных другими, т. е. потребителями продуктов промышленного производства, а не только приобретателями средств пропитания, деньги, вырученные за работу, идут уже не только на потребительные цели, но и на производственные; ремесло является особым видом мелкой промышленности, и производительная роль ремесленников имеет большее значение в экономической жизни города, чем их потребительная роль.

Итак, принадлежность города к тому или иному экономическому типу в значительной мере зависит от социальной природы городского населения: при преобладании в городе землевладельческой аристократии имеем город потребителей, при преобладании ремесленников – город производителей, а при преобладании торговцев – город торговцев (выделено – Л. Р.). А отсюда, в свою очередь, следует, что намеченные типы могли соответствовать различным стадиям развития города: первый тип – той стадии, которую Вебер называет в дальнейшем городом аристократических родов, а второй тип – стадии плебейского города.

Но и население плебейских городов не состоит исключительно из одних ремесленников, так же как и город аристократических родов – из одной землевладельческой аристократии. Социальная структура городского населения очень сложна, а потому типические черты города потребителей и города производителей большей частью соединяются в одном и том же конкретном городе. Этим объясняется, может быть, и некоторая двойственность хозяйственной политики городов, о которой речь еще впереди и которая несомненно стоит в связи с пестротой социального состава городского населения, отражая интересы различных его слоев. Нам предстоит поэтому поближе познакомиться с социальной структурой и социально-политическим развитием средневекового города.

Мы указывали только что на пестроту социального состава городского населения. Это легко объяснимо, если принять во внимание, что и в средние века, и в древности и в странах Передней Азии город был поселением, которое возникало путем скопления в одном пункте жителей, переселявшихся сюда из разных областей, и которое держалось исключительно благодаря этому постоянному притоку из деревни. Поэтому в средневековом городе можно

найти и вольноотпущенных, и крепостных, и рабов, и знатных вотчинников, и их дворовых людей, и чиновников, министерялов и воинов, монахов и священников. Так было, однако, лишь на первых порах. Вскоре из этой пестроты стали выкристаллизовываться определенные слои, в разные периоды городской истории задававшие тон городской жизни. Прежде всего, сами вотчинники скоро уразумели выгоду использования своих крепостных и рабов в качестве рентного фонда. Последние обучались ими ремеслу, а затем отпускались на рынок для свободного сбыта своих продуктов при условии уплаты господину некоторого оброка, составлявшего, по-видимому, известную долю заработка или дохода ремесленника.

Естественно, что эти бывшие крепостные, таким образом, постепенно эмансипировались от своей прежней зависимости: так город издавна сделался местом постепенного перехода из состояния несвободы к свободе путем денежно- хозяйственной и промышленной деятельности. Это не значит, что городские ремесленники произошли именно из этих крепостных, используемых в качестве рентного фонда: ведь приток сельского населения приносил с собой весьма разнообразные элементы – не только несвободные, но и свободные. Важно лишь отметить, что и сословная политика средневекового города в ранние эпохи его существования способствовала возникновению принципа: «Городской воздух делает свободным», ибо, на первых порах, когда арена промышленной деятельности была еще очень широка, всех звали в города, охотно давали новым поселенцам права бюргеров (иначе обстояло дело впоследствии, когда эта арена сузилась и город замкнулся, но об этом ниже).

Далее: внутри городского населения стали намечаться две различные тенденции развития: одна вела к социальной нивелировке и к сплочению городских жителей в одно целое в противовес внегородской вотчинной аристократии, другая – к выделению из состава бюргерства особой городской аристократии. Несмотря на то, что в политической борьбе городов с их сеньорами явно сказывалось влияние первой тенденции, во внутренней социальной жизни города победила вторая. В результате как средневековый, так и античный город пережил ряд стадий социально- политического развития начиная с господства городской аристократии, проходя этапы бурной борьбы ее с различными слоями ремесленников и торговцев и кончая той или иной формой преобладания некоторых слоев демократии.

Самые эти стадии и процесс перехода от одной к другой носили весьма различный характер. Нас интересуют здесь, главным образом, следующие типы: *1) античный, преимущественно греческий, город, 2) средневековый итальянский город, 3) английский средневековый город и 4) континентальный город средних веков. Общим для всех этих типов признаком социально-экономической природы аристократических родов является, во-первых, то обстоятельство, что их социальная мощь покоится на землевладении, на доходах, возникших не из собственной промышленной деятельности, и, во-вторых, особый аристократический образ жизни* (выделено – Л. Р.). Но в разных странах и в разные времена

конкретные черты этой аристократии и история ее борьбы с плебсом были, конечно, различны. В Италии возвышение аристократии было вызвано в значительной мере финансовыми потребностями военной, колониальной и торговой политики, которая сделала необходимым привлечение патрициата к управлению. Поэтому, например, в Венеции *dux*, назначавшийся ранее из Византии, стал начиная с 726 г. избираться знатью, сделался дожем и начал, в свою очередь, борьбу со знатью, стремясь, превратиться в *басилевса*. Дож сам был крупным вотчинником и крупным купцом, являлся ставленником той же знати, и его возвышение вначале выражало собой первую стадию возвышения знати. Однако знать пересиливает монархические тенденции Дожа, и в XI в. начинается ограничение его власти со стороны знати, в руках которой концентрируется путем накопления имуществ «денежно-хозяйственная и политическая сила».

Дальнейшее развитие ознаменовано выделением из среды знати Большого совета, принимающего решения, и Малого – управляющего (1187). Назначение дожа узкой выборной комиссией из среды нобилей (вместо прежних выборов), фактическое ограничение выбора городских чиновников и должностных лиц лишь из рядов узкого круга фамилий и даже закрытие списка последних (1297-1315), солидарность интересов и особая техника управления (краткосрочность должностей, коллегиальность и отсутствие бюрократизма) делали эту узкую массу, этот тонкий слой нобилей, разбогатевших на заморских предприятиях экономического и политического характера, очень сплоченной и дисциплинированной.

На примере Венеции особенно ясно видно, какое большое значение имела именно внегородская колониальная политика города для усиления и развития аристократии. Венецианские нобили, так же как и их античные собратья, не были купцами по профессии. Это были, наоборот, большей частью рантье – землевладельцы, которые наживались в связи с расцветом заморской торговли, дававшей им возможность благодаря их земельным богатствам внутри и вне города извлекать большие денежные доходы именно в качестве рантье а иногда и путем косвенного участия в предприятиях.

В других итальянских городах, где монопольное положение городской торговли вовне не было столь определено, а потому общность интересов не была столь ясна, шла непрестанная борьба между отдельными представителями аристократии, между различными аристократическими фамилиями. Результатом этой борьбы явилось некоторое возвышение непривилегированных слоев знати, которые раньше были выключены из участия в управлении, и известный компромисс между двумя группами: выбор особой комиссией из нобилей чиновника, долженствовавшего представлять интересы второй группы. Этот чиновник – *подеста* – приглашался обычно из среды нобилей какой-либо чужой городской корпорации сроком на год и облакался высшей судебной властью, а иногда и правом военного командования, – конечно, под контролем городского совета.

Однако с конца XII – начала XIII в. начинают заявлять свои права совсем иные, неаристократические классы населения итальянских городов – так называемый народ. В экономическом смысле народ, как и массы немецких торговцев и ремесленников, объединенных в цехи, состоял из различных социальных элементов – прежде всего его можно разделить на предпринимателей и ремесленников. Вождями масс в борьбе против нобилей выступали главным образом первые. Они финансировали борьбу и создавали «клятвенные объединения цехов», направленные против аристократических фамилий, а ремесленники лишь поставляли массы, людские резервы для боевых действий. В Италии народ в XIII в. составлял особую общину внутри города, особое государство в государстве.

Во главе этой общины стоял так называемый капитан, ежегодно избираемый и приглашаемый извне, наподобие подеста и несший весьма важные функции, игравший большую роль в городе. Так, он жил в особом укрепленном помещении, имел свою милицию, свои органы управления. Рядом с юрисдикцией подеста выступает юрисдикция капитана как представителя купечества, т.е. особый отдельный суд по делам купцов и ремесленников. Подеста не имел права вмешиваться в судебные тяжбы между пополанами, и нередко «капитан» приобретал всеобщую юрисдикцию, конкурировавшую с полномочиями подеста, становился кассационной инстанцией для жалоб на приговоры последнего. Представители цехов при «капитане» претендовали на право защищать членов народа перед судом. *Больше того, каждая из обеих городских общин – городская коммуна и народ – имела особые статуты, и иногда народ добивался того, что решения коммуны имели силу лишь с его согласия и, следовательно, отмечались в особых статутах* (выделено – Л. Р.).

Наконец, «капитан» стал участвовать в целях контроля в заседаниях коммунальных коллегий, получил право в отсутствие подеста созывать бюргеров и приводить в исполнение решения совета, начал принимать участие в управлении финансами (особенно в распоряжении имуществом осужденных) и в контроле над ними, а иногда и в управлении войском. Словом, формально он был ниже подеста, фактически – сильнее его. В случае успеха такая политика приводила к полному выключению знати из участия в городском управлении, ибо ведь должности «пополанов», таким образом, становились недоступными для нобилей, в то время как коммунальные должности делались все более доступными для членов народа.

Но это было лишь чисто формальным, кажущимся выключением, на самом деле на должности «пополанов» все же проникали представители нобилей – для этого им стоило только гарантировать политическое подчинение со своей стороны и записаться в какой-либо цех, что не мешало им оставаться теми же аристократами, которыми они были и до этого. Так аристократизировался самый состав цехов. Надо, однако иметь ввиду, что здесь идет речь о зажиточных, так сказать, буржуазных слоях народа, с семью главными цехами которого (цехи нотариусов, судей, врачей и прочих

«либеральных профессий», оптовых торговцев, менял и т.д.) произошло вскоре слияние знати, вступившей в цех. С тех пор все должностные лица избирались из среды этих цехов, и лишь после ряда восстаний стали принимать участие в управлении – по крайней мере, формально – и 14 цехов мелких ремесленных предпринимателей.

Но вовсе лишенные собственности на орудия производства слои ремесленников (подмастерья), опиравшиеся зачастую в своей борьбе с зажиточными слоями на нобилей, – ибо противоположность интересов цехов мелких ремесленников интересам предпринимательских цехов очень резко сказывалась при развитой и мануфактурной организации производства, – нигде не достигали власти на долгое время. Да это и понятно: цехи, которые с самого их возникновения использовались городской коммуной для привлечения к участию в разных работах по обслуживанию нужд городского управления, стали особенно важны для города в финансовом и административном отношении с тех пор как в их среде появились крупные предпринимательские и интеллектуальные силы.

Совсем другое дело «пролетарский слой странствующих ремесленников». Он долгое время не был нужен городу как корпорации, а потому везде и стоял за бортом государственного корабля. И хотя основная тенденция развития всего движения народа заключалась в стремлении к организованной защите его интересов перед городскими судом и властями, находившимися в руках аристократии, раздробленность самой знати давала ему возможность пользоваться для своих надобностей и военными силами части рыцарства.

Однако и «широкие массы низших слоев ремесленников», заинтересованы «в регулировании потребительской деятельности в смысле мелкобуржуазной политики пропитания», если и не достигали политической власти непосредственно, косвенно являлись одним из факторов, создававших своеобразную форму этой власти – тиранию, которая в Италии носила название синьории. Она возникла в процессе борьбы народа со знатью, и ее поддерживал кроме слоя беднейших ремесленников, еще и ряд других социальных слоев. При синьории власть находилась обыкновенно в руках представителя какой-либо зажиточной фамилии, которая тем самым резко выделялась из массы прочих подобных фамилий, становясь над ними.

Целый ряд причин давал пищу синьории: мирный характер бюргерства, отвыкшего от военной службы, рационализация военной техники и образование профессиональных войск, а также развитие и преуспевание тех групп в среде знати, которые – как, например, рантье и ростовщики – были и социально, и экономически заинтересованы в наличии «двора» в городе. Те же причины создавали некоторые шансы к преобразованию синьории в наследственное патримониальное княжество, возникновение которого можно считать пунктом, завершающим цикл развития итальянских городов. Развитие итальянских городов, которое шло от города как составной части патримониальных и феодальных союзов через период самостоятельного господства знати, приобретенного революционным путем, затем через господство цехов к

синьории и, наконец, пришло вновь к городу как составной части относительно рациональных патримониальных союзов, – это развитие не имеет себе полной аналогии в остальном средневековом Западе. Зато на первый взгляд поразительно сходно с только что бегло намеченной социально-политической эволюцией итальянских городов шло развитие в древней Греции и в Риме.

Начать с того, что экономическая структура аристократических фамилий была очень сходной: и там, и здесь это главным образом рантье и предприниматели, лишь косвенно участвующие в делах своими капиталами, но не купцы (самая работа купца считалась, как известно, унижительной, даже позорной для родовитого человека, особенно в древности). Так же сходна и история борьбы аристократических фамилий и родов с плебсом в Риме и демосом в Элладе. Итальянские «капитаны» напоминают римских трибунов или спартанских эфоров. Мелкие ремесленники в античном городе также редко достигали власти, а тем более господства. Следствием демократизации античного города было тоже проведение в жизнь и закрепление официального характера городских политических союзов и перемена в системе городского управления – создание краткосрочных должностей. Сходно и явление тирании – везде, впрочем, локально ограниченное.

Но наряду с этими сходными чертами имеется и ряд крупных различий. Прежде всего, основным классовым противоречием античного полиса является противоположность не рантье и ремесленников, а городских патрициев, имеющих в своих руках средства вооруженной защиты, как кредиторов и ростовщиков, и крестьян как должников. Далее: полис – это береговой город, береговая община воинов: он еще делится на филы и фратрии – остатки первоначальных военно-сакральных подразделениях наподобие «сотен» древних германцев. Средневековый город есть по преимуществу (за исключением некоторых итальянских городов) город сухопутный, и возник он иначе.

Другое отличие – в окружающей обстановке: античный город боролся с басилевсами, и возникновение римского сената и магистратов или афинского ареопага есть результат постепенного превращения городской царской власти в годовичную магистратуру, средневековый город боролся со своим городским сеньором. Если, однако, несмотря на все эти различия, мы наблюдаем и здесь так много сходства, то причина тому в особом характере как итальянского, так и античного города и тот и другой – правда, в весьма различной степени – не просто города, но города-государства. Остальные средневековые города – среднеевропейские и североевропейские – имели гораздо меньше сходных с античным городом черт, чем итальянские.

Так, например, английские города проделали совершенно своеобразный цикл социально-политического развития, обусловленный большой силой королевской власти в Англии. В Англии еще более, чем в других странах Европы города были вначале бургами и обладали властью над городской округой. Но после нормандского завоевания (XI в.) бурги стали строиться преимущественно вне городов и города все более и более становились поселениями ориентированными главным образом на экономику. Короли

смотрели на них как на опору против феодальных сил и как на объект обложения. И в Англии города, конечно, нередко получали привилегии от короля, но эти привилегии не делали город автономной корпорацией; это были обычные сословные привилегии внутри сословного государства – и только.

Итак, английские города представляли собой сначала принудительные союзы, которые королевская власть облагала различными налогами и повинностями. Затем в результате раздачи им королевских привилегий они стали экономически привилегированными сословными городами бюргеро-землевладельцев с очень ограниченной автономией. Наконец, фактические заправилы в городе – гильдии – были признаны и королевской властью, и им было поручено даже управление финансами. Но военная слабость городов и сила королевской власти привели к тому, что в Англии так и не возникло понятие территориальной городской общины.

На континенте, и в частности в Германии, социальная борьба в городах развивалась во многом аналогично итальянским городам. И там городской совет вначале находился в руках знатных городских фамилий, но вскоре цехи сделались носителями недовольства со стороны исключенных из участия в управлении групп бюргеров – недовольства, нередко переходившего в революцию. И в Германии цехи не были однородны по своему социальному составу, движение цехов и здесь в значительной мере означало выступление против городской буржуазии, против землевладельческой аристократии. Поэтому начало борьбы цехов со знатью совпадает с периодом наибольшего усиления города вовне и политической самостоятельностью внутри.

Однако в Германии «клятвенное объединение бюргеров», было преходящим явлением: дело кончалось либо приемом представителей цехов в городской совет, либо полным растворением всего бюргерства в цехах. Но даже в том случае, когда в цехи вступало действительно все бюргерство, включая сюда и аристократические фамилии, такое растворение носило в значительной мере формальный характер. Оно отнюдь не было тождественно полной демократизации города, ибо патриции, попадая в цехи, завоевывали их изнутри, отодвигая на задний план купцов, лично занимавшихся торговлей, в пользу рантье-аристократов.

Согласно теории, право вхождения в цехи приобреталось ученичеством, а на практике оно покупалось или даже передавалось по наследству. «Отчасти внутри цехов зияли экономические и социальные противоречия, – говорит Вебер, – а отчасти, и это в большинстве случаев, цехи представляли собой исключительно союз «избранных» джентльменов, объединившихся для замещения городских должностей из их среды». Таковы главные особенности средневекового города Средней Европы.

Если мы теперь бросим еще раз беглый взгляд на основные отличия античной городской демократии и античного города от города и городской демократии средних веков, то они выступят особенно рельефно в двух планах: 1) *в средневековом городе представителем низших слоев населения, материально не обеспеченных и нуждающихся масс, был ремесленник-*

подмастерье, т. е. безработный в области промышленного труда; в античном городе таковым являлся пролетарий, т.е. бывший владелец земельного участка, впоследствии обезземеленный и политически деклассированный, 2) в то время как античный город сам был носителем высшей военной техники, город средних веков, несмотря на наличие бурга, противостоял в военном отношении могуществу короля, сеньоров, рыцарей. Последнее обстоятельство обусловлено все тем же основным различием: полис есть город-государство, каковым редко являлся средневековый город (за исключением городов Италии) (выделено – Л. Р.).

Как ни велики отличия в ходе эволюции средневековых городов различных стран Европы, но в одном пункте, в одном отношении «круг развития», по мнению Вебера, универсален: «в эпоху Каролингов города были, – говорит он, – не чем иным – или почти не чем иным, – как административными центрами управления отдельных округов с известными особенностями сословной структуры; в средневековом патримониальном государстве они вновь значительно приблизились к этому положению и выделяются лишь своими особыми корпоративными правами. В промежуточные периоды своего развития они были везде в той или иной степени коммунами с автономной хозяйственной политикой». Что означает первая часть этого определения средневекового города, т. е., в чем заключалась городская автономия, мы уже знаем в общих чертах; но мы еще не уяснили второй его части, т. е. не раскрыли значения и содержания хозяйственной политики города.

Вопрос этот сложен и спорен – тем более важно и интересно познакомиться с тем, что дает точка зрения Вебера для его уяснения. Об особом городском хозяйстве и городской хозяйственной политике говорят обычно применительно к тому периоду городского развития, когда господство в городском управлении принадлежало цехам. О политической роли цеха нам уже приходилось попутно говорить. Но цехи, которые Вебер определяет как «расчлененные по профессиям, чисто экономические объединения», были в значительной мере носителями городской хозяйственной политики.

Сущность и основное содержание городской экономической политики средних веков Вебер видит в следующем: в результате всего предшествовавшего процесса исторического развития для средних веков даны определенные условия городского хозяйства, которые можно было бы назвать естественными для этой эпохи. Эти-то естественно данные условия экономическая политика средневекового города и стремится зафиксировать, применяя целый ряд мер и средств хозяйственного регулирования. Делает она это в интересах обеспечения непрерывности и дешевизны массового питания, а также постоянства шансов на прибыль для ремесленников и купцов. Каковы эти естественные условия, каковы меры, принимаемые для их фиксации, и, наконец, каково взаимоотношение экономических интересов различных слоев городского населения – вот основные вопросы, которые возникают при этом. Ответ на них должен конкретизировать наше представление об экономической

политике средневекового города. «Естественные» условия, о которых только что шла речь, заключаются: 1) в определенном характере производства, которое представляет собой в техническом отношении ремесло, в организационном отношении – мелкую промышленность, уже разделенную на отрасли и профессии, но еще бедную капиталом или даже вовсе лишенную его, 2) в определенном отношении города к окрестности, к городской округе, население которого является с одной стороны, поставщиком продуктов сельского хозяйства на городской рынок, а с другой стороны – покупателем городских товаров и ремесленных изделий на том же рынке. Таким образом, городской рынок есть тот узел, в котором сплетаются два важных для города качества сельской округи – как района сбыта и как поставщика предметов питания. Таковы «естественные условия».

Теперь поставим следующий вопрос, как происходит хозяйственное регулирование этих условий и чем оно вызывается?

Мы уже указывали на то, что всякий город есть в той или иной мере – и город производителей, и город потребителей. Поэтому всякая политика, направленная на регулирование отмеченных выше естественных условий, неизбежно должна носить двойственный производственно-потребительский характер, должна стремиться удовлетворять как производительные, так и потребительные интересы городского населения. Так, например, надзор за доброкачественностью и за сбытом товаров исходит отчасти из соображений охраны потребителей, поскольку этот надзор является одновременно и контролем над ценами, а отчасти и из необходимости поддержания определенной репутации фирм, производящих и сбывающих эти товары.

Взаимоотношения города и сельской округи носит тоже двойственный характер: с одной стороны, городская экономическая политика стремится принудить окрестных крестьян покупать все им необходимое в городе, что делается явно в производительных интересах города, т. е. в целях обеспечения городским ремесленникам района сбыта для их продуктов. Теми же соображениями отзываются и различные формы борьбы с конкуренцией сельских ремесленников – например разрешение продавать изделия на рынке только городским ремесленникам, состоящим в одном из цехов данного города.

С другой стороны, однако, та же политика стремится принудить городских производителей продавать товары только на городском рынке и препятствует предварительной покупке кем-либо этих товаров вне рынка, что диктуется уже потребительскими интересами города, целям охраны потребительских интересов служит и так называемое складочное право, т. е. обязательство купцов держать на городском рынке товары (как местные, так и ввозные) до тех пор, пока не будут удовлетворены все городские потребители, а также принуждение ввозить какой-либо товар (например, хлеб) преимущественно в данный город. Несомненно, что, кроме этих интересов производителей и потребителей, хозяйственная политика города отражает еще и классовые интересы различных социальных слоев городского населения и в значительной мере определяется ими. Так, в интересах ремесленников ведется

борьба с возникновением различных форм капиталистической зависимости, иногда запрещается система скупки и мануфактуры, устанавливается контроль над капиталистическими займами, производится регулировка сбыта и поставка сырья, в интересах местных городских купцов делается попытка провести монополию в посреднической торговле и завоевать привилегии во внешней торговле. «Эти основы городской хозяйственной политики, – говорит Вебер, – в главных своих чертах имеются налицо почти всюду, они варьируются лишь благодаря большому числу возможностей весьма различных компромиссов между разными сталкивающимися интересами».

Однако это еще далеко не все: то или иное направление хозяйственной политики средневекового города определяется не только экономическими целями потребления и производства и классовыми интересами разных слоев городского населения, но и размерами района приложения промышленной деятельности города. То, что было сказано выше о городской экономической политике, относится к тому периоду развития городов, когда этот район был слишком тесен для промышленной деятельности городского населения, когда круг не городских потребителей благодаря более быстрому промышленному развитию города сравнительно с деревней стал непропорционально узким по отношению к кругу городских производителей, которым грозило перепроизводство и недостаток средств к существованию. Чтобы как-нибудь избежать этого, они начали распространять и на производственные отношения самого ремесла свою «мелкобуржуазную политику пропитания», ограничивая число подмастерьев и монополизировав места мастеров для известных слоев местных жителей.

Это означало, что ремесло самоограничивается, само ставит рамки дальнейшему увеличению числа занятых в нем лиц, чтобы таким образом, путем выключения из своей среды целого ряда социальных элементов, спасти самое свое существование, если посмотреть на это самоограничение ремесла с другой его стороны, то дело сведется к тому, что сельская округа не в состоянии прокормить возросшее торгово-промышленное население, и этот недостаток не в силах возместить даже торговля между отдельными частями страны, ибо успешное участие в ней города зависит в свою очередь от монопольного положения городских купцов данного города во внешней торговле, а его далеко не всегда удавалось достигнуть.

Исследователь греческого городского хозяйства К. Рицлер дает нам великолепную параллель к этому явлению в древнегреческом полисе: «С достижением предела доходов, даваемых местным сельским хозяйством, – говорит он, – достигается и предел того количества населения, которое может прокормиться на родине, т. е. в родном городе». Вебер тоже привлекает для параллели со средневековым античный город – только он берет его в несколько иной период его существования, а именно, в ту эпоху, когда в античном мире уже было налицо разделение труда (в производственном смысле) между отдельными областями и местностями, когда усиливались обменные связи и в результате этих процессов внутри греческого полиса начали развиваться такие

хозяйственные тенденции, которые должны были стать в резкое противоречие к формам его политической организации как маленького государства.

Но хотя обменные связи росли и развивались, отсутствие крупного объединяющего государства исключало возможность какого бы то ни было регулирования в государственном масштабе. Маленький городок противостоял здесь не только своей сельской округе, но и целому ряду заморских стран, представляющих собой главным образом поставщиков сельскохозяйственной продукции. Поэтому греческий город той эпохи, как справедливо замечает Рицлер, страдал не столько от перепроизводства, сколько от недостатка ввоза и от недопроизводства: античный город перерос рамки своей окрестности не только экономически, как это было в средневековой Европе, но и политически: он был с самого начала государством, которое, естественно, не могло просуществовать исключительно за счет собственного сельского хозяйства и собственного ремесла с развитием внешней торговли и обмена это невозможность сказалась особенно резко. Именно этот обмен плюс отсутствие объединяющей государственной организации и обусловил собой недостаток средств пропитания в городе, а не слишком быстрое развитие ремесла внутри города, как было в средние века. Город Древней Греции страдал как от развития обмена, так и от недостаточности его развития: ему нужно было ввозить из-за границы (т. е. из других городов-государств) много продуктов как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, а сделать это ему было очень трудно, так как в силу недостаточности развития обменных связей он не обладал ни необходимой для этой цели экономической мощью как торговый центр, ни политическим могуществом как государство.

Что же касается развития внутригородской промышленности, то она была в Древней Греции следствием отмеченных выше явлений: она развивалась в результате повышенного спроса на ремесленные изделия, и продукты ее производства в свою очередь нуждались в сбыте вовне. Городу предстояло, по мнению Рицлера, так или иначе попытаться справиться с возникавшей таким образом задачей: совместить хозяйственные потребности, вызванные развитым, но не урегулированным обменом, с политическими формами маленького города – государства.

Рицлер намечает два возможных пути, два способа разрешения этой задачи: 1) либо попытка преодоления былого самодавления полиса путем экономического, а иногда и политического завоевания тех стран, с которыми необходимо было установить обменные связи (пример: Афины, Делосский союз), 2) либо, напротив, возвращение к былой автаркии полиса (пример: Спарта). Вебер рассматривает преимущественно первую из намеченных Рицлером возможностей. Обратимся и мы сначала к ней.

Указывая на уже известную нам разницу в социальной структуре полиса и средневекового города (там – знать и массы обезземеленных и задолжавших крестьян, здесь – вотчинники и ремесленники), Вебер отмечает, что интересы низших классов населения полиса были главным образом потребительскими интересами и все более становились таковыми в процессе развития полиса.

Если в раннюю пору и заметны начатой цеховых организаций, то в классическую эпоху демократии они совершенно исчезают и их место занимают деления по демам и трибам «Свободные союзы» городов эпохи демократии не носили характера цехов, так как не были объединениями ремесленников с монополистическими целями.

Недостаточность продукции свободного ремесла для удовлетворения государственных надобностей вызвала развитие рабского ремесла, успешно конкурировавшего со свободным. Гоплитный строй войска, часто отвлекавший граждан – и горожан, и крестьян – от их работы для исполнения воинских обязанностей, заставлял гоплита оставлять на своей земле рабов: они были для него так же необходимы, как держатели для средневекового рыцаря. Такое развитие рабского труда в случае организации цехов, несомненно, принудило бы свободных ремесленников принимать в них и рабов, что, однако, оказало бы плохую услугу политическому значению цехов. А мы ведь видели уже, как важно было оно и для их хозяйственного процветания. Те слои населения, которые стояли во главе городского движения в средние века, т. е. живущие в городе крупные предприниматели и ремесленники мелкокапиталистического типа, не были у власти в античном городе. «Ибо подобно тому, как античный капитализм, – говорит Вебер, – ориентировался преимущественно политически – на государственные доходы, постройки, государственный кредит, расширение государственной территории и добычу пленных (рабов), на привилегии для промышленной деятельности и земельные пожалования, на заморскую торговлю и подати с подчиненных государств – точно так же и античная демократия, т. е. крестьяне, составлявшие ядро войска гоплитов, была заинтересована больше всего в завоевании земель для поселения, а городская мелкая буржуазия – в прямых или косвенных рентах из карманов зависимых общин». «Цеховой политике в средневековом духе не дали бы возникнуть уже одни только интересы дешевого обеспечения войска гоплитов, состоявшего главным образом из землевладельцев».

Как видим, Вебер все время имеет здесь в виду полис, устремившийся к завоеванию необходимых ему территорий вышедший за пределы автаркии. Это обстоятельство и ряд только что отмеченных особенностей античного города делали невозможной экономическую политику в стиле средних веков, но в то же время создавали почву для иного рода хозяйственной политики. Ее проводили, например, эсимнеты в Афинах, и она состояла в следующем: принимались меры против продажи крестьянских земель представителям городской знати и против ухода крестьян в города, ограничивались работоторговля и посредническая торговля, а также роскошь, иногда ограничивался, а иногда и вовсе запрещался вывоз хлеба и зерна. Все эти мероприятия, говорит Вебер, «в значительной мере означают мелкобуржуазную городскую хозяйственную политику, соответствующую экономической политике средневековых городов».

Столь велики различия между средневековым и античным городом в тот период его развития, который берет Вебер, и в том случае, когда попытка

преодоления автаркии хоть в какой-то степени удастся при сохранении той же экономической основы (как было в древнем Риме, который здесь имеет в виду Вебер).

Во втором из намеченных Рицлером случаев это различие гораздо меньше и черты сходства выступают яснее. В хозяйстве города, стремящегося вернуть себе поколебленную обменом автаркию, появляются некоторые черты, очень сходные со средневековым городом. «Отрасли производства, необходимые для местного потребления, – говорит Рицлер, – должны быть созданы внутри города». Начинается вмешательство городских властей в процесс образования рыночных цен, издаются законы против скупки товаров, появляются складочное право, запрещение вывоза предметов, существенных для государства или для потребления и производства, ограничение права покупки земельной и прочей недвижимой собственности. «Задача полиса как кормильца горожан заключается в том, чтобы всячески защищать их, как потребителей и производителей, против всех негорожан».

При этом не следует, однако, упускать из виду, что причины и условия, породившие экономическую политику античного и средневекового города, во всяком случае, различны: в то время как в древности она была вызвана расширением обменных связей, которые полис не мог использовать вследствие своих особенностей маленького города-государства, в средние века ее направление определялось сужением района приложения промышленной деятельности городского ремесла.

Мы изложили основные линии сложного и многостороннего исследования Вебера. Подведем итог:

1. Средневековый город есть рыночное поселение, являющееся в то же время укрепленным пунктом и автономной корпорацией.
2. Происхождение города надо мыслить себе не в виде постепенного развития всех этих признаков из какого-либо одного начала, а в виде ряда сложных, перекрещивающихся процессов – социально-экономических и военно-политических. В частности, корпоративную автономию город приобрел в результате вооруженной борьбы горожан с сеньором, борьбы, ставшей возможной в силу господства принципа самоэкипировки войска. Эта борьба в свою очередь сильно повлияла на социально-экономическое развитие города.
3. Средневековый город, как и всякий иной, есть одновременно и город потребителей, и город производителей с большим или меньшим уклоном в сторону то одного, то другого
4. Степень и характер этого уклона зависят от характера социальной структуры города, которая очень сложна и разнообразна, (средневековый город составил первоначально из комбинации рыночного и бургового, вотчинного населения, а потому в нем можно различить три основных класса: а) землевладельцев и рантье всякого рода, б) купцов, в) ремесленников, последние в свою очередь подразделяются на ремесленную буржуазию и подмастерьев-рабочих. Социальная борьба,

носящая в то же время и политический характер, ибо она является борьбой за господство в городе, за участие в городском управлении, разыгрывается вначале между сеньориальными землевладельческими элементами и рыночными. Затем она продолжается внутри последних между различными слоями ремесленников и купцов.

5. В процессе этой борьбы и по мере развития ремесла возникает особая хозяйственная политика города, которая ставит своей целью хозяйственное регулирование «естественных условий» в производственно – потребительных интересах городского населения. При этом внегородские сословные различия игнорируются, и деревня рассматривается как объем хозяйственной политики города. Упомянутые выше «естественные условия» суть: а) специфический характер производства – слабость капитала в ремесле; б) наличие известной взаимной зависимости города и сельской округи. Направление и характер регулирования этих «естественных» условий определяется: а) двойственностью специально-экономической структуры города как совокупности производителей и потребителей, б) столкновением классовых и сословных интересов разных слоев городского населения: в) размерами районов сбыта для продуктов городского ремесла.

Попытка резюмирования и даже изложения такой работы, как труд Вебера, по необходимости упускает из виду всю тонкость, сложность и многосторонность ее построения, давая лишь самые основные, общие выводы. От живого организма остается скелет, но, может быть, по этому скелету легче ориентироваться и в самом организме.

ГЛАЗЫЧЕВ В.

УРБАНИСТИКА. ЧАСТЬ 1

М.: Издательство «Европа», 2008. – 220 с.

Итак, если до недавнего времени под урбанизацией понимался статистически измеримый процесс перехода сельского населения в индустриальные города, то в настоящее время понятно, что природа этого процесса существенно сложнее. Именно эта сложность породила корпус текстов, посвященных урбанизации во множестве ее форм, и этот корпус текстов образует урбанистику. Насколько в этом предмете можно говорить о сложившейся науке, вопрос спорный, но то, что мы имеем дело с уже зрелым знанием, не подлежит сомнению.

В самом деле, не касаясь здесь Востока, где сложение знания о городе шло своим путем, достаточно заметить, что литература о городе пополняется вот уже две с половиной тысячи лет. Великий врач Гиппократ собрал вместе опыт функционирования греческих городов-полисов, обозначив гигиенические правила ориентации улиц. Гипподаму приписывается изобретение регулярной сетки городских улиц, без изменений дошедшей до нашего времени –

достаточно напомнить, что нью-йоркский Манхэттен в полноте сохранил гипподамову схему. Платон пытался описать идеальную модель города, отталкиваясь от общефилософских суждений о природе взаимодействия между людьми, тогда как Аристотель обобщил опыт конституций десятков полисов и обсуждал оптимальную численность свободных горожан. Рим освоил опыт греков, обобщил его и стандартизировал – настолько, что во всех городах империи ширина главных и второстепенных улиц была одинаковой, позволяя проехать одной повозке, а в бордюрных камнях тротуара напротив каждой таверны или лавки были высверлены отверстия для привязывания лошади или осла. Сложились и воспроизводились стандарты обустройства публичных бань, рынков, амфитеатров и театров, и эти стандарты воплощались повсюду, от Нила до Рейна и от Евфрата до Темзы, приноравливаясь к природным условиям. Этот опыт был описан во множестве трудов, включая замечательный трактат Фронтинана об акведуках и фонтанах и обширную энциклопедию строительства Витрувия.

После долгого исторического интервала, который принято именовать Средними веками, герои итальянского Возрождения заново прочли античные тексты и много размышляли о создании идеального города, отнюдь не ограничиваясь при этом вопросами планировки и застройки. Так, у Филарете (Антонио Аверлино) тщательно описываются не только система улиц и каналов, не только нормы жилых помещений для представителей разных сословий, не только правила организации торговли, но даже расписание занятий и меню для учеников лицея и рисунок шевронов на рукаве камзола лицеиста. Литература и живопись существенно опережали практику – люди, которые все еще жили в средневековых домах и ходили одетыми по бургундской моде, читали трактаты и смотрели на фрески с изображениями бесконечных колоннад и купольных зданий, каких еще не существовало. Это следует запомнить: история урбанистики и урбанизации доказывает, что от рождения идей до их реализации в ткани городов проходят десятилетия, иной раз многие десятки лет.

Несколько столетий идеи новой регулярности застройки, подчиненной прежде всего соображениям эстетизированной политики, осуществлялись отнюдь не в городах, а в загородных дворцово-парковых комплексах. Только два новых города, созданных имперской по существу волей, наперекор крайне неблагоприятным природным условиям, выразили распространение архитектурно-художественной трактовки таких комплексов на большие пространства целого города. Это Петербург и Вашингтон. Зрелость урбанистики выразилась в этом достаточно полно. Президент Джефферсон, ставший сильным архитектором только на основании чтения древних трактатов и более современных книг, снабжал ими военного инженера Ланфана. Российские императоры начиная с Петра Первого были в достаточной степени знакомы с корпусом книг по урбанистике, чтобы ставить перед архитекторами детальные технические задания. Еще раньше в «клуб» упорядоченных столиц сумел войти Лондон. Уже через несколько дней после пожара 1666 г.,

уничтожившего почти весь древний город, урбанист-любитель лорд Эвелин и математик-архитектор Кристофер Рен представили королю амбициозную программу восстановления столицы: широкие, спрямленные улицы, многочисленные площади, диагональные авеню. Однако в Великобритании был парламент, выражавший совсем иные интересы застройщиков, которые стремились поскорее извлечь ренту из участков в их прежних габаритах, и мечты остались мечтами.

По меньшей мере полтора века разворачивается процесс сложной реорганизации старых европейских городов. К концу XVIII в. здесь в целом был завершен многовековой процесс саморегулируемого развития городов, бывших в первую очередь корпорациями гильдий и цехов. Они формировали городское управление, они издавали законы, регулировавшие правила застройки и правила поведения вплоть до ограничений на ношение той или иной одежды и украшений разными сословиями горожан. Они же возводили, ремонтировали и охраняли городские укрепления – рвы и стены, а затем, когда артиллерия изменила ход ведения боевых действий, рвы и земляные валы.

Укрепление централизованных государств и бурное разрастание крупнейших городов, прежде всего столиц, породили проблемы, масштаб которых превосходил собственные ресурсы городов, что привело к активному вмешательству государственной машины в городскую жизнь. Нельзя сказать, чтобы урбанистика той эпохи была в состоянии видеть и понимать существо метаморфоз городской жизни в полном объеме. Адепты градovedения были поглощены сравнительным описанием множества городов, тем более что гравюра – единственное тогдашнее средство тиражирования изображений – была делом долгим и дорогим. Однако множество мыслителей, начиная с Вольтера и Гете, немалое число экспертов, среди которых ведущую роль играли высшие полицейские чины и врачи, шаг за шагом публиковали тексты, посвященные всем основным проблемам, связанным со скоплением сотен тысяч людей на ограниченной территории. Проблемы транспортных заторов и проблемы эпидемий, природу которых наконец поняли, связав ее не с «дурным воздухом», как считалось ранее, а с качеством питьевой воды, проблемы пожарной службы в затесненных кварталах и разгула преступности в них – все это столь явно было сопряжено с характером застройки городов, что раньше или позже требовалось перейти от слов к действиям.

Первым шагом такого перехода стало повсеместное устройство кольцевых бульваров на месте снесенных городских укреплений, ставших ненужными, когда прогресс военного дела вынудил перейти от сплошной линии фортификаций к фортам, вынесенным за городскую черту. Нужен был авторитет высшей государственной власти и ее финансовая поддержка, чтобы не допустить хаотической коммерческой застройки столь желанного для застройщиков пустыря, но прежде того соответствующие проекты в иллюстрированных книгах должны были не только появиться, но и быть воспринятыми широким кругом образованных горожан.

Французская революция и режим Наполеона создали предпосылки для возникновения самой идеи радикальной реконструкции столичного города, но только к 40-м годам XIX в. сугубо эстетический подход к такому радикализму, символом которого стали парижские улица Риволи или площадь Звезды, мог уступить место более сложной схеме мышления. У этой схемы коллективный автор, но персональный реализатор – префект Парижа Осман, получивший твердую поддержку Наполеона III, и не лишено интереса то обстоятельство, что главными их оппонентами оказались мэтры парижской архитектуры, отстаивавшие принцип автономности каждого отдельного сооружения. Широко известно, что главным, видимым эффектом османовской реконструкции стали новые парижские бульвары с их ровным строем зданий, выведенных под один карниз, так впоследствии прославленные на полотнах импрессионистов. Однако в действительности и эффектов значительно больше, и механизм их достижения не имел аналога в истории.

Ключевым было создание первой крупномасштабной инженерной инфраструктуры огромного города, включившей тридцатикilометровый водовод, сотни километров подземных каналов канализации, газопроводов, тысячи газовых фонарей уличного освещения. Не менее важным делом стала расчистка множества кварталов старого города под качественно новую застройку. Эта операция, жестокая для местного населения, в большинстве своем безжалостно выброшенного на необустроенные окраины, имела второй, не слишком афишируемой целью ликвидацию остатков низового, квартального самоуправления, в котором власть – после эксцессов нескольких революций – не без оснований видела постоянную опасность. Столь же существенным стало возведение первого в Европе сверхкрупного торгового центра – нового комплекса павильонов большого рынка вместо прежнего Чрева Парижа, учреждение двух гигантских лесопарков, известных как Венсеннский и Булонский леса.

И все же, быть может, самой крупной новацией стал сам метод финансирования гигантских по масштабу работ по реконструкции французской столицы, заставляющий утверждать, что это на долгое время был крупнейший в мире профессиональный девелоперский проект. При существенном вкладе из государственной казны, без чего проект не имел шансов на осуществление, основной капитал был акционерным – держателями акций реконструкции Парижа стали многие тысячи сколько-нибудь состоятельных французов, при этом отнюдь не только самих парижан. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что и эти первые акционеры, и отчасти их потомки, существенно умножили свои средства, вложенные в столь долговременный проект, за счет, говоря сегодняшним языком, скачкообразного роста капитализации столицы.

Естественно, что и ход, и результаты реконструкции Парижа породили огромный массив литературной критики и аналитических работ, вследствие чего урбанистика, как область знаний, получила дополнительный толчок к развитию. Свою долю в этот процесс внес и сам барон Осман, в 70-е годы

опубликовавший двухтомник своих мемуаров о ходе реконструкции великого города. Париж в ту эпоху был подлинной столицей мира, и он настолько приковывал к себе всеобщий интерес, что одновременный процесс реконструкции Лондона, пусть и меньшего масштаба, но чрезвычайно существенный, был известен значительно меньше. Между тем здесь Джон Нэш, архитектор и удачливый девелопер, впервые осуществил достаточно крупную программу реконструкции в центре Лондона, включая прокладку и застройку новой улицы, площади Пиккадили, парка Сент-Джеймс и ряда кварталов крупных доходных домов. В отличие от Парижа в Лондоне королевская власть могла оказать проектам Нэша лишь политическую поддержку и участие земельными владениями, принадлежавшими короне, тогда как все проекты были осуществлены как частные операции, предпринятые пулом инвесторов. Здесь же, в Лондоне, в 1851 г. открылась первая Всемирная выставка, гигантский павильон которой в немыслимо короткий срок, за одиннадцать месяцев, был и спроектирован, и построен, и оформлен под руководством Джозефа Пэкстона, прежде ландшафтного архитектора. С этого началась важная новая стадия урбанистической культуры – создание временных культурных «магнитов», способных привлечь миллионы посетителей.

С середины XIX в. напряженным вниманием к городу в равной степени отличались и социал-демократические, и либеральные критики. И те и другие сосредоточили внимание на действительно отчаянном положении, в котором оказались обитатели рабочих районов при стремительном развитии промышленного капитализма. При отсутствии доступного общественного транспорта рабочие жилища могли располагаться лишь в непосредственной близости от заводов, тем более что при бесчеловечной продолжительности рабочих смен даже полчаса хода до работы среди дымов и зловонных каналов были тяжкой нагрузкой. Но если социалисты сводили свою критику к одному тезису о необходимости революции, то либералы шаг за шагом увеличивали давление на власти в пользу радикальных реформ. Через их статьи и книги читатель узнавал, какую угрозу эпидемий несло в себе отсутствие снабжения чистой водой и канализации, каким ужасом и какой угрозой для всех горожан могла отозваться концентрация нищеты в переуплотненных доходных домах-казармах, какое значение имеет наличие массивов здоровой зелени в городской ткани и пр., и пр.

За текстами такого рода с понятной задержкой последовали отдельные, часто утопические попытки создать новые образцы городской среды, будь то фаланстеры в духе Оуэна или дома для рабочих, построенные на средства индивидуальных жертвователей или благотворительных фондов. Все эти попытки широко и горячо обсуждались, и только на этом основании принимались законы – прежде всего в Великобритании, затем во Франции, Бельгии и Нидерландах, в Германии. Всякий закон предполагал достаточно глубокое и всестороннее обсуждение до его принятия и весьма подробное обсуждение первых шагов его реализации, так что урбанистика, как собрание текстов, росла едва ли не в геометрической прогрессии...

Пока еще все это почти не отражалось в российской практике, где всемогущество государственной машины при слабости буржуазии вело к тому, что из парижского, венского, берлинского или лондонского опыта была извлечена почти одна лишь эстетическая составляющая. К тому же российская литература до конца XIX в. была почти исключительно занята усадьбой и деревней, крайне редко и достаточно поверхностно обращаясь к городским реалиям. Очерки Глеба Успенского остаются почти исключением из этого правила. В то же время бедность социальной практики не только не препятствовала развитию жгучего интереса к тому, что происходило в городах Европы и что там писали о городской среде, но и побуждала критическую мысль, обращенную и в прошлое, и к настоящему, и к первым попыткам проектирования «города будущего», каких было много.

В 1909 г., когда прошло двадцать лет с публикации в Германии знаменитой книги Камилло Зитте и уже шел шестой год с начала строительства первого «города-сада», выросшего из идей Эбенизера Говарда, в Лондоне возникает первая в мире кафедра городского планирования. С этого момента можно отсчитывать новую стадию развития урбанистики, ведь если есть школа, то возникают лекционные курсы, пишутся первые учебники, на чем складывается зрелость профессуры, школы множатся по всему миру, растет число аспирантов и, следовательно, диссертаций и, следовательно, новых книг. Зитте, небольшую книгу которого на новых кафедрах разучивали наизусть, имел некоторый практический опыт разработки генплана (чешский город Оломоуц), однако в своем литературном труде он резко порвал с прежней практикой комплексного осмысления города. Насколько резким был этот отрыв, легко понять из простого сопоставления названий его книги «Художественные основы градостроительства» с названием книги его предшественника Рейнгарда Баумайстера: «Расширение городов в техническом, строительно-полицейском и хозяйственном отношениях» (1876 г.). Несколько раньше выходит в свет превосходная работа Ильдефонса Серда «Теория городской дорожной сети», успешно соединившего инженерную строгость научного подхода с опытом создания генерального плана Барселоны. К сожалению, за пределами Испании эта книга практически не была известна.

Пересказывать Зитте нет резона – достаточно перечислить названия глав его книги: «Связь между постройками, монументами и площадями, О свободной середине площади, Замкнутость площадей, Размеры и форма площадей, Нерегулярность старых площадей, Группы площадей, Площади Северной Европы, скудность и безликость современного городского строительства, Границы эстетических преобразований в современном градостроительстве, Примеры градостроительных преобразований на основе художественных принципов».

С начала XX в. можно зафиксировать существенную развилку в развитии урбанистики. Одна ее ветвь, следуя Зитте и опираясь на постоянно расширяющуюся и постоянно обновляемую историю города, акцентирует в первую очередь внимание на внешней форме города, на

вариантах его композиционной структуры и образного строя. Другая ветвь – это сосредоточение внимания на проблемах городской инфраструктуры, включая транспортные сети, на вопросах экономики города и управления его развитием, включая девелопмент и его рамки. Наконец, третья – на проблемах социальной жизни города и на том, как и насколько городское планирование оказывает влияние на эту социальную жизнь, включая то, насколько и каким образом в этот процесс вовлечены горожане (выделено – Л. Р.).

В России этот тип литературы, опиравшейся на серьезные обследования, лучше всего представлен небольшой книгой Ивана Озерова «Большие города». Все три ветви разрастаются побегами порознь только в корпусе урбанистики, тогда как в реальности городского планирования – через сознание профессионалов – они оказываются переплетены на сто ладов. Первое послереволюционное десятилетие в России стало временем безудержных мечтаний о новом городе нового, справедливого общества. Безудержных – потому что с упразднением частной собственности на землю для фантазии не было никакого стеснения. Полное отсутствие крупномасштабной практики в разоренной стране, где с установлением НЭПа только возрождалось жилищное строительство, освобождало фантазию и от каких-либо технико-экономических ограничений. Некоторые из идей того времени, оказавших влияние на городское планирование во всем мире, будут рассмотрены далее. Здесь важно другое – с началом пятилетних планов с мечтаниями о «голубых городах» в сталинском Советском Союзе было жестоко покончено, представление о городском планировании уступило место идее градостроительного проектирования, причисленного к цеху архитектуры. В результате возникло специфическое переплетение первой и второй ветвей урбанистики, когда вопросы формирования городской инфраструктуры были полностью подчинены ведомственной системе государственного планирования. Вопросы же формы города то задвигались на второй-третий план, как это было в годы первой пятилетки или в эпоху Хрущева, то напротив – приобретали первостепенное значение, будь то в позднюю сталинскую эпоху, после победы в войне, или в конце эпохи брежневской. *Представления о потребностях горожан (третья ветвь) были выстроены по нормативной модели, на основе идеологических установок о том, что действительно нужно советскому человеку, тогда как реальными потребностями реальных людей, в силу полного запрета на социологию, не интересовался никто* (выделено – Л. Р.).

На Западе, от которого Советский Союз к середине 30-х годов отгородился железным занавесом, вторая (назовем ее технологической) ветвь урбанистики развивалась быстро и неуклонно. Сфера художественного вкуса распространялась только на отдельное здание. В обстановке очевидного столкновения алчности частных инвесторов с публичным интересом происходило трудное становление городского законодательства. В США – на муниципальном уровне, вследствие чего многообразие решений быстро

достигло масштабов, сопоставимых с античной эпохой, в ряде стран – на уровне земель или провинций; только во Франции и в Испании эпохи диктатуры Франко – на общенациональном уровне. Стремительная автомобилизация породила совокупность транспортных проблем, что в США привело к почти полному подавлению ранее развитого общественного транспорта. Рост торговых сетей в США почти повсеместно подавил старые городские центры, тогда как стремительное разрастание пригородов после Второй мировой войны полностью изменило представление о природе города.

Все это исследовалось разросшимися социологическими службами, так что корпус урбанистики американского образца разросся до десятков тысяч публикаций. Вследствие этого «урбанистик» в США почти столько же, сколько университетов, и выпускник отстраивает свои знания в дальнейшем в отсчете от законодательства того или иного штата, а часто и города, сдавая соответствующий экзамен для получения права на самостоятельную практику. Первая ветвь (назовем ее эстетической) вошла в университетские курсы, но длительное время не оказывала на практическое воплощение урбанистики заметного влияния, даже когда ее пропагандистом выступил знаменитый Фрэнк Ллойд Райт. ***Третья ветвь (будем именовать ее социальной) не давала о себе знать в США до 1962 г., когда в свет вышла книга Джейн Джекобс «Жизнь и смерть великого американского города» (выделено – Л. Р.).***

Эта книга журналиста и преданного борца за права заурядных горожан в их столкновении с шаблонами городских планировщиков и интересами застройщиков, поддерживаемых муниципальными властями, была переиздана в США множество раз. Она переведена на множество языков, и ***с нее отсчитывается переформатирование социальной ветви урбанистики и начало мощного движения т. н. архитекторов-адвокатов*** (выделено – Л. Р.).

В междувоенной Европе, где фрагментарная реконструкция городов была связана с широким распространением социал-демократических идей, основное развитие получило соединение эстетической линии с нормативно, почти по-советски, понятой социальной линией. Достаточно рано на первый план выдвигаются идеи радикально нового города жилых башен, свободно стоящих среди автомагистралей, авторства Ле Корбюзье, который безуспешно пытался найти государственного заказчика на воплощение своих проектных схем. Книги именно этого талантливого пропагандиста «модернизма» сыграли гигантскую роль в преобразовании корпуса европейской урбанистики, вслед за чем последовали попытки реализации – отнюдь не в Европе. Чандигарх, столица штата Пенджаб в Индии, Бразилиа – новая столица огромной страны, спроектированная Нимейером и Коста в красной пустыне, на берегу нового водохранилища; советские новые города – Тольятти, Набережные Челны, Шевченко (ныне Актау) на полуострове Мангышлак, Навои в Узбекистане; наконец, постсоветские Ханты-Мансийск или Кагалым – все это в значительной степени следы мощи урбанистики как комплекса идей, опережавших практику и отрицавших прошлый опыт столетий.

Технологическая ветвь разворачивалась после войны под мощным влиянием ее американской версии, социальная – тоже, с естественным запаздыванием, и только на севере Европы: в Скандинавии, Великобритании, в Германии, тогда как европейский Юг начал входить в этот процесс только в последние годы прошлого века.

ЗИММЕЛЬ Г.

БОЛЬШИЕ ГОРОДА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

«Логос» 2002, №3-4

Глубочайшие проблемы современной жизни вытекают из стремлений индивидуума охранить свою самостоятельность и самобытность от насилия со стороны общества, исторической традиции, внешней культуры и техники жизни. Это – последняя из выпавших на нашу долю форм борьбы с природой, борьбы, которую первобытный человек ведет за свое физическое существование. Сколько бы XVIII столетие ни призывало к освобождению от всех исторически сложившихся пут в области государства и религии, морали и хозяйственной жизни, для того, чтобы дать беспрепятственно развиваться людской природе, признанной для всех людей равной и по существу благой; сколько бы XIX век ни требовал, наряду с чистой свободой, обусловленной разделением труда, специализации человека, специализации, которая делает отдельного человека до известной степени необходимым и незаменимым, но вместе с тем и более зависимым от дополнения его другими людьми; сколько бы ни говорил Ницше о самой беспощадной борьбе между личностями, а социализм, наоборот, – о полном устранении всякой конкуренции, как об условии полного развития индивидуума – во всем этом слышится один основной мотив: возмущение субъекта против нивелирования его и поглощения общественно-техническим механизмом. Всюду, где идет речь о внутреннем содержании результатов специфической современной жизни, где, так сказать, тело культуры спрашивают о своей душе, – каковой вопрос нас сейчас занимает по отношению к большим городам, – всюду ответ нужно искать в том уравнении, которое составляется между индивидуальным и надиндивидуальным содержанием жизни, – в приспособляемости личности, благодаря которой он уживается с внешними силами.

Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, – это *повышенная нервность жизни*, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений.

Познавательная способность человека основана на восприятии различий, т. е. его сознание возбуждается восприятием разницы между переживаемым впечатлением и непосредственно предшествовавшим. Устойчивые впечатления, протекающие с небольшими разницеми, привычным образом и равномерно и представляющие одни и те же противоположности, требуют, так сказать, меньшей затраты сознания, чем калейдоскоп быстро меняющихся

картин, резкие границы в пределах одного мимолетного впечатления, неожиданно сбегающиеся ощущения. Большой город создает именно такие психологические условия своей уличной суетой, быстрым темпом и многообразием хозяйственной, профессиональной и общественной жизни. И тот глубокий контраст, который существует между жизнью большого города и жизнью маленького города или деревни, отличающейся медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни, этот глубокий контраст вносится в наши органы чувств, – этот фундамент нашей душевной жизни, – и в то количество сознания, затраты которого требуют от нас, как от существ, познающих лишь на основании различий, большой город.

Это и делает понятным преобладание интеллектуального характера душевной жизни в больших городах сравнительно с малыми городами, где больше требуется проявлений души и отношений, основанных на чувстве. Последние коренятся в менее доступных сознанию душевных сферах и вырастают скорее всего в спокойной атмосфере равновесия неизменных привычек, в то время как место рассудка – в прозрачных, сознательных, высших сферах нашей души; рассудок и есть самая гибкая из наших внутренних сил; он не нуждается в потрясениях и внутренней встряске, чтобы разобраться в смене и противоположности явлений, в то время как консервативное чувство только благодаря таким встряскам и потрясениям и может идти в ногу с ритмом внешних явлений. Этим типичный житель большого города – тип этот представляет, конечно, тысячи модификаций, – создает себе средство самозащиты против угрожающих его существованию течений и противоречий внешней среды: он реагирует на них не чувством, а преимущественно умом, которому развившееся сознание доставило гегемонию в душевной жизни. Реагирование на явления отведено благодаря этому в наименее чувствительный психический орган, который очень далеко отстоит от глубин человеческого характера. Эта рассудочность, признаваемая своего рода охраной субъективной жизни от насилия большого города, разветвляется на отдельные явления, которые в свою очередь иногда снова сплетаются.

Большие города были издавна центрами денежного хозяйства, так как разнообразие и сосредоточение в них обмена придало орудию обмена такое важное значение, какого оно едва ли достигло бы в деревне при скудости ее обменных отношений. Но денежное хозяйство и преобладание рассудочности стоят в теснейшей связи между собою. Им обоим свойственно конкретное деловое отношение к людям и вещам, при котором нередко формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью. Чисто рассудочный человек равнодушен ко всему, что по существу индивидуально, так как индивидуальное может вызвать такое отношение и реагирование, которое не исчерпывается одной логикой; точно также принцип денег устраняет всякую индивидуальность явлений. Деньги спрашивают только о том, что является общим для всех соответствующих явлений, а именно о меновой ценности, которая нивелирует всякое качество и всякую оригинальность под единственный критерий количества.

Все душевные отношения между людьми основаны на их индивидуальности, тогда как рассудочные отношения считаются с людьми как с цифрами, как с элементами, по существу совершенно безразличными, ценными лишь по их объективным поддающимся точному взвешиванию трудам. Так точно и житель большого города считается со своими поставщиками и покупателями, со своей прислугой и очень нередко с людьми своего общества.

Совершенно противоположен характер людских отношений в маленьких кругах; здесь обязательное знание индивидуальностей неизбежно делает отношения более проникнутыми чувством, отвлекает до известной степени от чисто объективной оценки людей по тому, что от них можно получить и чего они требуют в возмездие за свои услуги. В области психологии хозяйственной жизни существенным в этих кругах является то, что товар производится для покупателя, которым он заказан, так что производитель и покупатель знают друг друга; наоборот, большой город настоящего времени живет почти исключительно производством для рынка, т. е. для совершенно неизвестных, самым производителем никогда не виденных покупателей.

Вследствие этого интересы обеих сторон становятся до беспощадности деловыми, и их рассудочный хозяйственный эгоизм не может быть смягчен действием личных отношений. И это очевидно стоит в такой тесной связи с денежным хозяйством, – которое господствует в больших городах, подавляя в них последние остатки производства для собственного потребления и непосредственного обмена и уменьшая в них с каждым днем работу для определенного круга покупателей, – что невозможно теперь сказать, какой из этих факторов был первичным и какой вторичным: повлияло ли духовное интеллектуальное настроение большого города на распространение денежного хозяйства, или, наоборот, последнее было определяющим фактором для первого. Несомненно лишь то, что уклад жизни больших городов был почвой, вскормившей взаимодействие между этими двумя факторами. Следующее выражение величайшего из английских историков духовной культуры дополнит мою мысль: «Во все течение английской истории Лондон никогда не был сердцем Англии, он часто был ее мозгом и всегда – денежной кассой!»

В одном, по-видимому, незначительном явлении на поверхности жизни соединились чрезвычайно характерно те же самые душевные наклонности. Дух современности все более и более проникается математикой. Идеалу естествознания, – превратить мир в арифметическую задачу, уложить каждую часть его в математическую формулу, – соответствует математическая точность практической жизни, вытекающая из денежного хозяйства; это оно так заполнило день такого множества людей взвешиванием, сосчитыванием, числовыми определениями, переводом качественных ценностей на количественные. Этот арифметический характер денег внес в отношение между элементами жизни определенность, точность в определении равноценностей и различий, безусловность договоров и условий; как на внешнее изменение, благодаря этому арифметическому характеру, следует и указать на всеобщее

распространение часов. Но причиной и результатом этой черты нашей жизни послужили условия, сложившиеся в большом городе.

Обстоятельства и жизнь жителя большого города бывают обыкновенно чрезвычайно разнообразны и сложны, и, что особенно важно, благодаря скоплению такой массы людей со столь дифференцированными интересами, их жизнь и деятельность слагается в такой многочисленный организм, что без самой пунктуальной точности договоров и выполнения их все обратилось бы в полнейший хаос. Если бы все часы в Берлине внезапно стали неверно или разно показывать время, хотя бы в продолжение одного часа, то вся хозяйственная и прочая жизнь этого города была надолго бы расстроена. К этому прибавляется еще один, с виду еще более внешний, фактор – большие расстояния, благодаря которым напрасные ожидания и запоздалые посещения приводят к ничем не возмещаемой потере времени. Таким образом, техника жизни больших городов вообще немыслима без самого точного распределения всякой деятельности и всех взаимоотношений по установленной схеме времени, лежащей вне субъекта. Но и здесь выступает то обстоятельство (составляющее в сущности задачу настоящего исследования), что из каждого пункта на поверхности жизни можно опустить лот в самые глубины души, что все самые банальные внешности связаны в последнем счете с конечным решением вопроса о смысле и стиле жизни.

Пунктуальность, рассчитанность, точность, к которым принуждает жизнь большого города, ее сложность и пространность не только стоят в теснейшей связи с его денежно-хозяйственным и интеллектуалистическим характером, но должны также окрашивать и внутреннее содержание жизни и содействовать уничтожению тех иррациональных, инстинктивных самовластных свойств и импульсов, которые имеют склонность самостоятельно определять формы жизни вместо того, чтобы брать ее извне в виде готовой схемы. И хотя характеризуемые ими самодовлеющие существования отнюдь не представляют чего-то невозможного в городе, все же они находятся в прямой противоположности к его типичным существованиям, и это объясняет страстную ненависть, питаемую к большому городу такими натурами, как Рескин и Ницше, – натурами, для которых ценность жизни заключается именно в несхематическом, своеобразном, не поддающемся равному для всех определению, натурами, у которых из того же источника, из которого вытекает эта ненависть, рождается также ненависть к денежному хозяйству и к интеллектуализму в жизни.

Те же факторы, которые точностью и минутной пунктуальностью привели к совершенно безличной формации, влияют, с другой стороны, на крайнее развитие ее индивидуальности. Нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так, безусловно, свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие. Оно является следствием тех быстро сменяющихся и в своей противоположности тесно стекающихся раздражений нервов, которые, по нашему мнению, приводят в больших городах

к развитию интеллектуальности; вследствие этого как раз глупые и духовно неподвижные люди обыкновенно и не бывают блазирваны.

Подобно тому, как неумеренные наслаждения вызывают в человеке атрофию чувств, так как они до тех пор вызывают сильнейшие реакции со стороны нервной системы, пока она не перестает, наконец, реагировать окончательно, – подобно этому и более скудные впечатления требуют от нервной системы, благодаря быстроте и противоположности своей смены, настолько сильного реагирования, так стремительно треплют ее, что она должна отдать на это последний запас сил и не имеет возможности, оставаясь в той же среде, собрать новые. Возникающая таким образом неспособность реагировать на новые раздражения со свойственной нервам энергией и есть та разочарованность, которую обнаруживает, собственно говоря, каждый ребенок в большом городе при сравнении с детьми более спокойной и менее разнообразной среды.

К этому физиологическому источнику блазирванности большого города присоединяется и другой, заключающийся в денежном хозяйстве. Сущность блазирванности есть притупленность восприятия различия вещей, не в том смысле, чтобы различия воспринимались неправильно, как это бывает с тупоумными людьми, а в том, что значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи кажутся ничтожными. Они представляются человеку с притупленными чувствами однообразно тусклыми и сырыми, ничего не стоящими, недостойными никакого предпочтения перед другими. Такое душевное состояние есть настоящее субъективное отражение всепроницающего денежного хозяйства.

Однообразно оценивая все разновидности вещей, выражая качественные различия между ними одним критерием количества, становясь бесцветной и безразлично общей мерой для всех ценностей, деньги становятся также самым страшным нивелирующим фактором. Деньги решительно отбрасывают ядро вещей, их своеобразность, их специфическую ценность, их несравнимые особенности. В вечно движущемся денежном потоке все вещи и ценности плавают с равным удельным весом, все они находятся на одной плоскости и отличаются лишь величиной занятого на последней пространства. В отдельных случаях эта окраска, или, вернее, обесцвечивание вещей их денежным эквивалентом может быть незаметно малое; но то отношение, которое обнаруживает современный богач к приобретенным им за деньги предметам, является обыкновенно характерным для отношения всего общества к этим предметам. Поэтому большие города, центры денежного хозяйства, где продажность вещей гораздо больше, чем в небольших местностях, стали типичными местами блазирванности. В них достигает, относительно, высшей степени результат того скопления людей и предметов, которое возбуждает индивида к величайшей затрате нервных сил. Но чисто количественное увеличение подобных условий приводит к прямо противоположному результату: к тому своеобразному приспособлению блазирванности, при котором нервы находят последнюю возможность примирения с содержанием и

формами жизни больших городов, в том, что они окончательно отказываются реагировать на них. Это самоохранение известных натур, покупаемое ценою обесценивания всего объективного мира, под конец неизбежно приводит к чувству такого же обесценивания и собственной личности.

В то время как для такого существования субъекту приходится считаться лишь с собою самим, для его самоохранения требуется с его стороны не менее отрицательного поведения в его социальных отношениях к большому городу. Внутренние отношения жителей больших городов друг к другу формально характеризуются замкнутостью, обособленностью. Если бы непрерывным внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение, – если бы это было так, внутренний мир распался бы на атомы, и душевное состояние стало бы прямо невозможным. Отчасти это психологическое обстоятельство, отчасти право на недоверие, которое мы питаем к быстро проходящим мимо нас, едва задевая наше внимание, элементам жизни большого города, вынуждают нас к той замкнутости, вследствие которой мы часто не знаем даже с виду своих многолетних соседей, замкнутости, которая нередко заставляет жителя маленького города считать нас холодными и бесчувственными.

И действительно, если я не ошибаюсь, в глубине этой внешней замкнутости лежит не только безразличие, но и, – гораздо чаще, чем мы это сознаем, – некоторое отвращение, взаимная отчужденность и отдаленность, которые при первом более близком соприкосновении тотчас переходят в ненависть и борьбу. Весь внутренний строй таких людских отношений состоит из чрезвычайно различных ступеней симпатии, безразличия и отвращения самого краткого или самого длительного характера. Область безразличия при этом вовсе не так обширна, как это на первый взгляд кажется; деятельность нашей души отвечает более или менее определенным ощущениям на каждое почти впечатление, получаемое от другого человека, и только несознанность, скоротечность и быстрая смена этих ощущений приводит к видимому безразличию. В действительности последнее было бы нам также несвойственно, как невыносимо было бы расплывчатое постоянное обоюдное произвольное внушение.

От обоих этих опасностей большого города нас охраняет антипатия, первичная стадия еще скрытого антагонизма практической жизни; она помогает создаться расстоянию между людьми и удалению их друг от друга, без чего жизнь в таких городах была бы невозможна; ее степень и ее разновидности, ритм ее зарождения и исчезновения, формы, которыми она удовлетворяется – все это создает вместе с связующими, в тесном смысле, мотивами нераздельное целое жизни большого города: то, что в последней сначала кажется разрушающим всякую общественность элементом, есть лишь один из самых элементарных факторов социального развития.

Но эта замкнутость с господствующим в ней скрытым отвращением есть опять-таки лишь форма или внешность гораздо более всеобщей духовной сущности большого города. Дело в том, что он доставляет индивиду такую личную свободу и в таких больших размахах, что к этому нельзя привести никакой аналогии из другой области. Это может быть вообще сведено к одной из весьма типичных тенденций развития общественной жизни, к одной из немногих тенденций, для которых можно найти приблизительно общую формулу. Первейшая стадия социальных образований, как указываемых историей, так и современных, следующая: относительно небольшой круг, резко ограничившийся от соседних, чужих или враждебных кругов, но зато теснее сомкнувшийся в самом себе; он представляет каждому отдельному члену только ограниченное поле для развития своих личных качеств и для свободной, под собственной ответственностью, деятельности.

Таково начало политических и семейных групп, партий, религиозных общин; самосохранение очень юных обществ требует строгого ограничения и центростремительного единства и не может потому разрешить индивиду свободу и своеобразность внутреннего и внешнего развития. От этой стадии социальная эволюция расходится одновременно в две различные, хотя и соответствующие друг другу, стороны. Постольку, поскольку группа растет, – численно, пространством, значением и жизненным содержанием, – постольку ослабевает ее непосредственное внутреннее единство, и резкость первоначального ограничения себя от других смягчается взаимными отношениями и связями; одновременно с этим индивид получает свободу деятельности в гораздо большей степени, чем ее давала первоначальная ревнивая замкнутость, и становится своеобразным и исключительным, к чему дает основание и что делает необходимым разделение труда в разросшейся группе. По этой формуле шло развитие государства и христианства, цехов и политических партий и бесчисленного множества разных других групп, хотя, конечно, особенная сила и условия значительно модифицировали общую схему. Но мне кажется, что ее можно заметить и в развитии индивидуальности в пределах городской жизни.

Маленький город как древности, так и средних веков клал личности пределы, – ее передвижению и внешним сношениям, ее самостоятельности и внутренней дифференциации, – пределы, в которых современный человек задохнулся бы: житель большого города, переселившийся в маленький, и сейчас еще чувствует стеснение. Чем меньше такой круг, составляющий нашу среду, чем теснее пределы отношений к другим, тем скорее количественная или качественная своеобразность разрушила бы рамки целого. В этом отношении античный полис имел, по-видимому, вполне характер маленького города. Постоянная опасность со стороны врагов, ближних и дальних, вызвала тесное политическое и военное единение, надзор гражданина за гражданином, ревнивое отношение целого к личности, частная жизнь которой была совершенно подавлена и возмещалась ему, в лучшем случае, деспотизмом в

собственном доме. Чрезвычайная подвижность и беспокойность, которая только и придавала своеобразные красочные переливы афинской жизни, объясняется, быть может, тем, что народ, состоящий из резко очерченных индивидуальностей, постоянно боролся против постоянного внешнего и внутреннего давления со стороны обезличивающего маленького города. Это вызывало всегда напряженную атмосферу, в которой слабейшие подавлялись, а сильные вызывались к страстной борьбе за самосохранение. Именно благодаря этому достигло расцвета в Афинах то, что следует, за неимением более точного выражения, назвать «общечеловеческим» в нашем духовном развитии. Ибо это и есть та связь, которую мы признаем действительным и историческим фактом: самые обширные и самые общие содержания и формы жизни теснейшим образом связаны с наиболее индивидуальным; и те и другие имеют свою общую первичную стадию развития и своего общего антагониста в тесных союзах и группах, которые из чувства самосохранения защищаются от более широкого и всеобщего вне и от свободной деятельности и индивидуальности внутри.

Подобно тому, как в пору феодализма «свободным» считался тот, кто подчинялся общегражданскому праву, т. е. праву больших социальных групп, а несвободным – тот, чьим правом были исключительно законы узкой феодальной группы, – подобно этому и сейчас житель большого города «свободен» (в духовном, утонченном смысле) сравнительно с мелочностью и предрассудками, связывающими жителя маленького города. В самом деле, независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия, составляющих условия духовной жизни наших широких кругов, нигде не чувствуется так сильно, как в тесной сутолоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность. Ведь это, очевидно, только обратная сторона той же свободы, что при этом нигде не чувствуешь себя таким одиноким и покинутым, как именно среди общей давки больших городов. Здесь, как и вообще, отнюдь не необходимо, чтобы свобода человека отражалась в его душевной жизни ощущением благополучия.

Если, как мы выяснили, большой город можно считать средоточием индивидуальной и социальной свободы, являющейся результатом всемирно-исторического процесса взаимодействия между расширением территории и ростом потребности в личной свободе, то это зависит не от одних только непосредственных наглядных признаков большого города, не от одной только обширности территории и не от одного только огромного числа его жителей; этому в значительной степени способствовало также то обстоятельство, что большие города постоянно были средоточием космополитизма. Рост богатства, которое, как известно, достигши известной высоты, начинает увеличиваться как бы само собой чрезвычайно быстрым темпом, может служить примером для роста кругозора хозяйственных, личных и духовных отношений в большом городе, для роста его духовного округа: все это за известными пределами растет в геометрической прогрессии. Всякое достигнутое им в его развитии

расширение служит основанием для дальнейшего, не одинакового, но более значительного расширения; к каждой нити, выпряденной из процесса его развития, прирастают как бы сами собой новые нити, точь в точь как поземельная рента в городе растет сама собой от одного лишь развития обмена и сообщения. Тут именно количественность жизни непосредственно переходит в качественность, в характер.

Сфера жизни маленького города обыкновенно замкнута в себе и ограничена собой. Для большого же города решающим является то обстоятельство, что его внутренняя жизнь волнообразно широко распространяется по государству и вне его. Пример города Веймара не противоречит этому: значение этого города было связано с проживанием в нем отдельных личностей, и оно исчезло вместе с ними; большой же город характеризуется полной независимостью даже от самых значительных отдельных личностей, – обратная сторона и оплата той независимости, которой пользуется в нем личность. Самое существенное значение большого города заключается в его функциональном значении за пределами его физических границ, и это его влияние отдается обратно и делает жизнь большого города значительной, важной и ответственной.

Как человек не исчерпан пределами его тела или области, которую он непосредственно заполняет своей деятельностью, но лишь суммой влияния, которое он оказывает во времени и в пространстве, – так и город равен совокупности оказанного им за его ближайшими пределами влияния. Это только и есть его настоящий объем, в котором выражается его бытие. Это служит уже указанием на то, что индивидуальная свобода, являющаяся логическим и историческим дополнением громадного объема индивидуального бытия должна быть понята не только отрицательно, в смысле одной только свободы деятельности и отказа от предрассудков и филистерства; для нее существенно то, что самобытность и оригинальность, которая, в конце концов, свойственна так или иначе всякому, могла выразиться в условиях данной жизни. Что мы следуем законам собственной природы, – а это ведь и есть свобода, – это станет для нас и других вполне ясным и убедительным только тогда, когда и внешнее проявление этой природы будет отличаться от внешнего проявления природы других; одно то, что нас нельзя смешать ни с кем другим, доказывает, что формы нашего существования не навязаны нам никем другим.

Города – прежде всего центры наибольшего развития разделения труда; в этом они порождают такие крайности, как доходную профессию «четырнадцатого» в Париже: это лица, которые в обеденное время готовы явиться в соответственном платье всюду, где за обедом собралось тринадцать человек; их можно разыскать по вывеске над их дверью. Соответственно увеличению своих размеров, город представляет все больше условий для разделения труда: он создает круг, который вследствие своих размеров способен вместить огромную массу самого разнообразного труда, тогда как одновременное скопление людей и их борьба за покупателя вынуждают отдельную личность к специализации труда, при которой она труднее может

быть вытеснена другой. Решающим здесь является то, что городская жизнь превратила борьбу с природой за пропитание в борьбу за человека, что выгода, за которую борются, получается не от природы, а от человека. Ибо тут дело не сводится к одной только что указанной специализации, но к чему-то более глубокому: продавец должен всегда стремиться вызвать в клиентах новые и особенные потребности. Необходимость специализировать работу, чтобы найти еще неисчерпанный источник дохода, не легко замещаемый труд, влияет на дифференциацию, утонченность, большее богатство потребностей публики, что, с своей стороны, должно в ее среде привести к очевидному увеличению личных особенностей.

А это ведет к духовной, в тесном смысле слова, индивидуализации душевных качеств, и в этом направлении влияет, соответственно своим размерам, и город. Можно назвать тут же целый ряд факторов. Прежде всего – трудность приобрести значение при огромном масштабе жизни больших городов. Когда количественное увеличение его значения и его энергии доведены до высшего предела, – тогда начинают обращаться к качественным особенностям, чтобы таким образом путем возбуждения впечатлений разницы, привлечь как-нибудь на свою сторону внимание социального круга; в конце концов это приводит к умышленным чудачествам, к специфическим для большого города экстравагантностям, самообособлению, капризам, претенциозности, смысл чего заключается уже не в содержании того или другого поведения, а только в его форме: в том, чтобы быть непохожим на других, чтобы выдвинуться и тем стать заметным. Для многих это, впрочем, единственное средство, благодаря вниманию других, самому начать ценить себя и сознавать, что занимаешь некоторое место. В этом смысле оказывает влияние один незаметный, но в сумме своего действия заметно проявляющийся момент: краткость и редкость встреч друг с другом сравнительно со сношениями в маленьких городах. Это обстоятельство вызывает старание выказать себя резче, полнее, возможно характернее, в гораздо большей степени, чем там, где ясное представление о личности дают уже частые и долгие встречи.

Самой глубокой, однако, причиной влияния именно больших городов на наибольшую индивидуализацию личности – безразлично, всегда ли это по праву и всегда ли с успехом – кажется мне следующее. Развитие современной культуры характеризуется перевесом того, что можно было бы назвать объективным духом, над духом субъективным; это значит: в языке и праве, в технике и искусстве, в науке и предметах домашнего обихода заключен дух, за ежедневным ростом которого субъект поспевает далеко не вполне, а часто отстает от него. Если мы обратим внимание хотя бы на огромную культуру, воплотившуюся за 100 последних лет, в предметах и в познании, в институтах и комфорте, и сравним ее с культурными успехами, сделанными в тот же промежуток времени индивидами, – хотя бы только высшего порядка, – разница между ростом того и другого окажется ужасающей; в некоторых пунктах можно будет отметить даже регресс культуры у индивидов: в духовном

отношении, относительно утонченности (Zartheit), идеализма. Такая разница является главным образом результатом увеличивающего разделения труда, потому что последнее требует от личности все более односторонней работы, что при высшем своем развитии очень часто убивает личность как целое. Во всяком случае личность отстает все дальше и дальше от преобладающей объективной культуры. На практике и в неясном чувствовании индивид, быть может, сильнее, чем им это сознается, низведен до *quantite negligeable*, стал пылинкой перед огромной организацией предметов и сил, которые постепенно выманивают из его рук весь прогресс, все духовные и материальные ценности.

Переводят их из формы субъективной жизни в чисто объективную. Нужно еще только указать на то, что большие города являются главной ареной этой, перерастающей все личное, культуры. Здесь в зданиях и учебных заведениях, в чудесах и комфорте техники, в формах общественной жизни и внешних государственных институтах сказывается такая подавляющая масса кристаллизованного, обезличенного духа, что перед ним личность, можно сказать, совсем бессильна. Жизнь для нее становится с одной стороны бесконечно легкой, так как ей со всех сторон напрашиваются возбуждения и интересы, все для заполнения времени и мыслей, и это постоянно держит ее точно в потоке, где пловцу едва нужно делать кое-какие движения. Но, с другой стороны, жизнь индивида слагается ведь все более и более из такого безличного содержания и материала, которые стремятся подавить специфически-личную окраску и оригинальность; так что, для того, чтобы это личное спаслось, необходимы величайшая своеобразность и особенность. Они должны быть даже преувеличенными для того, чтобы могли быть услышаны. Атрофия индивидуальной культуры, вследствие гипертрофии объективной, составляет причину той страшной ненависти, которую питали к большому городу проповедники крайнего индивидуализма, главным образом, Ницше; но это была также причина того, почему последние так страстно любимы именно в больших городах, почему именно жителю большого города они кажутся вестниками и освободителями его неудовлетворенной тоски.

Если обратиться к вопросу об историческом месте обеих этих форм индивидуализма, которые создались из количественных отношений большого города: индивидуальной независимости и выработки личных особенностей, – то обнаружится совершенно новое значение большого города в общей истории духовного развития. Восемнадцатый век застал человека насильно связанным потерявшими всякий смысл цепями политического, аграрного, сословного и религиозного характера, – стеснениями, навязавшими индивиду неестественные условия и давно ставшие несправедливостью формы неравенства. Среди этого положения раздался призыв к свободе и равенству, – выражение веры в полную свободу деятельности индивида в области социальных и духовных отношений. Она должна была немедленно проявить общие всем благородные задатки, которые такими были заложены в каждом человеке природой и только извращены обществом и историей. Рядом с этим идеалом либерализма, в XIX веке вырос другой, под влиянием, отчасти, Гете и

романтики, отчасти под влиянием экономического разделения труда освобожденные от исторических цепей индивиды захотели теперь отличаться друг от друга. Уже не «общечеловеческое» в личности, а, наоборот, ее качественные особенности и своеобразность определяют теперь ее значение. В борьбе между этими двумя родами определения роли субъекта в обществе и проходит вся внешняя и внутренняя история нашего времени. Давать место для спора и попыток к слиянию обоих есть функция большого города, так как его своеобразные условия дают, как мы нашли, возможность и повод для развития обоих. Они приобретают этим совершенно особенное, чрезвычайно значительное положение в ходе развития душевной жизни, они становятся одними из тех крупных исторических образований, в которых на равных правах соединялись и развивались противоположные, объемлющие жизнь, течения. Но этим, – все равно, относимся ли мы с симпатией или антипатией к отдельным явлениям этого рода, – большой город выходит из той сферы, по отношению к которой мы обладаем правами судьи. Так как это право с начала до конца принадлежит истории, клеточку которой мы в преходящем бытии составляем, то наша задача не обвинять и не оправдывать, но понимать.

ЗИММЕЛЬ Г.

ВЕНЕЦИЯ

Логос 2002, 3-4 /Перевод с нем. А. Кричевского

По ту сторону всякого натурализма, налагающего на искусство закон внешних для него вещей, стоит, возвышаясь над ним, требование истинности: требование, которое произведение искусства обязано выполнять, хотя оно и проистекает из него же самого. Если увесистая конструкция покоится на опорах, в достаточной прочности которых мы сомневаемся, если патетические слова стихотворения намекают на страсть и глубину, в наличии которых нас, однако, не убеждает его целое, то мы ощущаем недостаток истинности, согласия произведения искусства со своей же собственной идеей. Однако оно еще и в другом смысле стоит перед выбором между истиной и ложью, поскольку оно принадлежит определенному контексту бытия. Трудно поддающимся разгадке способом за каждым произведением искусства вырисовываются воление и чувствование определенной души, определенное понимание мира и жизни – однако при этом отнюдь не всегда бывает так, что произведение является верным и адекватным выражением этой более глубокой и более общей действительности, хотя оно и побуждает нас к тому, чтобы мы ощутили ее через него. Напротив, весьма примечательно то, что иное произведение искусства дает нам непосредственное указание на некий внутренний, метафизический мир, который должен находить в нем свое выражение, хотя фактически этого не происходит. При этом его части могут сколь угодно гармонично и совершенно сочетаться между собой: само целое растет из чуждого для себя корня, и чем совершеннее оно внутри себя, тем

радикальней становится ложь, когда оно внедряет себя в контекст некоторой внутренней жизни, определенного мирозерцания или религиозного убеждения, которые опровергают его в самых глубинных слоях своего бытия.

К таким истинам и такой лжи различные искусства в той или иной степени причастны. Перед архитектурой, а именно о ней здесь и пойдет речь, никакой натурализм не может выставить требование истинности в смысле соответствия формы чему-то данному извне; с тем большей очевидностью претендует она на истинность внутреннюю: чтобы несущие силы были достаточными для возлагаемой на них нагрузки, чтобы орнаменты находили надлежащее место, где они могли бы жизненно реализовать свою внутреннюю динамику, чтобы отдельные детали сохраняли верность стилю, в котором предстает перед нами целое. Более таинственной, однако, представляются такая гармония и такое противоречие, где архитектурное сооружение несет в себе душевно значимое содержание или жизненный смысл, связанный с ним, высвечивающийся из него – однако всего лишь как некое требование, которое оно хотя само же и выставляет, но все-таки далеко не всегда выполняет. Пожалуй, в этом и состоит глубочайшее различие между архитектурой Венеции и Флоренции. Глядя на дворцы Флоренции, всей Тосканы, мы воспринимаем внешнюю сторону как точное выражение ее внутреннего смысла: своевольные, подобные замкам, они представляют собой строго-серьезное или же роскошествующее развертывание единой силы, чувствующейся в каждом их камне, каждый из них как бы воплощает некую уверенную в себе, способную отвечать за себя личность. Венецианские же дворцы, напротив, представляют собой какую-то напыщенную игру, уже самой правильностью своих форм маскируя индивидуальные характеры своих людей – некое покрывало, линии складок которого следуют только законам его собственной красоты и указывают на протекающую за ним жизнь исключительно лишь тем фактом, что скрывают ее. Всякое внутренне истинное произведение искусства, каким бы фантастическим и субъективным оно ни было, выражает собой некоторый возможный способ существования жизни. Однако, когда мы плывем по Большому каналу, мы знаем: какой бы ни была жизнь – такой она уж во всяком случае быть не может. Здесь, на площади св. Марка, на Пьяцетте, мы ощущаем некую железную волю, некую темную страсть, которые, подобно вещи самой по себе, стоят позади этого светлого явления: однако явление здесь живет словно в демонстративном отрыве от бытия, внешняя сторона не получает от своей внутренней стороны никаких директив и никакой пищи, она подчиняется не закону некоторой объемлющей душевной действительности, а такому закону искусства, который по всей видимости предназначен для того, чтобы опровергать тот первый закон.

Но если за искусством, каким бы совершенным в себе оно ни было, исчезает или приобретает противоположную направленность жизненный смысл, то оно превращается в искусственность. Флоренция воспринимается как произведение искусства, так как ее образный характер связан с некоторой жизнью, хотя и исторически исчезнувшей, но все же идеальным образом верно

сохраняющей здесь свое внутреннее присутствие. Венеция же – это искусственный город. Флоренция никогда не может стать всего лишь маской, так как ее явление было неискаженным языком некоторой действительной жизни; здесь же, где все веселое и светлое, легкое и свободное служило лишь фасадом для некой мрачной, жестокой, неумолимо целесообразной жизни, после ее ухода остается лишь бездушная декорация, лишь лживая красота маски. Все люди в Венеции словно ходят по сцене: в их деловитости, которая ничего не созидает, или в их пустой мечтательности они то и дело появляются откуда-нибудь из-за угла, чтобы тотчас же исчезнуть за другим углом, всегда имея при этом в себе нечто от актеров, которые по ту сторону сцены суть ничто: игра идет лишь на сцене, не имея причины в предшествующей реальности и оставаясь без последствий в реальности последующей. В силу того единства, благодаря которому произведение искусства подчиняет каждый из своих элементов своему общему смыслу, характер поверхностности захватывает здесь и образ человека. То, как они ходят и стоят, торгуют и покупают, смотрят и говорят – все это является нам, стоит только бытию этого города, состоящему именно в отделенности видимости от бытия, подчинить нас своим чарам, как нечто двумерное, словно наклеенное на действительное и дефинитивное содержание его сущности. Однако, как если бы эта сущность пожрала саму себя под этим покровом, всякое действие здесь есть только некая оболочка, лишенная внутреннего содержания, одна сторона уравнения, другая сторона которого стерлась. Даже такое архитектурное сооружение, как мост, теряет здесь свою живительную силу. В прочих случаях мост реализует нечто бесподобное, словно одним махом создавая напряжение между различными точками пространства и вместе с тем примиряя их, простираясь между ними, чтобы дать нам почувствовать их раздельность и соединенность как одну и ту же реальность. Эта двоякая функция, сообщающая чисто живописному облику моста некоторую более глубоко значимую жизненность, здесь оказывается поблекшей: переулки плавно, без обозначенных переходов как бы скользят по бесчисленным мостам, и как бы высоко ни выгибались дуги этих мостов, они воспринимаются лишь как волнообразные вздохи этих улочек, не прерывающие их плавного движения. И точно так же скользят сквозь этот город времена года, без того, чтобы чередования зимы и весны, лета и осени сколько-нибудь заметно меняли его облик. Обычно мы все же в цветущей и увядающей растительности ощущаем силу некого корня, который меняющимися реакциями на смену времен года демонстрирует свою жизненность. Однако Венеция внутренне чужда всему этому, зелень ее скудных садов, которая вроде бы коренится или же не коренится где-нибудь в камне или в воздухе, словно отгорожена от этих перемен. Словно все вещи всю свою красоту, на какую они только способны, собрали на своей поверхности, а потом отстранились от нее, так что теперь эта поверхность, будто застыв, хранит на себе эту красоту, уже не причастную к жизни и развитию действительного бытия.

Наверное, нет другого такого города, чья жизнь настолько полно была бы подчинена единому темпу. Здесь никакие упряжные животные или машины не вовлекают следящий взгляд в созерцание меняющихся скоростей, а плывущие гондолы полностью сохраняют в своем движении темп и ритм идущих людей. И в этом-то как раз и состоит подлинная причина так называемого «мечтательного» характера Венеции, который чувствовался в ней всегда.

Действительность то и дело пробуждает и настораживает нас; душа же, предоставленная самой себе или некоторому постоянному влиянию, пребывала бы в некотором равном самому себе состоянии, и лишь смена ее ощущений указывала бы ей на некоторое внешнее бытие, являющееся причиной этих прерываний ее состояния покоя. Поэтому продолжительные монотонные впечатления оказывают на нас гипнотическое действие, постоянный ритм, воздействию которого мы беспрерывно подвергаемся, приводит нас в сумеречное состояние, далекое от действительности. Монотонность всех венецианских ритмов лишает нас встрясок и импульсов, необходимых для ощущения полноты бытия, и приближает к состоянию сновидения, где нас окружает видимость вещей, лишенная самих вещей.

Следуя своему собственному закону, душа, убаюканная ритмом этого города, порождает в себе сходное настроение, представляющее свой эстетический образ в форме объективности: как будто бы здесь дышат только самые поверхностные, лишь отражающие, лишь наслаждающиеся потреблением слои души, в то время как ее полная действительность, как в вялом сне, остается отстраненной. Однако поскольку эти содержания, оторванные от субстанции и динамики истинной жизни, здесь все же образуют нашу жизнь, то и она со своей внутренней стороны становится причастной той лжи, которую представляет собой Венеция.

Ибо трагедия Венеции, в силу которой этот город становится символом одной совершенно уникальной формы организации нашего мировосприятия, состоит в том, что поверхность, которую покинуло ее основание, видимость, в которой уже не живет бытие, тем не менее выдает себя за нечто полноценное и субстанциальное, за содержание некоторой жизни, которая может быть пережита в действительности. Флоренция дает нам ощущение того, что те самые силы, которые сформировали ее почву и дали жизнь ее цветам и деревьям, окольным путем, посредством руки художника породили так же и такие творения, как «Рай» Орканьи и «Весна» Боттичелли, фасад Сан Миньято и колокольня Джотто. Поэтому даже если считать, что душевная жизнь, посредничавшая между той темной праосновой и этими выкристаллизовавшимися формами духа, давно исчезла, оставив после себя лишь некую эстетическую видимость, – то все равно то, что осталось, не будет ложью, ибо в нем витает то бытие, которое указывает ему его истинное место.

Лишь там, где видимость, которой никогда не соответствовало бытие и у которой отмерла даже ее противоположность, где эта видимость претендует на то, чтобы являть собой некую жизнь и некую целостность, – только там она есть безусловная ложь, в которую до осязаемости сгустилась двусмысленность

жизни, словно обретая в этом коагуляционном сгустке свое тело. Двусмыслен характер этих площадей, которые в силу отсутствия всякого транспорта, в силу своей узкой, симметричной замкнутости принимают вид комнат, двусмысленны неизбежные в узких переулках скопления и соприкосновения людей, придающие этой жизни обманчивую видимость интимности и душевного уюта, тогда как она напроць лишена даже следов души; двусмысленна двойная жизнь этого города, состоящего, во-первых, из сплетения переулков и, во-вторых, из сплетения каналов, так что он на самом деле не принадлежит ни воде, ни суше, но каждая стихия здесь выступает лишь в качестве протеического облачения, за которым всякий раз заманчиво проглядывает другое, представляющееся настоящим телом; двусмысленны и сами узкие, темные каналы, чьи воды так беспокойно струятся и журчат – однако так, что невозможно распознать направление их течения: они находятся в постоянном движении и все же словно не движутся никуда.

В том, что наша жизнь, собственно, образует лишь некий передний план, за которым как нечто единственно достоверное стоит смерть, заключено последнее основание того, что жизнь, как говорит Шопенгауэр, «насквозь двусмысленна»; ибо если видимость не произрастает из единого корня, чьи соки удерживают ее течение в одном направлении, то тогда она отдается во власть любого ее произвольного толкования. Лишь искусству – в его самые счастливые моменты – дана способность вбирать в видимость некоторое бытие и предлагать его нам вместе с собой. И поэтому искусство совершенно и стоит по ту сторону всякой искусственности лишь тогда, когда оно есть нечто большее, чем искусство. Такова Флоренция, дарующая душе прекрасную в своей суверенной однозначности надежность родины. Венеция же обладает двусмысленной красотой авантюры, лишённого корней плавания по жизни подобно оторвавшемуся цветку, увлекаемому морскими волнами, и то, что она как была, так и осталась классическим городом авантюрного жанра, есть лишь наглядное воплощение последней судьбы ее общего облика: быть для нашей души не родиной, а всего лишь приключением.

ЗИММЕЛЬ Г.

ФЛОРЕНЦИЯ

Рим. Флоренция. Издательство: Грюндриссе Серия: VARIA, 2014. – 96 с.

С тех пор как единое чувство жизни древности раскололось на полюса природы и духа; с тех пор как непосредственное, наглядное наличное бытие обрело свое отчуждение и противоположность в мире духа и внутренней жизни, – существовала проблема, осознание и попытки решения которой наполняют собой все Новое время: она состоит в том, как вернуть обеим частям жизни их утраченное единство. Однако, как кажется, это в полной мере достижимо лишь для произведения искусства; лишь здесь форма, данная природой, раскрывает себя в качестве ставшего наглядным духа, он здесь больше не стоит за видимым природным содержанием, но все элементы

образуют такое неразрывное единство, в каком они находились до их разделения в результате процесса исторической жизни.

Однако когда мы смотрим на Флоренцию с высоты Сан Миньято и наблюдаем, как ее обрамляют горы и как сквозь нее, подобно артерии жизни, катит свои воды ее Арно; когда мы, с душой, наполненной атмосферой искусства ее галерей, дворцов и церквей, в послеполуденное время бродим по ее холмам, с их виноградными лозами, оливами и кипарисами, где каждая пядь дорог, полей и строений насыщена культурой и дыханием великого прошлого, где духовный слой окружает эту землю подобно ее астральному телу, – у нас возникает такое чувство, что здесь противоположность между природой и духом обратилась в ничто. Некое таинственное и все же как будто бы видимое невооруженным взглядом, осязаемое единство сплетает ландшафт, жизнь его линий и аромат этой земли с духом, который есть ее плод, с историей европейского человека, обретшего здесь свою форму, с искусством, порождаемым самой этой почвой.

Мы начинаем понимать, что на этом месте возник Ренессанс, первое чувство того, что вся красота и значительность, которую ищет искусство, выстраивается как некая выкристаллизовывающаяся форма из естественно данного явления вещей и что ренессансные художники, в том числе и те, кто представляли самую суверенную стилизацию, и в самом деле имели право полагать, что они лишь списывают свои творения с природы. Ведь здесь сама природа стала духом, не отказываясь при этом от себя. Каждый из этих холмов символизирует единство, роднящее противоположности жизни: поскольку каждый из них увенчивается либо домом, либо церковью, то кажется, что здесь повсюду сама природа растет навстречу тому, чтобы быть увенчанной духом. На каждом шагу плодородная, благотворная для культуры почва; и все же никакого пышного южного избыточествующего богатства, которое насилует человека. Есть тропическое богатство как внешней, так и внутренней жизни, до которого не дорастает никакое искусство; однако то богатство, которое предстает перед нами здесь, именно таково, что человек смог создать своими силами, черпая его из своей собственной глубины. К этому последнему вздоху флорентийской жизни восходит то, как Беноццо Гоццоли и другие изображают здесь ландшафт – в виде некоего сада: структурированного, с клумбами, живыми изгородями, красиво расположенными деревьями; для них природа идеально представима не иначе, как в формировании через дух.

Поскольку таким образом снимается напряжение между природой и духом, возникает эстетическое настроение, чувство того, что находишься перед лицом произведения искусства. Пожалуй, нет другого такого города, общее впечатление от которого, его непосредственно созерцаемая данность и дух его воспоминаний, его природа и его культура в своем взаимодействии порождали бы в своем зрителе столь сильное чувство встречи с произведением искусства, простирающееся вплоть до самых внешних деталей: даже голые скалы позади Фьезоле, которые, в отличие от всех ближайших холмов, не несут на себе знаков человеческой деятельности, все же производят впечатление того, что

они служат всего лишь обрамлением для произведения, сотворенного духом и культурой, и таким образом они тоже оказываются втянутыми в общий контекст этого произведения, подобно тому как рамка картины живописца именно через свое инобытие помогает выражению ее смыслов, замыкая и скрепляя собой ее единство как для себя сущего, самодостаточного организма.

Единство образа Флоренции придает каждой ее отдельной детали некоторое более глубокое и более обширное значение, сравнимое лишь с тем значением, которое приобретает сама единичность произведения искусства благодаря своей расчлененности на моменты, составляющие его неповторимое лицо. Цветущие маки, дроки, таинственно замкнутые виллы, играющие дети, синева неба и его облака – как легко это найти почти повсюду в мире, и как это везде прекрасно! – здесь все это, однако, имеет совершенно иной душевно-эстетический центр тяжести, вокруг которого выстраивается и совершенно иная периферия, ибо все здесь восхищает не только своей отдельной красотой, но и своим соучастием в объемлющей красоте целого. Причем впечатление, производимое Флоренцией и ее ландшафтом, как в единый фокус вбирает в себя не только рядоположенность всех созерцаемых элементов и рядоположенность духа и природы как таковых, но также и последовательность прошлого и настоящего.

Правда, великое прошлое до боли мало связано с жизнью сегодняшней Флоренции, однако его собственная, для себя сущая жизнь слишком сильна, слишком непосредственно захватывающа, чтобы здесь нами могло овладеть характерное для романтиков щемящее ощущение пропасти, зияющей между прошлым и настоящим. Конечно, элементы романтики присутствуют повсюду: уходящие в горы развалины старых каменных стен, дом на вершине, окруженный черными силуэтами кипарисов, одинокие замковые башни вокруг – все это имеет специфически романтический характер, однако начисто лишено тоски немецкой романтики, где все страстно томится по потерянному, а может быть, и никогда не существовавшему на самом деле. Ибо здесь прошлое сохранило свою непосредственную наглядность, а тем самым – своеобразную актуальность, которая равноправно ставит себя рядом с другой актуальностью, несомой светом сегодняшнего дня, и все же не соприкасается с ней.

Время – как это делало бы время реальное – не устанавливает здесь разрушительной напряженности между вещами, а уподобляется идеальному времени, в котором живет произведение искусства: прошлое здесь принадлежит нам, как и природа, всегда также присутствующая в настоящем. Вся романтика питается этим напряжением между действительностью и прошедшим, будущим, идеальностью, возможностью или даже невозможностью. Однако этот ландшафт подобен итальянскому портрету, в чьих чертах развернуто представлено все, где все присутствует, так что в них в конечном счете высказывается все, что они имеют высказать, – и в этом существенное отличие от человека нордического типа, выражающего себя совершенно иными средствами: намеками, нюансами освещения, символизациями, обобщающими синтезами, в которых сущностные содержания не представлены рядом друг с

другом, но которые требуют от созерцающего того, чтобы он воспроизводил в своем бытии определенную последовательность жизни. В ландшафте Флоренции нет ничего символического, так или иначе все же присутствующего в альпийских вершинах, равнинах, лесах и морях. Он ничего не обозначает, он просто есть то, чем он может быть.

В силу всего этого здешняя жизнь столь удивительным образом целостна, как если бы здесь смыкались все лакуны, во всех остальных случаях проистекающие из разъединенности жизненных элементов. Здесь дело обстоит так, как если бы этот город собирал со всех уголков души все зрелое, светлое, наполненное жизнью и образовывал из этого некое целое, вдруг делая ощутимыми внутреннюю связь и единство этих содержаний. Что, правда, диссонирует с духом Флоренции, причем поскольку именно это также существует, символически представлено – словно для того, чтобы она все же исправила здесь хоть столько, сколько ей под силу – внутри нее же самой: это капелла Медичи. Эта последняя носит скорее римский, нежели флорентийский характер. Вообще судьба обладать столь огромным прошлым, неважно, каково было его содержание, довлеет над Римом и придает ритму его жизни некое тяжкое достоинство, напряжение некоего трагического диссонанса, который находит свое разрешение во Флоренции, где сама жизнь словно раскрывает свои объятия, чтобы с любовью заключить в них любое прошлое.

Однако фигуры Микеланджело несут на себе роковую печать неискупленного прошлого, все они как бы охвачены неким оцепенением перед непостижимостью жизни, перед неспособностью души синтезировать в единстве чувства жизни все разрывы и диссонансы судьбы. И флорентийское единство природы и духа точно так же обращается у Микеланджело в нечто трагическое. Разумеется, форма его искусства удерживает в равномерном единении внутреннее и внешнее, душу и ее проявление. Однако напряжение между обоими полюсами настолько сильно и даже насильственно, что они все время угрожают расколоться снова, сохраняя свое единство лишь благодаря тому, что они как будто бы постоянно призывают на помощь последние резервы единящих их сил. Такое впечатление, что каждый образ художник схватил именно в тот момент, когда в нем застыла борьба между темной давящей силой земной тяжести и духом, страстно стремящимся к свободе и свету. Каждая линия, сотворенная Микеланджело, говорит нам о том, что то единство, в котором искусство представляет жизнь, включает в себе две непримиримые стороны, тогда как образ Флоренции – ее ландшафт, культура, искусство – стремится наглядно убедить нас в том, что полюса действительности срастаются в некое единое чувство жизни. Оба высказывают одно и то же, однако в зависимости от того, акцентируется двойственность, присутствующая во всяком единстве, или же единство, пронизывающее всякую двойственность, происходит разделение двух миров, между которыми самая сокровенная жизнь должна сделать свой выбор, отказываясь от одного, коль скоро она хочет обладать другим.

А теперь последнее. Поскольку здесь повсюду над природой возвышается форма культуры, поскольку каждый шаг по этой земле есть прикосновение к истории духа, связавшего себя с ней неразрывными брачными узами, – то остаются без реализации те запросы, которые могут быть удовлетворены лишь природой в ее изначальном смысле, по ту сторону всякого направляющего воздействия духа: внутренние границы Флоренции – это границы искусства как такового.

Земля Флоренции – это не та земля, на которую человек падает ниц для того, чтобы услышать, как во влажной темноте ее неоформленной силы бьется сердце жизни: все это мы можем чувствовать в германском лесу, у моря или даже в небольшом цветущем саду какого-нибудь безымянного маленького городка. Поэтому Флоренция не может быть для нас почвой в те эпохи, когда мы хотим снова начать все сначала, стремясь еще раз поставить себя перед лицом источников жизни, где из нашего душевного хаоса нам придется выбираться, ориентируясь на подлинно изначальное бытие. Флоренция – это счастье полностью зрелого человека, обретшего сущность жизни или сознательно отказавшегося от нее и желающего лишь найти форму для этого обладания или отречения.

КАСТЕЛЬС МАНУЭЛЬ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ГОРОД. ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ И РЕГИОНАЛЬНО-ГОРОДСКОЙ ПРОЦЕСС

Manuel Castels. The Informational City. Information Technology, Economic Restructuring. and the Urban -Regional Process. Oxford, Cambridge: Blackwell. 1989. / Перевод В.В. Вагина

Реконструкция социального смысла в пространстве потоков

В конце этого аналитического экскурса мы можем видеть большое общее направление, вытекающее из всех наших наблюдений: историческое возникновение пространства потоков, заменяющего понятие пространства мест. Под этим мы понимаем использование функциональной логики организаций, обладающих властью, в ассиметричных системах обмена, которые не зависят от характеристик любой специфической местности для достижения своих фундаментальных целей. Новое индустриальное пространство и новая экономика сервиса организуют свои операции вокруг динамики единиц, вырабатывающих информацию. Различные функции соотносятся с отдельными пространствами с целью выполнения каждого задания; процесс в целом реинтегрируется за счет систем коммуникаций. Новый класс управленцев-профессионалов колонизирует отдельные пространственные сегменты, связанные между собой в городе, стране, мире; они изолируют себя от фрагментов местных обществ, которые в последствие разрушаются в процессе селективной реорганизации места работы и проживания. Новое состояние,

утверждающее свои источники власти в контроле и стратегическом ведении науки, укрепляет развитие передовой технологической инфраструктуры, распространяющей свои элементы по недифференцированным местностям и взаимосвязанным пространствам. Новая международная экономика создает переменную геометрию производства и потребления, труда и капитала, управления и информации – геометрию отрицающую специфическое производственное значение любого района вне его нахождения в сети, форма которой неумолимо изменяется в ответ на послания невидимых сигналов и незнакомых кодов.

Новые информационные технологии сами по себе не являются источником организационной логики, трансформирующей социальное значение пространства: они, однако, представляют фундаментальный инструмент, позволяющий этой логике быть воплощенной в исторической актуальности. Информационные технологии могли и могут быть использованы для достижения различных социальных и функциональных целей, поскольку то, что они предлагают фундаментально, есть гибкость. Однако, в настоящее время их использование определяется процессом социально-экономического реструктурирования капитализма и они составляют необходимую материальную основу для того, чтобы данный процесс состоялся.

Логика реструктурирования основана на избегании исторически обусловленных механизмов социального, экономического и политического контроля со стороны власти держащих организаций. Так как большинство из этих механизмов контроля зависят от институтов общества, основанных на какой-либо территории, избегая встроенной социальной логики, любая местность становится средством достижения свободы в пространстве потоков, связанных лишь с другими властью держащими людьми, кто разделяет социальную логику, ценности, критерии исполнения, институционализированные в программах информационных систем, составляющих архитектуру пространства потоков. Возникновение пространства потоков выражает фактически отсутствие связи обществ, основанных в данной местности, и культур с организациями власти и производства, что продолжает доминировать в обществе, не будучи ему подконтрольным. Наконец, даже демократии оказываются бессильны, сталкиваясь со способностью капитала обращаться глобально, секретной передачей информации, рынками, способными проникать или быть игнорируемыми, принятием решений по планетарным стратегиям военно-политического характера без учета знаний о нациях и культурным посланиями, продаваемыми, упаковываемыми, записываемыми, входящими в умы человечества и покидающими его.

То, что возникает в результате процесса реструктурирования, ясно обозначенного в пространстве потоков – это вовсе не пророчество Орвеллиана о тоталитарной вселенной, контролируемой Big Brother на основе информационных технологий. Это гораздо более утонченное и в некоторой степени потенциально более деструктивная форма дезинтеграции и

реинтеграции. Нет реального подавления, явного врага, центра власти, которые могут взять на себя ответственность за специфические социальные проблемы. Даже проблемы сами по себе становятся очень не понятными или парадоксально настолько ясны, что не могут быть рассмотрены, поскольку постоянно делаются ссылки на более высокий уровень социальной причинной связи, что невозможно постичь. Главное обстоятельство заключается в том, что социальная значимость испаряется из районов, а следовательно и из общества, и становится выхолощенной и распыленной в реконструированной логике пространства потоков, чей профиль, происхождение и конечная цель не известны, даже для многих реально существующих вещей, интегрированных в сеть обмена. Потоки энергии генерируют энергию потоков, которая представляется естественным феноменом и не может быть предсказанной или контролируемой, но принятой и управляемой. Это очень значимо для настоящего процесса реструктурирования, осуществляемого на основе новых информационных технологий, материально это выражено в разделении между функциональными потоками и исторически определенными местами как двумя раздельными сферами человеческого опыта. Люди проживают в той или иной местности, власть управляет через потоки.

Тем не менее, общества не состоят из пассивных субъектов, вынужденных покоряться структурному господству. Бессмысленность мест, отсутствие власти политических институтов вызывают возмущение и сопротивление со стороны отдельных людей и коллективов, общественных деятелей. Люди подтвердили свою культурную идентичность, часто в пределах территориальных границ, мобилизуя усилия на достижение своих требований, организуя свои сообщества, укрепляя место своего жительства с целью сохранения его значения, восстановления ограниченного контроля за работой и местом проживания, возрождения любви и смеха в абстракции нового исторического ландшафта. Но, как я уже показывал в своем межкультурном исследовании по городским общественным движениям, чаще всего это реактивные симптомы структурных противоречий скорее чем сознательные действия, направленные на социальные изменения. Столкнувшись с переменной геометрией пространства потоков, группы «корней травы» (grassroot) тяготеют к защите, они связаны территориально или настолько специфичны с точки зрения культуры, что их коды самоузнаваемой идентичности становятся некоммуникабельны в отношении общества, распадающегося на клановые группы, которые с легкостью склонны к фундаменталистским заверениям о своей идентичности.

В то время как власть создает определенное функциональное пространство потоков, общества разрушают свою историческую культуру до уровня локализованной идентичности, что восстанавливает значение мест только ценой разрушения коммуникации между различными культурами и местностями. Между внеисторическими потоками и неуменшаемой идентичностью местных сообществ, города и регионы исчезают как социально значимые места. Историческим результатом этого процесса могло бы быть

наступление эры, характеризуемой не простым сосуществованием и исключительными достижениями человека, дезинтеграцией больших сегментов общества и одновременным широким распространением бессмысленного насилия – ввиду невозможности коммуникации превращение других сообществ в «чуждых», а следовательно, в потенциальных врагов.

Глобализация потоков власти и выделения кланов (tribalization) в местных сообществах – это часть того же самого фундаментального процесса исторического реструктурирования: возрастающее расхождение между техно-экономическим развитием и соответствующими механизмами социального контроля за этим развитием.

Данные тенденции не являются неизбежными. Они могут изменяться и должны быть изменены с помощью серии политических, экономических и технологических стратегий, которые могли бы внести свой вклад в реконструкцию социального значения новой исторической реальности, характеризуемой образованием пространства потоков как пространства власти и функциональных организаций...

Новая технико-экономическая парадигма представляет пространство потоков как непреложную пространственную логику экономических и функциональных организаций. Проблема теперь сводится к тому, как объединить значение мест с новым функциональным пространством. Реконструкция социального значения местности (place – based) требует параллельного сочетания альтернативных социальных и пространственных проектов на трех уровнях: культурном, экономическом и политическом.

На культурном уровне территориально обозначенные местные сообщества должны сохранять свою индивидуальность и строить на своих исторических корнях, независимо от своей экономической и функциональной привязанности к пространству потоков.

Символическое обозначение мест, сохранение символов, по которым их узнают, выражение коллективной памяти в практике коммуникаций – это фундаментальные средства, обеспечивающие продолжение существования мест, как таковых, без необходимости оправдывать свое существование исполнением функциональных обязанностей. Однако, в целях предотвращения опасности сверх утверждения индивидуальности местности без ссылки на более широкие социальные рамки по меньшей мере две дополнительные стратегии необходимы: с одной стороны, они должны строить коды коммуникации с другими идентичностями, коды, требующие определения сообществ как подкультур, способных признавать и общаться с культурами более высокого порядка; а с другой стороны, они должны соединять утверждение и символическую практику культурной идентичности с экономической политикой и политической практикой. Таким образом возможно избежать опасности клановости и фундаментализма.

Населенные пункты города и региона – также должны уметь найти свою особую роль в новой информационной экономике. Возможно, это самое сложное измерение для интеграции в новую стратегию местного социального

контроля, так как одной из точных и важных характеристик новой экономики является ее способность вписаться в пространство потоков. Однако, населенные пункты могут стать неотъемлемыми элементами новой экономической географии ввиду специфической природы информационной экономики. В такой экономике главным источником производительности является способность получать и перерабатывать новую информацию, зависящую от символического манипулирования труда. Этот информационный потенциал труда является функцией его условий жизни, не только с точки зрения образования, но и социальной среды в целом, которая постоянно создает и стимулирует ее интеллектуальное развитие. В фундаментальном смысле, социальное воспроизводство становится непосредственной производительной силой.

Производство в информационной экономике приобретает организованный характер в пространстве потоков, социальное же воспроизводство остается локально специфичным. Тогда как общая логика производства и системы управления действует на уровне потоков, связь между производством и воспроизводством – ключевой элемент новых производительных сил – требует адекватной связи с местной информационной системой и развитием труда. Такая связь должна быть признана каждой местностью с тем, чтобы местный труд смог обеспечить навыки, необходимые в производственной системе, именно в точке его соединения с системой производственного обмена. Труд – и отдельные граждане – должны развивать осведомленность о точной роли той деятельности, которой они занимаются (в своей местности) в функциональном пространстве потоков. На основе такой осведомленности им будет легче осуществлять контроль за производственной системой, что в их интересах. И все же экономическая сделка со стороны информационной трудовой силы очень уязвима, если она не будет опосредована социальным влиянием, которое обеспечивается культурной идентичностью, и если она не соединится и не будет осуществлена обновленной политической властью местного правительства.

Местные правительства должны развивать центральную роль в организации социального контроля за местностями над функциональной логикой пространства потоков.

Только через укрепление этой роли населенные пункты смогут оказать давление на экономические и политические организации с целью восстановления значения местного общества в новой функциональной логике. Данное утверждение идет в разрез с широко распространенным мнением о том, что роль местного правительства будет снижена в интернационализированной экономике и в пределах функционального пространства потоков. По-моему, это происходит именно по тому, что мы живем в таком мире, где местные правительства могут и должны играть более решительную роль как представители гражданских обществ. Национальные правительства часто также безвластны как местные, чтобы управлять непознанными потоками. Более того, так как происхождение места назначения потоков не может контролироваться,

главный вопрос здесь – гибкость и адаптация к потенциалу и требованиям сети потоков каждой конкретной ситуации, насколько это относится к данной местности. Поскольку местные правительства защищают специфичные интересы, связанные с местным обществом, они могут идентифицировать такие интересы и гибко отреагировать на требования потоков власти, таким образом, определяя наилучшую сделку в каждом случае. Другими словами, в ситуации общего отсутствия контроля, чем более специфична повестка сделки, тем более гибка возможность ответа, положительного и отрицательного, системе потоков, и тем выше шансы восстановления некоторого уровня социального контроля. Было бы поучительно вспомнить о том, что образование мировой экономики с XV по XVI вв. привело к возникновению городов-государств как гибких политических институтов, способных придерживаться стратегии переговоров и разрешения конфликтных ситуаций с межнациональными экономическими властями по всему миру. Современный процесс тотальной интернационализации экономики также может привести к возрождению местного государства, как альтернативе функционально безвластных и институционально бюрократизированных наций-государств.

Тем не менее, чтобы местные государства могли обрести столь фундаментальную роль, они должны развивать свою организационную мощь и укреплять власть по двум направлениям по меньшей мере. Во-первых, поддерживая активность граждан, они должны мобилизовать местные гражданские общества на роль сторонников коллективной стратегии по реконструкции значения местности в конфликтной динамике с властями, не имеющими отношения к данному населенному пункту.

Организация сообщества, активное участие граждан – это необходимые элементы возрождения местных правительств как динамичных агентов экономического развития и социального контроля. Во-вторых, им необходимо укрепить связь с другими организованными и самоопределившимися сообществами, занимающимися коллективной деятельностью, заботу следует проявить о том, чтобы избежать разделения на кланы и воздействия на материальную базу работы и власти. Местные власти будут не способны контролировать логику пространства потоков, если они останутся привязанными к своей местности, тогда как организации, основанные на потоках, выберут населенные пункты по своему усмотрению, выступая в роли политической власти, где сообщества, управляемые традицией и обычаем, «непроизвольно» адаптируются к условиям мобильности и переменам.

Предметы власти, насилие и коллективное противостояние оформляют ландшафт как социальный микрокосм. Перед экономической географией стоит задача определения «структурной последовательности» ландшафта. Для радикального экономического географа ландшафт – это *tabula rasa* накопления капитала. На ней отражена «пространственность» капиталистической модели производства на исторических этапах. С точки зрения такой перспективы, в ландшафте выделяется и повторяется мотив выгоды, движение капитала через

инвестирование в промышленность и собственность обращение его в строительстве и реконструкции, между деловой частью города и периферией пригорода. Отношения между социальными классами, в свою очередь, подвержены влиянию “напряженности в сфере свободной географической мобильности и организованных процессов воспроизводства.

Настоящее структурирование человеческих жизней сопряжено с конфликтами. Оно осуществляет социальный переход от факта локальной политической автономии к фактам местного опыта и коллективного сознания. Но в борьбе за экспансию в окружающей среде и контроль за использованием пространства экономическая власть преобладает над государственной и местной культурой. Капитал создает и уничтожает свой собственный ландшафт.

Экономическая мощь Америки обеспечивает структурированную последовательность ее сменяющихся ландшафтов. Копии Америки с дымовыми трубами и заброшенными местами предшествуют другой исторической фазе, отмеченной супермаркетами, торговыми рядами, богинями офисов. Это в свою очередь ведет также к копированию, заброшенным местам. Сегодня очень сложно понять характер Ландшафта Америки ввиду параллельных комбинаций концентрации и рассредоточения, подъема и спада. В смысле культуры ни один четко очерченный ландшафт не представляет современное американское сообщество. У нас отсутствуют и пространственные образы окружающей среды, адекватно представляющие ландшафт «деконцентрации метрополии» ни на уровне города, ни на уровне пригорода, где проживают американцы.

Мартин Хайдегер в начале 1950-х годов описывал американский ландшафт как целую серию не связанных пространств, где массовое производство и массовое потребление производят стандартную, квази-глобальную культуру.

Нужно напрячь воображение, чтобы в таком ландшафте выделить «безместные места». Местные лидеры бизнеса и политики продолжают поиск адекватного имиджа. Программа экономического роста часто ограничивается созданием микрокосма прошлого или панорамы будущего, а так же представлением этого ландшафта с помощью методов исторической презервации или новой футуристической конструкции, что полностью не сочетается со спецификой мест. Организационный принцип в этих ландшафтах является просто предметом наглядности вне специфического, социального и материального контекста. Так же как Буг Гарденс и Диснейленд деконтекстуализируют будущее, Inner Harbor, Faneuil Holl, South Street Seaport деконтекстуализируют прошлое, превращая ландшафт опустошения во внутреннем городе в ландшафт потребления. В лучшем случае, когда рыночные силы разрушают или вновь воссоздают существующий ландшафт, его артефакты сохраняются, восстанавливаются и даже перемещаются чтобы создать «подлинное» чувство места.

КОКС ХАРВИ

МИРСКОЙ ГРАД

Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте /Перевод с англ. О. Боровой и К. Гуровской Москва издательская фирма «Восточная литература – РАН, 1995.

ГЛАВА 2

ОБЛИК МИРСКОГО ГРАДА

Что мы представляем себе, когда думаем об облике технополиса? Мысленно мы рисуем его очертания. Воображаем переплетения радиальных и кольцевых дорог, сетку непохожих друг на друга, но смыкающихся районов, силуэт, образованный естественной топографией города: горную гряду, берег озера, реку. Мы также видим здания, небольшие и приземистые, высокие и стройные. Аэропорты, вокзалы, офисы и жилые дома теснятся на небольшом пространстве. Это материальный облик города.

Но что можно сказать о социальном облике мирского града, о его человеческом измерении, об институциональной основе его культуры? Облик мирского града вместе со стилем образуют его *maniere d'etre*. Его облик – это социальная система, в отличие от культурной. Такое различие, конечно, всего лишь прием аналитического исследования. На самом деле облик и стиль неразделимы, но в этой главе, для удобства анализа, мы сосредоточим внимание на облике мирского града, а в следующей – на его стиле.

Попробуем ответить на вопрос о том, из каких элементов состоит социальный облик технополиса. В этом нам помогут два символических образа, подсказанных его материальным устройством. Первый из них – диспетчерский пульт, ключ к городской системе связи, соединяющий людей друг с другом при помощи чуда современной электроники. Второй – «клеверный лист» (как мы называем развязку скоростных магистралей), символизирующий одновременное движение во всех направлениях, подвижность. Эти символы подразумевают как возможности, так и трудности. ***Они наглядно изображают два характерных компонента социального облика современного метрополиса: анонимность и подвижность*** (выделено – Л. Р.). Но почему мы выделяем именно их?

Анонимность и подвижность – не просто важнейшие характеристики технополиса. Именно эти две особенности городской социальной системы чаще всего становятся объектом критики, как с религиозных, так и с нерелигиозных позиций. Нам постоянно приходится слышать, что жизнь городского человека опустошена и обеднена жестокой анонимностью и бесконечной подвижностью города. Как часто пристрастные критики изображают городского человека безликим и лишенным индивидуальности, мечущимся в разные стороны и не имеющим времени поддерживать более глубокие отношения или вырабатывать более устойчивые ценности! Конечно, анонимность и подвижность могут стать разрушительными. Но раз в устах критиков городской жизни они превратились

в бранные слова, то исследование их положительных сторон приобретает еще большее значение. ***Анонимность и подвижность помогают поддерживать в городе человеческую жизнь. Без них существование там было бы невозможно*** (выделено – Л. Р.).

Если мы посмотрим на них с точки зрения теологии, то увидим, что анонимность и подвижность, возможно, даже в некотором смысле соответствуют библейской вере. Этого никогда не замечают религиозные обличители урбанизации.

Обязательно ли современный писатель должен быть антиурбанистом?

В действительности для подлинного художника город – всего лишь декорация, а не объект критики. Многие писатели XIX и начала XX в. не замечали, что городская анонимность наряду с ужасами имеет также и явные достоинства. Писатель, который становится антиурбанистом по преимуществу, уже не может называться великим, потому что не понимает двух вещей. Во-первых, без анонимности жизнь в современном городе не была бы человеческой, а во-вторых, многим людям она несет скорее освобождение, нежели опасность. Об этом часто забывают критики анонимности. В отличие от Закона и условностей, несущих рабство, она открывает возможность быть свободными для огромного числа людей. Анонимность жизни в городе оберегает от всякого вторжения необходимую человеку частную сферу. Более того, теологически анонимность может быть истолкована как противостояние Евангелия Закону.

Анонимность

Человек перед гигантским пультом

Каждый первокурсник твердо знает, что современный человек – безликое ничтожество. Слишком многие курсы гуманитарных наук и календарные религиозные мероприятия основаны на непоколебимой уверенности в том, что бесцветный «массовый человек» – не более чем номер или комбинация дырок на перфокарте, что он блуждает по «бесплодной земле» Т. С. Элиота в поисках имени. Термины «утрата своего Я» и «исчезновение индивидуальности» играют все большую роль в модном сегодня развлечении – бичевании урбанистической культуры. Откуда происходит эта боязнь анонимности?

Хотя в наше время подобные упреки выглядят дешевыми и пошлыми, у них есть своя внушительная интеллектуальная история. Некоторые характерные черты массового общества и городской жизни блистательно громил Серен Кьеркегор в работе «Нынешний век» (1846). Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет своей работой «Восстание масс» (1932) демонстрирует аристократическую неприязнь к разрушению классовых барьеров и к анонимному характеру современного общества. Райнер Мария Рильке в «Заметках Мальте Лауридса Бригте» (1910) обнаруживает метафизический ужас перед обезличенностью жизни и утратой тайны вещей: именно эти черты он приписывает большому городу. И наконец, как протест против городской и бюрократической анонимности иногда интерпретируется отказ Франца Кафки наделить именами главных героев двух своих последних романов.

Гражданин технополиса сидит перед огромным и необыкновенно сложным пультом. Это *homo symbolicus*, человек передающий и связывающий, а метрополис – гигантская сеть связей и коммуникаций. И эта сеть открывает перед человеком колоссальные возможности связи. Современный городской район устроен так хитроумно, что позволяет существенно расширить пределы человеческих связей и увеличить возможности индивидуального выбора. Поэтому урбанизация содействует освобождению человека. Это ясно видно на примере хотя бы кинотеатра или ресторана. Для жителей города с десятитысячным населением выбор может ограничиваться одним или двумя кинотеатрами, в то время как люди, живущие в городе с миллионным населением, ежедневно могут выбирать, например, из пятидесяти фильмов. То же относится и к ресторанам, школам и даже в какой-то степени к возможностям выбора работы или будущих супругов. Городской человек свободен выбирать из более широкого спектра возможностей. Поэтому его качество *homo symbolicus* делает человека более зрелым.

Но свобода всегда предполагает самоограничение. Уже одно наличие такого широкого спектра возможностей требует от городского человека изменить модели поведения. Он все чаще должен делать выбор, а выбор подразумевает необходимость нечто исключать. В свободный вечер горожанин не просто «идет в кино», как это сделал бы его собрат, живущий в деревне или в маленьком городке: он должен выбрать один из тех пятидесяти фильмов, которые сегодня демонстрируются. Это означает, что ему нужно принять сознательное решение не смотреть другие сорок девять.

В области личных отношений необходимость такой избирательности еще настоятельнее. У городского человека разнообразие «контактов» шире, чем у его сельского собрата, и из всех «контактов» лишь немногие могут перерасти в дружеские связи. Отношения с большинством из тех, с кем он контактирует, должны быть более или менее безличными именно для того, чтобы можно было поддерживать и развивать немногие дружеские связи. Пожалуй, лучше всего эту избирательность символизирует выключение телефона из розетки или отказ владельца внести свой номер в общедоступную телефонную книгу. Человек просит не вносить туда его номер не для того, чтобы сделать свои отношения с людьми менее глубокими. Совсем наоборот: он поступает так, стремясь сохранить и углубить ценные для него отношения. Он не хочет, чтобы такие связи затерялись в потоке, многочисленных звонков, которые раздавались бы в его доме, если бы его номер был известен всем, включая растущую армию рекламных агентов, которые бесцеремонно вторгаются в чужую частную жизнь. Наш телефон есть у тех, с кем мы хотим общаться, а у остальных его нет. Мы вполне можем использовать диспетчерский пульт и при этом не становиться жертвами его неограниченных возможностей.

Городской человек должен тщательно разделять свою частную и публичную жизнь. Поскольку его существование в современном городе зависит от очень сложной системы услуг, то его взаимодействия с окружающим миром с необходимостью чаще всего имеют публичный характер и становятся, как

говорят социологи, функциональными, или вторичными. В большинстве случаев, имея дело с людьми, человек не может позволить себе интересоваться ими как личностями, он должен ограничить свое общение с ними теми услугами, которые они предоставляют ему, а он им. Для городской жизни это необходимо. Если бы контролеры в супермаркете или лифтеры стали участвовать в жизни тех, кого они обслуживают, это было бы опасно для общества. Это привело бы к полному развалу тех жизненно важных систем, одну из частей которых составляют эти служащие. Городская жизнь требует, чтобы с большинством из тех, с кем нам приходится встречаться, мы общались просто как с людьми, т.е. не как с вещами, но и не как с близкими друзьями. А это, в свою очередь, обеспечивает нам нечто вроде иммунитета против нежелательных личностных отношений. Луис Вирт так описывает эту ситуацию: «Характерно, что, сталкиваясь друг с другом, горожане играют строго определенные роли. Удовлетворение их жизненных потребностей, конечно, зависит от большего числа людей, чем у сельских жителей, и потому они связаны с большим числом организаций. Но они меньше зависят от отдельных лиц, и их зависимость от других ограничена строго определенными аспектами деятельности этих других людей. Именно это имеют в виду, когда говорят, что для города характерны вторичные, а не первичные контакты. Безусловно, в городе могут возникать и непосредственные человеческие контакты, но и они остаются безличными, поверхностными, кратковременными и частичными. Замкнутость, безразличие и скепсис, которые обнаруживают в своих взаимоотношениях горожане, могут быть всего лишь средством самозащиты от личностных притязаний и ожиданий других людей».

Такой иммунитет ведет к формированию образа жизни, который часто кажется холодным и даже бездушным тем, кто незнаком с динамикой городской жизни. Этого не поняли многие писатели и социологи. Романтики культуры, такие, как Рильке и Ортега, с отвращением отшатнулись от того, что они приняли за жестокость города. Подобная же критика звучала и со стороны социологов. Они выражали недовольство тем, что отношения между людьми в городе лишаются подлинно человеческого содержания и становятся механическими и безжизненными.

Одним из самых влиятельных критиков городской жизни был немецкий социолог Фердинанд Теннис (1855-1936). Его творчество и сегодня оказывает существенное влияние на социологию и анализ культуры. В 1887 г. Теннис опубликовал книгу «Община и общество», где противопоставлены согласованная органическая сплоченность *Gemeinschaft* (общины) и более рациональная, спланированная и частичная связь *Gesellschaft* (общества). Каспар Нейгел так резюмирует это разграничение Тенниса: «Отношения типа *Gemeinschaft* более интегральны, люди подходят друг к другу ближе, их взаимодействие более устойчиво. В *Gesellschaft* их взаимоотношения ограничены конкретными, почти формальными взаимными обязательствами... Взаимодействие может сводиться лишь к необходимым встречам, так что стороны остаются фактически анонимными».

Теннис имеет в виду то же самое, что другие социологи описывают как дихотомию «первичных» и «вторичных» отношений, или «органических» и «функциональных». Мне приходилось жить и в деревне, и в городе, и потому я хорошо понимаю, что именно подразумевают эти термины. Когда я был ребенком, мои родители никогда не говорили просто «молочник», «страховой агент», «старьевщик». Их называли по имени: Пол Вивер, Джо Вилланова и Рокси Баразано. Все торговые операции нашей семьи были только частью более разветвленной и всеобъемлющей системы дружеских и родственных связей с теми же людьми. Эти операции никогда не были анонимными. Более того, к случайному торговцу или чистильщику обуви, которого мы не знали, всегда относились с большим подозрением, пока не становилось точно известно, откуда он, кто его родители и из «приличной» ли он семьи. Поездки в бакалейную лавку, на бензоколонку или на почту всегда были одновременно и дружескими визитами и никогда – чисто функциональными контактами.

Теперь, когда я живу в городе, мои взаимодействия с людьми имеют совсем другой характер. Если мне нужно починить карбюратор в машине, или купить телевизионную антенну, или получить деньги в банке, я вступаю в функциональные отношения с механиками, продавцами и банковскими служащими, которых я никогда не встречаю в каком-либо ином качестве. Но эти контакты ни в коем случае нельзя назвать «мерзкими», «гнусными» или «бесчеловечными», хотя они и в самом деле обычно бывают краткими, во всяком случае, занимают не больше времени, чем требуется для осуществления необходимых операций и обмена краткими вежливыми формулами. Некоторые из таких встреч повторяются довольно часто, так что я успеваю изучить манеру поведения, а иногда даже узнаю имена некоторых из этих людей. Но такие отношения функционально ограничены и «частичны». Я не встречаю этих людей ни в каких других ситуациях. Для меня они по своей сути остаются столь же анонимными, как и я для них. И в самом деле, когда я обращаюсь к механику по поводу испортившегося карбюратора, то надеюсь, что больше никогда его не увижу. Но это вовсе не значит, что он мне неприятен: просто я не хотел бы, чтобы мой карбюратор вновь вышел из строя. Здесь важно то, что мои отношения с банковским служащим и механиком не могут стать менее человечными или менее подлинными только оттого, что мы оба предпочитаем поддерживать их анонимность. Именно здесь многие из попыток теологического осмысления урбанизации идут в совершенно ложном направлении.

Теологи тратят много сил, чистосердечно обличая «обезличенность городской жизни». Подобные нападки часто основаны на неверном понимании философии отношений типа «Я и Ты», предложенной Мартином Бубером. В отличие от того, что думают некоторые его толкователи, сам Бубер никогда не утверждал, будто все наши отношения должны быть столь же глубокими, межличностными, как отношения типа «Я—Ты». Он знал, что это драгоценный и редкий опыт. Но Бубер в самом деле дал основания для недоразумений: он не уделил достаточного внимания вопросу о том, каково место тех типов

отношений, на которых в действительности основана большая часть нашей жизни. Но к этому мы обратимся чуть позже.

Недавно несколько протестантских пасторов провели социологическое исследование в городских районах, застроенных многоэтажными домами, где они собирались организовать церковные группы. Это исследование показало, что современная христианская теология, как правило, придает отношениям «Я—Ты» слишком большое значение. Исследователей поразило, что вопреки их ожиданиям новые обитатели этих домов вовсе не страдали от одиночества и не жаждали общения. Они не хотели встречаться со своими соседями в каком-либо ином качестве, а также не были заинтересованы в создании церковных или иных обществ или групп. Сначала пасторы выразили сожаление о том, что они назвали «социальной патологией» или «психологией ежа». Позже, однако, они обнаружили, что то, с чем они столкнулись, – всего лишь способ самосохранения. Сопротивление, которое жители многоквартирных домов оказывают попыткам вовлечь их в общение с соседями, – это прием, которым они должны владеть, если стремятся сохранить какие бы то ни было человеческие отношения. Это неотъемлемая черта облика мирского града.

Осуждая городскую анонимность, пасторы ошибочно отождествляли это с доурбанистической эпохой с христианским понятием койнония. Это не одно и то же. Пасторы хотели создать нечто вроде деревенской близости между людьми, которые главным образом потому и переехали в многоэтажные дома, что стремились избежать отношений, к которым их принуждало отсутствие анонимности в деревне. У жителей многоэтажек, как и вообще у большинства горожан, отношения с другими людьми основаны на свободном выборе и общих интересах и, как правило, не зависят от территориальной близости. Исследования показали, что дружеские связи внутри большого жилого комплекса строятся по признаку возраста, размеров семьи и личных интересов обитателей. Эти связи обычно определяются не одним лишь соседством квартир. Поэтому сожалеть о том, что люди из многоэтажек годами живут на одной лестничной площадке, по-настоящему друг друга не зная, – значит не понимать, что многие сознательно избегают тесного знакомства со своими «ближними». Это оставляет им больше времени и энергии для поддержания дружбы с теми, кого они сами выбрали. Отсюда вовсе не следует, что житель многоэтажки не может любить своего ближнего, если тот одновременно его сосед по площадке. Вполне может и, конечно, ничуть не меньше, чем член маленькой городской общины. Проявляется это в том, что горожанин ведет себя как надежный соарендатор, несущий свою долю общей с соседом ответственности за ту сторону их жизни, которая связана с жильем. Но для этого необязательно становиться закадычными друзьями.

Все это значит, что городской секулярный человек призван строить отношения со своим ближним совсем не так, как это делал его предшественник, член городской общины. Подобно самаритянину из притчи Иисуса, которая была ответом на вопрос «Кто мой ближний?», городской житель должен уметь делать все необходимое для обеспечения здоровья и благополучия своего

ближнего. Человек, попавший в руки к грабителям, не был соседом самаритянина, но тот помог ему действенно и без лишних слов. Он не вступил с ним в отношения «Я—Ты», а перевязал его раны и позаботился о том, чтобы у хозяина гостиницы хватило денег на покрытие расходов.

Городская анонимность вовсе не обязательно бесчеловечна. А за деревенской общительностью может скрываться опасная враждебность. Безусловно, одиночество – серьезная проблема городской жизни. Но ее нельзя решить, принуждая горожан к отношениям, которые посягают на их частную жизнь и ограничивают их возможности ответственно сосуществовать со все большим числом соседей (выделено – Л.Р.). Об этом забыли церковные исследователи, удрученные тем, что жители многоэтажек уклоняются от дополнительного общения. Пасторы подошли к горожанам с мерками «деревенской теологии» и натолкнулись на их защитную реакцию – вежливый отказ от лишнего общения. Без этого существование в городе было бы невозможным для человека. Исследователи не учли того, что гражданин технополиса вынужден защищать и оберегать свою частную жизнь. Он должен ограничивать число людей, имеющих номер его телефона или знающих его имя.

Обитатель маленького городка, напротив того, существует внутри ограниченной системы отношений и ощущает, что жизнь большого мира, возможно, проходит мимо него. Поскольку он живет среди людей, которые все между собой знакомы, он более склонен сплетничать и слушать пересуды других. Его частная жизнь публична, а публичную жизнь он воспринимает как свою собственную. Если житель большого города предпочитает отключать свой телефон, то сельский житель (или его жена), напротив, охотно подслушивает чужой разговор по параллельному телефону и обсуждает его за чашкой кофе. Житель большого города хочет четко разграничить частное и публичное. В противном случае публичная жизнь подавила бы и обесчеловечила его. Жизнь горожанина представляет собой точку пересечения десятков систем и сотен человеческих связей. Если он хочет лучше узнать одних, людей, то вынужден сохранять более поверхностные отношения со многими другими. Городской житель слушает пересуды почтальона просто из вежливости: ведь он, скорее всего, не интересуется теми, о ком хочет поговорить почтальон. В отличие от своих родителей, с подозрением относившихся ко всем чужакам, он обычно остерегается именно тех служащих, с которыми знаком.

Анонимность как освобождение от Закона

Как можно истолковать анонимность большого города с точки зрения теологии? Здесь вспоминается традиционное противопоставление Закона и Евангелия. Используя эти термины, мы подразумеваем не религиозные нормы и пламенные проповеди, а напряжение между рабской зависимостью от прошлого и свободой для будущего. В этом смысле Закон означает все то, что привязывает нас к некритически воспринятым обычаям, а Евангелие – то, что освобождает нас для самостоятельных решений.

Как говорит Рудольф Бультман, Закон представляет собой требования этого мира. И. Ризмен называет это «внешней ориентированностью» личности, принуждающей ее к конформности по отношению к ожиданиям и обычаям культуры, которые с помощью многочисленных, почти незаметных приемов навязывают нам люди, делающие выбор за нас. Когда основой нашей жизни становится Закон, а не Евангелие, он препятствует нашему выбору и свободе. Он решает за нас, тем самым ослабляя нашу способность к ответственности. Евангелие в более широком смысле означает призыв сделать выбор и взять на себя ответственность. Это не только весть Церкви, но также, призыв, который слышит каждый человек, стоящий перед возможностью и необходимостью принять свободное и ответственное решение, не обусловленное культурными традициями или общественными установлениями. Используя здесь диалектику Закона и Евангелия, мы полагаем, что возможная область ее применения шире, чем та, которую обычно оставляет за ней теология. Мы исходим из того, что человек, непосредственно участвуя в историческом процессе, встречается с Тем, Кто создает его как личность, свободно принимающую решения и не определяемую в своих действиях ни прошлой историей, ни окружающей жизнью. Анонимность культуры технополиса, столь непохожая на аквариумную прозрачность жизни городской общины, дает современному человеку возможность еще острее испытать и восторг и ужас человеческой свободы. Сегодня библейский Бог является человеку в социальной реальности, а противопоставление Закона и Евангелия предлагает нам точку зрения, позволяющую понять происходящие в мире события, включая урбанизацию. Бог Евангелия – это Тот, Кто желает свободы и ответственности, Кто указывает в будущее, полное надежды. Закон, напротив, включает в себя все те культурные явления, которые удерживают человека в состоянии незрелости, в плену условностей и традиции. Закон установлен силой людского мнения. Евангелие – создание Бога, творящего новые возможности в истории. Закон подчеркивает, что человек живет в обществе. Евангелие указывает на не менее важное обстоятельство: человек – нечто большее, чем просто точка пересечения социальных сил. Он чувствует, что призван выбирать, призван реализовать потенциал своей личности, которая есть нечто большее, чем просто сумма генов, органов и социального статуса. Нельзя жить без Закона, но, когда Закон начинает целиком определять нашу жизнь, человек перестает быть по-настоящему человеком.

С этой точки зрения урбанизацию можно рассматривать как освобождение от некоторых отживших ограничений доурбанистического общества. Это возможность стать свободным. А чтобы освободиться от навязанных условностей, городской житель должен делать собственный выбор. Возможность оставаться безымянным для большинства позволяет ему сохранять имя и индивидуальность для немногих.

Сделать это не так легко. Задача ответственно участвовать в системе ограниченных отношений трудноразрешима, особенно для тех, кто воспитан в сельской или традиционной культурах. Зачастую жизнь гражданина

технополиса, вышедшего из сельской среды, отравлена постоянным чувством вины, потому что он не в состоянии поддерживать отношения типа «Я—Ты» с каждым человеком. К сожалению, Церковь, ориентирующаяся главным образом на этос доурбанистической эпохи, часто усугубляет его трудности, призывая жителей технополиса сохранять деревенскую близость и проповедуя необходимость отношений типа «Я—Ты» как единственных по-настоящему человеческих. Но это ошибочное понимание Евангелия и плохая услуга гражданину мирского града. Безличный характер отношений между его жителями вовсе не обязательно лишает эти отношения теплоты или сердечности. Исключительно точно уловила специфику добрососедских отношений в городе Джейн Джейкобс в своей книге «Смерть и жизнь великих городов Америки». Человеку необходимо научиться получать удовольствие и пользу от публичных отношений, не позволяя им при этом превращаться в частные: «В большом городе невозможно жить открытым домом. И никому это не нужно. Но если интересные, полезные и важные контакты между людьми ограничиваются знакомствами сугубо частного характера, существование города теряет смысл. В больших городах живет множество людей, с которыми, с вашей, моей или чьей-то еще точки зрения, полезно и приятно поддерживать какие-то отношения. Однако вы не хотите, чтобы эти люди лезли к вам в душу, а они не хотят, чтобы вы лезли в душу к ним».

Было бы неплохо, если бы теологи оценили по достоинству эту типично городскую «совместимость», столь удачно описанную Джейн Джейкобс, и увидели в безличной, даже анонимной взаимосвязи людей подлинный способ совместного человеческого существования в урбанистическую эпоху.

Нам нужно разработать жизнеспособную теологию анонимности. При этом, вероятно, к двум известным буберовским типам отношений полезно будет добавить еще один. Кроме отношений типа «Я—Оно», в которых Другой низводится до статуса объекта, и в дополнение к глубокой, формирующей личность встрече «Я—Ты» представляется вполне возможным разработать теологию, основанную на отношениях типа «Я—Вы». Философию Бубера ослабляет дихотомия, которой можно было бы избежать. Между полюсами двух типов человеческих отношений, описанных Бубером, мы могли бы указать и третий. Он включил бы в себя все те публичные отношения, в которые мы столь охотно вступаем в городе, но которым мы не позволяем превратиться в частные. Эти контакты несомненно могут сохранять человечность, даже если они не перерастают в близкое знакомство. Нам нравятся многие люди, и мы охотно с ними общаемся, но, как пишет Джейн Джейкобс, мы «не хотим, чтобы они лезли к нам в душу, а они не хотят, чтобы мы лезли в душу к ним».

Опасность, которую таит в себе дихотомия Бубера, заключается в тенденции переводить в категорию «Я—Оно» или совсем отбрасывать все не столь глубоко личные и значительные отношения. Теология отношений типа «Я—Вы» прояснила бы вопрос о том, какие возможности открывает перед человеком городская жизнь, а также могла бы противостоять нынешним

попыткам под благовидным предлогом спасения души вернуть городского человека к формам сосуществования доурбанистической эпохи.

Развитие такой теологии позволило бы выявить настоящие опасности, таящиеся в городской анонимности (в противоположность опасностям мнимым). Ведь открываемые технополисом возможности могут превратиться в новые жесткие установления, и свободу всегда можно использовать в античеловеческих целях, а Евангелие может заостенеть и стать новым сводом законов. Но нам не удастся выявить ни одну из этих опасностей, если мы будем по-прежнему судить городскую жизнь, руководствуясь нормами доурбанистического общества. Несмотря на таящиеся в ней опасности, анонимность городской жизни помогает человеку освободиться от Закона. Для многих она становится чудесным освобождением, избавлением от сковывающих традиций и ожиданий городской общины. Анонимность открывает человеку доступ к новым увлекательным возможностям выбора, которые в изобилии предлагает ему мирской град.

Подвижность

Все процессы в жизни современного общества свидетельствуют о нарастающей подвижности. Развитие техники закрывает лавку шорника и открывает электронные лаборатории. Индустриализация не только побуждает людей покидать фермы и переезжать в города, она захватывает и сами фермы, превращая их в фабрики пищевых продуктов и постоянно уменьшая количество рабочих мест. Современный город – это массовые передвижения. Один писатель сравнил город с военной базой, где люди ненадолго останавливаются во время своих сложных перемещений с одного места на другое. Мы переезжаем не только из города в город в поисках лучшего жилья и, работы, но и перемещаемся внутри города, чтобы найти более удобное для нас место или подходящий район. Ежедневные поездки на работу из пригорода в центр или наоборот тоже представляют собой форму малой миграции. Нам приходится ездить не только на работу, но также и за покупками, в места развлечений и для общения с другими людьми. Все куда-то едут, но что при этом происходит с нами как с народом?

Многие оценивают высокую подвижность современной жизни крайне негативно. Из такого подхода выросла целая литература протеста (в значительной мере религиозного характера), оплакивающая мнимую опустошенность и потерянность современного городского человека. Бесчисленные проповеди обличают присущий современной жизни темп «быстрее-быстрее» и оскудение духовных ценностей, которое якобы сопровождает отказ от более стабильных форм жизни. Если говорить о более серьезном осмыслении проблемы, следует напомнить, что в современной литературе постоянно присутствуют темы отчуждения и утраты корней. В самом деле, величайшие романисты нашего века предпочитают создавать героев, странствующих вдали от дома, среди незнакомых людей и в чужих краях. Сразу вспоминаются «Иосиф в Египте» Томаса Манна, «Улисс» Джеймса Джойса и «Замок» Франца Кафки. К сходным темам обращались

Альбер Камю и Андре Жид. В этой литературе, часто с захватывающей художественной силой, человек изображается как гонимый и бездомный странник. И все же возникает вопрос: разве подвижность с необходимостью обедняет человека? Может ли он путешествовать и не чувствовать себя потерянным? Может ли он передвигаться, не блуждая?

Прежде чем обратиться к этим вопросам, стоит заметить, что американские писатели редко смотрят на подвижность столь мрачно. В самом деле, сочинять рассказы «о тех, кто в пути» стало чуть ли не специальностью американских авторов. Так, в книге «Моби Дик» речь идет не только об охоте на китов. Невозможно прочитать ее (как и другие романы Мелвилла, например «Тайпи» или «Билли Бадд») и не ощутить искреннюю любовь автора к кораблям и путешествиям. В романе «Гекльберри Финн» Марк Твен рассказывает о сложных взаимоотношениях белого мальчика со взрослым негром, но заметим, что действие происходит на плоту, несущем героев вниз по Миссисипи. Эрнест Хемингуэй – образец американского писателя-путешественника. Томас Вулф всю жизнь питал страсть к железным дорогам. Генри Джеймс почти столь же знаменит своими путевыми заметками, как романами и эссе. И Джон Стейнбек, и Джон Дос Пассос с увлечением писали о путешественниках. Возможно, то восхищение автомобилями, которое мы находим у Джона Апдайка и Джека Керуака, отражает новейший этап традиционной тяги американских писателей к рассказам о путешествиях.

Америка породила многочисленных писателей, восхищавшихся подвижностью, а не обличавших ее. Да американцы и всегда были подвижным народом. К этому их вынуждала жизнь: а иначе они бы и не попали в Америку. Все американцы (за исключением негров) происходят от тех, кто добровольно оставил дом, чтобы отправиться в новые земли. Социологам известно, что люди, которые уже однажды переезжали, переедут еще раз с большей вероятностью, чем те, кто никогда не трогался с места. Им известно также, что подвижные люди обычно восприимчивы к новым идеям и возможностям. Уже испытав и пережив одну большую перемену, они не исключают для себя возможность других перемен.

Человек на «клеверном листе»

Гражданин технополиса всегда в движении. Его можно изобразить не только сидящим перед гигантским диспетчерским пультом, но и за рулем автомобиля на «клеверном листе». Другими символами города могут служить диспетчерская вышка аэропорта, скоростные лифты и постояннодвигающиеся эскалаторы в универмагах и офисах. Современный технополис – это сплетение разнообразных дорог: автострад, железных дорог, воздушных линий, связывающих города и их части. Это также система лифтов и эскалаторов, молниеносно переносящих человека с улицы на крышу небоскреба, из швейцарской – в кабинет директора и обратно. Человек технополиса постоянно в движении, и можно предсказать, что темп и размах этого движения будут с течением времени нарастать.

Специалисты иногда различают два типа подвижности – географическую и профессиональную. К этому можно добавить подвижность социального статуса, класса и другие формы социальной подвижности. Но так как они очень тесно связаны с подвижностью относительно рабочих мест и жилья, мы ограничимся здесь обсуждением проблем и возможностей, обусловленных движением к новым рабочим местам и жилью.

Многим не нравится жилищная и профессиональная подвижность. При этом для критики используются разные риторические приемы, однако очень часто идут в ход описания домашнего очага и профессионального призвания, перегруженные религиозной сентиментальностью. Для многих людей эти образы по-настоящему притягательны. Мысль о возможности родиться и вырасти в том же самом бревенчатом доме, а может, там же состариться и умереть, несомненно, для кого-то привлекательна. Возможность проработать на одном месте всю жизнь тоже создает ощущение определенного комфорта. Но те, кто оплакивают закат той эпохи, когда, по их мнению, господствовал этот устойчивый и идиллический образ жизни, забывают об одном важном обстоятельстве: лишь незначительное меньшинство людей действительно могло рассчитывать на эту блаженную неизменность. Условия жизни и труда большинства людей предшествовавших эпох были таковы, что мы вряд ли захотели бы к ним вернуться. Сегодня большинство из нас категорически отказалось бы жить в доме своих предков или выполнять их работу. Дело в том, что прадеды большинства из нас владели нищенским существованием и жили в лачугах. Многим из нас сегодня живется гораздо лучше именно потому, что наши предки были подвижны. Подвижность – вечное оружие тех, кому трудно. Стремление бороться с подвижностью и поддерживать жилищную и профессиональную неподвижность – романтическое извращение, порожденное консервативным мышлением.

Подвижность тесно связана с социальными переменами, поэтому защитники status quo всегда сопротивляются подвижности. И здесь их поведение вполне последовательно. Они чувствуют, что изменение в одной сфере жизни – в том, что касается работы или жилья, – приведет к другим изменениям, а они против перемен. Консерваторы афинского полиса были правы, яростно сопротивляясь строительству порта в Пирее. Они понимали, что вместе с экзотическими заморскими товарами туда придут и новые люди с экзотическими идеями, которые могут угрожать их спокойствию и безопасности.

В начале XIX в. консервативно настроенные английские лорды оказывали яростное противодействие строительству железных дорог не только потому, что от них много шума и грязи, но также и потому, что даже самым скромным деревенским жителям железные дороги позволяли ездить из города в город. А там их невозможно оберегать от чужих влияний: ведь в этой ситуации нельзя контролировать их передвижение. А самое опасное, утверждали лорды, состоит в том, что крестьяне встретят людей, которые никогда не слышали об их

помещиках. Тогда они увидят собственные деревни со стороны и, возможно, потеряют всякое уважение к существующим властям.

Соотношение между подвижностью, урбанизацией и социальными переменами хорошо иллюстрирует песня времен первой мировой войны: «Как теперь удержишь их на ферме, если они видели Париж?» Те, кто вступили в разрушающий традиции круговорот городской жизни, уже никогда не будут такими, как прежде. Они будут знать, что все может быть по-другому. Они перестанут воспринимать ферму как данность, а из этого семени может вырасти революция.

Движение за гражданские права негров – прекрасный пример того, как подвижность связана с социальными переменами. Многие исследователи считают, что именно перемещение большого числа негров из сельских районов Юга в городские индустриальные центры, а также служба тысяч негритянских парней в армии подготовили то неизбежное социальное потрясение, которое привело к революции в сфере их гражданских прав. Негры обнаружили, что положение вещей могло бы быть совершенно иным. Против угнетения выступили те, кто были молоды и подвижны (географически и профессионально). И теперь их сражения – в отличие от сражений Гражданской войны, происходивших возле неизвестных до тех пор деревень Булл Ран и Геттисберг, – велись в таких индустриальных центрах, как Бирмингем, а затем распространялись и в провинции. Подвижность открыла путь к освобождению.

Географическая подвижность всегда свидетельствует о социальной или профессиональной подвижности (выделено – Л. Р.). Даже в сказках сын покидает родной дом «в поисках счастья». Подвижность в одной области подразумевает подвижность и в другой. Те, кто в пути в пространственном смысле, обычно в пути и в интеллектуальном, финансовом или психологическом отношении. Все это, конечно, представляет собой угрозу для тех, кто уже обладает властью и влиянием в обществе. И лишь низы общества могут выиграть все и ничего не потеряют от социальной подвижности. Поэтому за религиозно обоснованными протестами против подвижности нетрудно заметить социальную пристрастность. А поскольку романтизм и реакция часто идут рука об руку, то и в доводах в пользу профессиональной стабильности и верности идиллическому домашнему очагу, часто имеющих религиозную окраску, легко распознать аристократическую или консервативную идеологию.

Развитое индустриальное общество задохнулось бы без подвижности. Люди должны быть готовы к перемещениям. Новые рабочие места появляются повсюду. Развитие техники приводит к тому, что профессиональные навыки квалифицированных рабочих очень быстро устаревают. Даже если они обучаются заново, их новая квалификация может устареть столь же быстро. В большинстве фирм и все чаще в учебных заведениях продвижение по службе предполагает перемещение с одного места на другое. Деловые поездки и путешествия во время отпуска открывают перед человеком новые жизненные перспективы. Те тенденции в нашем обществе, которые способствуют ограничению или ослаблению подвижности, почти всегда связаны с людьми,

стремящимися помешать другим расширить свою власть или долю материальных благ. Но уменьшение подвижности неизбежно причинит вред всему обществу. Поэтому, например, традиционные представления, затрудняющие неграм поиск жилья и работы и ограничивающие их подвижность, тормозят развитие экономики. От этого страдает все общество. А что можно сказать о разрушительном действии подвижности?

Ягве и баалы

Сразу же признаем, что высокая подвижность действительно способствует разрушению традиционной религии. Она уводит людей от святых мест. Она вовлекает их в общение с соседями, которые по-другому поклоняются богам с другими именами. Но раз мы уже отметили существенную связь между урбанизацией и секуляризацией, нам незачем тратить время на сожаления по этому поводу. Нам важно показать, что и с библейской точки зрения подвижность можно оценивать положительно. Не стоит пренебрегать теми опасностями и трудностями, которые она порождает, однако следует признать, что подвижность открывает перед человеком новые возможности.

Если мы хотим теологически осмыслить подвижность как явление, уместно вспомнить, что отношение к Богу древнего Израиля возникло в условиях, когда Его народ вел кочевую жизнь и по большей части не имел постоянных жилищ. Лишь во время относительно коротких периодов своей истории евреи имели «собственный дом», но такие периоды обычно считаются наименее плодотворными в жизни этого народа. Бегство из Египта, блуждание в пустыне, завоевание Ханаана стали центральными событиями в процессе формирования веры Израиля. Деятельность величайших пророков, Иеремии и Второисаии, приходится либо на то время, когда безопасность их страны была под угрозой, либо на время изгнания. После того как евреи вернулись на родину в эпоху Эзры и Неемии, их пророческая интуиция стала слабее, чем раньше. По сути тот универсализм, который возник во время изгнания, был почти забыт в период регресса, которым сопровождалось возвращение. Коротко говоря, евреи ближе всего подошли к исполнению своего призвания, возможно, именно тогда, когда они странствовали и не имели дома.

Самые важные черты ветхозаветного Бога Ягве связаны с тем, что Он подвижен. Он – Господин истории и времени. У Него нет определенного места в пространстве. Именно потому, что Ягве, как и евреи, был кочевником, во время заселения Ханаана разгорелись грандиозные сражения между Ним и баалами. Борьба началась из-за того, что баалы были признанными божествами Ханаана. Когда там наконец осели прежде кочевавшие сыны Израиля, им пришлось решать вопрос о том, что делать с местными богами. Слово «баал» означает «обладатель» или «житель». Власть ханаанских баалов распространялась на определенные сферы деятельности или, чаще, на конкретные города и местности. Они были неподвижными богами. Каждый конкретный баал требовал от людей поклонения лишь до тех пор, пока они находились в пределах его территориальной юрисдикции. Баалы были богами

малоподвижного народа, который с подозрением относился к любым переменам.

Ягве, напротив, не был связан ни с каким определенным местом. Правда, Его явления происходили в конкретных местах – например, на горе Синай или в горящем кусте, но Его присутствие, конечно, не было ограничено этими местами. Он не только передвигался вместе со Своим народом, но «шел перед ними» (Исх 13:21). Хотя постоянно существовала угроза того, что представление о Ягве как о кочующем, внепространственном Боге может слиться или смешаться с образами ханаанских баалов, в конечном счете оно выдержало это испытание и сохранилось. С появлением Второисайи было определенно установлено, что даже гору Сион в Иерусалиме нельзя считать местом обитания Ягве. Стало понятно, что Он правит всеми народами и движется, где хочет. Это была важнейшая победа веры в Ягве: ведь историчность еврейского представления о жизни сформировалась благодаря тому, что Ягве упорно отказывался быть богом домашнего очага.

Одно из ярчайших свидетельств подвижности Ягве – Ковчег Завета, о котором библейские археологи строят многочисленные догадки. В Ветхом Завете он описан несколько раз. Некоторые ученые полагают, что Ковчег представлял собой ящик, в котором евреи, идя на битву, несли священные камни. Другие считают, что это был трон, на котором невидимый Ягве двигался вместе со Своим народом. Независимо от того, что представлял собой Ковчег в действительности, ясно, что он был подвижен. В отличие от храмов инков, египетских сфинксов или вавилонских зиккуратов его можно было взять с собой и нести туда, куда шел народ. В противоположность баалам он не был закреплен на месте. Однако важнее другое: когда Ковчег в конце концов был захвачен филистимлянами, евреи начали понимать, что Ягве не обитает даже там. Захват Ковчега подготовил их к будущему разрушению Храма и к потере родины. Все эти исторические события, в результате которых люди перестали понимать Ягве пространственно, имели огромное теологическое значение. Они показали, что Ягве не может быть привязан к какой-либо определенной географической точке. Он странствует повсюду со Своим народом.

Когда божество утрачивает пространственные характеристики, то обычно одновременно с этим появляется Бог, активно участвующий в историческом процессе.

Кочевая жизнь древних евреев создала необходимые социальные условия для того, чтобы возникло представление о Боге, поразительно отличавшееся от того, как видели своих богов соседние народы. Ягве был Богом истории, а не природы. Он открывал Себя в политических и военных событиях, включая и поражения. Его голос звучал в происходивших социальных переменам. Поэтому во время заселения Ханаана и борьбы с богами плодородия той культуры именно земледельцы и правящая элита пытались оставить Ягве и вернуться к баалам. Земледельцы поступали так потому, что были самой неподвижной социальной группой, а правители – потому что были самой консервативной частью общества. Нагляднейшие примеры – сельские

«высоты» и страшная история о царице Иезавели. Ягве выиграл состязание с божествами плодородия не за счет того, что стал одним из них, а в результате того, что многие из праздников урожая и плодородия включились в веру, по-прежнему остававшуюся по своей сути исторической, а не пространственной.

Возникновение монархии с обязательной для нее идеологией создало еще большую угрозу для веры в Ягве. Но все же эта вера выстояла. Ослабев в период монархии, она возродилась во время военного поражения, плена и изгнания. Иными словами, эта вера окрепла и возродилась именно благодаря скитаниям вдали от дома.

Иисус продолжил эту традицию, сопротивлявшуюся почитанию священных мест и святого отечества. Поэтому он отверг идеи zelотов (прежде всего Иуды Искарота), пытавшихся убедить его спасти родину от язычников-римлян. В рассказе о Преображении говорится, что он не разрешил ученикам построить ему вечное жилище. Он несколько раз обещал разрушить иерусалимский Храм, существование которого всегда позволяло вернуться к пространственному пониманию Бога. В том, что Иисус отождествлял новый Храм со своим воскрешенным телом, следует видеть стремление довести до логического конца идею отказа от пространственных представлений. Веру ранней Церкви в Вознесение можно понять как ее нежелание связывать своего Господа с каким-либо определенным, пространственно ограниченным местом. Простейший смысл Вознесения состоит в том, что Иисус подвижен. Он не баал, он – Господин всей истории.

Мотивы подвижности и бездомности, скитаний и паломничества сформировали самопонимание первых христиан. Они знали, что здесь у них нет «постоянного града» (Евр 13:14). Действительно, вначале их называли не «христианами», а «теми, кто следует по пути» (Деян 9:2). Они были странниками по самой своей сути. Подобное понимание христианской жизни как странствования многократно возникает в истории христианства – от св. Хуана де ла Крус и «Божественной комедии» Данте до Беньянова «Путешествия пилигрима» и Кьеркегора. К сожалению, это странствие часто подразумевает индивидуальный акт, в то время как первоначальное представление предполагало совместное движение всего народа. Но все же главный образ сохранился.

После обращения Константина новое социальное положение Церкви привело к тому, что мотив странствия утратил былое значение. Вскоре Церковь нашла себе надежное пристанище в культуре того времени, и начался период, аналогичный времени монархии в еврейской истории. В средние века Церковь не смогла успешно противостоять искушению создать сакральную цивилизацию и превратить христианское Евангелие в культ баалов. В результате появилось понятие «христианский мир», которое знаменует роковой возврат к пространственным религиозным представлениям. Христианская вера стала «религией Западной Европы», при этом мало что осталось от ее прежнего универсализма. Правда, св. Франциск пытался обратить султана, но это было воспринято как безумие.

Вопреки распространенному в протестантизме мнению, универсальный исторический (а не пространственный) дух христианской веры не был заново открыт в эпоху Реформации. Лютер и Кальвин были в основном озабочены религиозными перестановками внутри самого христианского мира. Только с возникновением миссионерского движения XIX в. и экуменизма XX в. ложная идея о христианском мире начинает исчезать. Гибель христианской цивилизации была также ускорена стремительной секуляризацией в так называемых христианских странах и появлением в Третьем мире и в Восточной Европе новых церквей, которые сознательно противопоставляют себя «западному христианству».

Подвижность не так страшна, как ее изображают религиозные романтики. Но в ней кроются определенные опасности. Бесконечное движение с места на место иногда свидетельствует о том же нежелании принять ответственное решение, которое мы видим у мужчин, часто меняющих женщин. Но в целом подвижный человек меньше, чем неподвижный, подвержен искушению превратить Ягве в баала. Такой человек менее склонен делать своим идолом город или народ. Он, вероятно, не захочет рассматривать существующую экономическую и политическую систему как единственно возможное устройство мира, которое было всегда и должно таким остаться. Он обычно более открыт для изменения, движения, обновления. У христиан нет причин сожалеть о том, что подвижность в современном метрополисе возрастает. Библия не призывает человека отвергнуть подвижность, Бог Библии призывает нас: «Пойди... в землю, которую Я укажу тебе» (Быт 12:1). Вероятно даже, что подвижный человек сможет с большей готовностью воспринять Весть о Человеке, который родился во время странствия, провел первые годы своей жизни в ссылке, был изгнан из родного города и сказал, что ему негде преклонить голову. Высокая подвижность – не гарантия спасения, но и не препятствие для веры.

КРАВЧЕНКО А. И.

***ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ
СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА ГЛАВА 3***

Москва: ИНФРА-М, 2004

Социология города (Urban Sociology) представляет собой отрасль социологии, где ученые, опираясь на теоретические разработки и эмпирические исследования, изучают социальную структуру и стратификацию городского населения, формы и пути его миграции, проблемы занятости и безработицы в городе, бедности и неравенства, образ и стиль жизни горожан, типы городов и формирование территориальных общностей, «революция пригородов», городские субкультуры, роль общественного транспорта в социальной жизни города, проблема мигрантов из сельской местности, городские бунты и их причины, отклоняющееся поведение в городе, поведение людей в доме и

микрорайоне, соседство и домашнее хозяйство, урбанизацию как глобальный исторический процесс и урбанизм как совокупность ценностных ориентаций и менталитет горожан, влияние городской среды на поведение и взаимоотношения людей, патологические процессы, вызываемые урбанизацией (отчуждение, переуплотненность, аномию и анонимность, бездомность, геттоизацию), городскую экологию, роль мегаполисов и метрополий в современном обществе, планирование городской среды и работу городских служб, качество жизни горожан и др.

Эмпирические исследования в Европе XIX века

Социологический интерес к изучению европейских городов в первой половине XIX века был стимулирован быстрым ростом их числа, неоднородностью городского населения в период индустриализации, поляризацию (расслоение на очень бедных и очень богатых) и пауперизацию (материальное и духовное падение людей) населения, увеличение преступности и всплеск классовой борьбы. Общественное мнение все более тревожил <бедняк> как постоянная потенциальная угроза устоям общества. В наиболее развитых странах Европы – в Англии и Франции – возник социальный заказ на эмпирическое изучение условий жизни, благосостояния и особенностей поведения различных категорий городского населения, в основном трудящихся и неимущих.

Одним из первых за новую область взялся английский статистик Джеймс Кей-Шаттлуорт, стоявший у истоков санитарной гигиены (моральной статистики) городов. Он создал централизованную сеть советов по районам города и через штатных инспекторов снабженных опросником, получал нужные данные. Вопросы касались состояния жилищ, количества проживающих, обстановки, состояния одежды, рода занятий, состояния здоровья и пр. Его фундаментальное исследование <Моральные и физические условия жизни текстильных рабочих Манчестера> (1832) содержит информацию, которая и сегодня не потеряла своей актуальности.

В 19 в. в Европе сформировалось самостоятельное направление, получившее название социогграфии (школа Ле Пле) – монографическое описание территориальных и профессиональных общностей с опорой на статистику и наблюдение, результаты которых обычно используются для анализа динамического (исторического) состояния объекта в различное время. К социогграфии нередко относят, например, исследования, проведенные Б. и С. Вебб, а также Ф. Энгельсом (<Положение рабочего класса в Англии>). Заметный след оставили так называемые монографические исследования рабочих семей Фредерика Ле Пле (1806-1882). В его шеститомном труде <Европейские рабочие> (1877-1879) дана исчерпывающая типология рабочих семей по образу жизни, профессиям и бюджету, информация о технико-экономическом развитии отраслей, профессиональном продвижении молодые рабочих, условиях жизни. Его техника поиска индикаторов для измерения и диагностики социальных отношений получила свое дальнейшее развитие в современной социологии. В ряду классиков социологии города в американских

учебниках неизменно называют работу Ф.Энгельса <Положение рабочего класса в Англии> (1845).

Во Франции к числу родоначальников эмпирической ветви социологии города можно отнести Луи Вилларме (1782-1863). Объехав множество городов и промышленных центров, он написал ряд работ, содержащих большое количество разнообразных фактов и наблюдений из жизни простых людей. Эти данные затем легли в основу его работ, посвященных пауперизации и положению рабочих классов в городе.

Немалую роль в изучении социальных проблем города сыграли работы французского врача Александра Паран-Дюшатле (1790-1836). Европейскую известность ему принес двухтомник «Проституция в Париже» (1834), для подготовки которого он использовал данные статистики, документы полиции, интервью и личные наблюдения. Его интересовали не только демографические характеристики проституток, их число в городе и его изменения во времени, но и черты, раскрывающие быт и психологию этого замкнутого мирка – социальное происхождение и место рождения проституток, их социальные характеристики, отношение к семье, браку, религии, а также причины, которые привели их к проституции.

Значительный вклад в развитие социологии города внес Чарлз Бут (1840-1916). Вышедшее в 1889-1903 гг. 17-томное произведение <Жизнь и труд людей в Лондоне> [289] отличалось тщательной проработкой методики и техники сбора и анализа данных. Ч. Бут известен тем, что он стоял у истоков течения, изучавшего экологию города, и социального картирования городских районов. Статистическое описание охватывало сравнительный анализ условий жизни различных слоев населения, связи бедности с занятостью, условиями труда и регулярностью доходов. Три года Бут жил в кварталах лондонской бедноты и провел тысячи интервью с работодателями, профсоюзными лидерами, рабочими. Исследование охватило весь Лондон и потребовало неимоверных усилий. Например, отчет Бута о состоянии религиозности в Лондоне основан на 1800 интервью. Город был поделен на 50 районов, которые были упорядочены по пяти разным критериям: проценту бедности, проценту скученности населения, уровню рождаемости, уровню смертности, проценту ранних браков. Была сделана попытка сопоставить эти критерии. Деление населения на <высший>, <средний> и <низший> классы также было соотнесено с 50 районами города. Для сравнения районов был разработан сводный индекс, полученный при подсчете среднего ранга по четырем указанным критериям.

Ч. Бут создал новую классификацию населения на три класса (низший, средний и высший), сравнил условия жизни и труда работников различных отраслей промышленности. Исследование показало, что на некоторых улицах центральной части Восточного Лондона живет до 58% лиц, отнесенных в первые четыре группы <бедных>, а среднее число бедных во всем городе – 30,7%. Среди методических находок Бута представляет интерес идея создания цветных социальных карт различных районов Лондона для того, чтобы

наглядно видеть распределение всех групп населения в городе. Сегодня социальное картирование городом стало обязательным атрибутом урбанистики. Бут, по существу, был одним из предшественников <экологии города>, ставшей позднее основной темой чикагской социологической школы в США.

Европейские теоретики

В 1905 появилась работа Макса Вебер <Город>, которая служит фрагментом более крупного труда, посвященного анализу экономических систем. Он одним из первых показал, что необходимым последствием городского образа жизни выступает снижение вероятности личностных контактов одновременно с ростом частоты контактов вообще. Этот исторический процесс связан с ростом населения городов в капиталистическую эпоху.

Важнейшим экономическим признаком города у него выступает регулярный обмен между местным и пришлым населением, получение прибыли и удовлетворение потребностей жителей, т.е., наличие товарно-денежных отношений и рынка (выделено – Л.Р.). По отношению к нему другие признаки выполняют второстепенную роль: крепостные стены, размещение в городе княжеской власти, собственного суда, объединений бюргеров и ремесленных гильдий.

Сравнивая между собой восточный и западный город, М. Вебер утверждает, что первый тяготеет скорее к организации поземельной общины, а второй – профессиональной корпорации. По той причине на востоке не могло зародиться гражданского общества. Его родиной служили античные города-полисы и средневековые города-коммуны (выделено – Л.Р.).

Город в хозяйственном смысле он предлагает отличать от города в административно-политическом смысле. В первом правят бал рынок и деньги, во втором – крепость, гарнизон и наемная армия (выделено – Л.Р.) (она приходит на смену добровольной народной дружине). Предшественниками городских крепостей были сеньориальные бурги (herrschaftliche Burgen), которые почти везде, где имело место городское развитие, были тесно связаны с ним (в древнем Китае, Индии, в Египте и Месопотамии, в гомеровской Греции, у этрусков, кельтов и германцев). Город как особое политическое образование (politisches Sondergebilde) примыкал обычно к такому бургу, принадлежавшему королю. Бург, ойкос, полис, рынок, крепость – пожалуй, основные исторические категории, при помощи которых разворачивается социологический анализ города М.Вебера.

В экономическом отношении Вебер делит город на две основные группы: город потребителей (Konsumentenstadt) и город производителей (Produzentenstadt). Материальное процветание города во многом зависит от того, какие социальные слои являются крупными потребителями. В разных культурах и в разные исторические эпохи градообразующими группами-спонсорами выступали различные социальные группы, в частности, сеньоры со свитой из вассалов (средневековая Европа), чиновники (Китай), крупные землевладельцы-рантье, прожигающие в городах доходы со своих владений

(Россия до 1861 г.), наконец, городские рантье, т.е. представители городской аристократии (раннекапиталистическая Европа).

Производительной основой города, также в разное время и в разных местах, выступали сельчане, привозившие свою продукцию в город, античные и средневековые ремесленники, изготавливавшие прямо в городе свои изделия и здесь их продававшие, наемные рабочие и служащие. Античные эргастерии, ремесленные цехи, мануфактуры, заводы и фабрики – все они представляют исторические типы *Produzentenstadt*.

Поскольку города часто возникали на пересечении морских или караванных путей, то торговая прослойка наряду с другими группами населения внесла значительный вклад в эволюцию города и явилась исключительно активным ферментом городской культуры. Для социолога, считает М.Вебер, не менее важно выяснить то, отчего зависит покупательная способность городского населения: определяется ли она присутствием вотчинников и рантье, тратящих в городе деньги, заработанные на селе, создающих рынок занятости для ремесленников и сервисных служб, или же она объясняется наличием развитого ремесла, реализующего свою продукцию и на местном рынке и в окрестностях. В конечном итоге, минимум существования для занятого населения города зависит от тех средств, которые переппадают ему от представителей знати в виде платы за товары или в виде заработка (в случае работы ремесленников на заказ). В такой ситуации ремесленник ближе к типу наемного рабочего, чем к типу предпринимателя. Специализация и профессиональное разделение труда в городе поднимается на более высокий, чем прежде, уровень: ремесленники одних цехов становятся покупателями товаров, произведенных другими. Капитализм поднимает *Produzentenstadt* города на максимальную высоту, поскольку мануфактура, фабрика и массовое производство превращают город в мощный промышленный узел.

Макс Вебер указал несколько принципиальных функций, которые отличали город от других населенных мест, – защита, управление, обмен (торговля), ремесленное производство, промышленность (в противовес сельскохозяйственному производству) и разделение труда, приводящее к повышению эффективности общественного производства (выделено – Л.Р.).

Особенностью древневосточных городов (Древний Египет, Ближний Восток, Индия и Китай) М. Вебер считал необходимость проведения крупных общественных работ (ирригация, регулировании стока рек), которая определила возникновение особого слоя царской бюрократии. Вначале чиновники лишь руководили строительными работами, выступали своего рода прорабами <стройки века>. Но позже временная функция превратилась в постоянную, социальная практика переросла в социальный институт, а социальный слой стал мощным социальным классом. Поскольку чиновники не только определяли рабочий график стройки, но ведали распределением рабочей силы, а также снабжением больших масс людей и финансовым обеспечением работ, им были поручены и налоговые функции.

Так постепенно сложился превосходный государственный аппарат управления, взявший в свои руки военно-хозяйственное снабжение армии. Государственная (т.е. снабжаемая и снаряжаемая за счет государства) армия сделалась основой бюрократической машины. Из статуса добровольной народной дружины, собираемой по случаю боевых действий и обороны страны, египетская (впрочем, не только египетская) армия стала профессиональной, костяк которой составляли наемные солдаты, причем не обязательно выходцы из местных племен, но и иностранные наемники. Чиновники, на ранней стадии представлявшие чисто гражданское ведомство, через несколько столетий превратились в силовой блок, который не только распоряжался сырьевыми и человеческими ресурсами страны, но и диктовал свою волю – явно или неявно – правителю. Силовое ведомство опиралось на хорошо обученную вооруженную массу, а народ оказался совершенно безоружным. Ему оставалось лишь подчиняться.

Перед лицом мощной и планомерно организованной силы не могло возникнуть (в качестве противовеса власти государя) никакой самостоятельной гражданской общины. Такова эволюция восточного города. На Западе, в противоположность тому, в городах действовал принцип самоснабжения, самоснаряжения, что обеспечивало военную самостоятельность каждого ополченца.

П. Уитли, рассматривая эволюцию форм городской культуры, обнаружил такие примеры, которые не подпадали под классификацию М. Вебера, расширив типологию городов, он выделил следующие исходные формы: **ритуальный город, т.е. предназначенный для консервации социальных традиций; административный город – место нахождения центральной государственной власти и характерного для столиц империй; торговый город** (выделено – Л.Р.), т.е. такой, в котором формировался класс богатых купцов, оказывавших влияние на городские власти в стремлении заставить их своей политикой создать благоприятные условия для производства богатства и капитала; по мере перерастания торгового капитала в промышленный возникали промышленные центры, т.е. города превращались в центры капиталистического производства.

Немецкий социолог, Фердинанд Теннис для характеристики сельской поселенческой общности людей предложил концепцию гемайншафта – общины. **Городская поселенческая общность – это не община, а скорее ассоциация людей – гезельшафт** (выделено – Л.Р.). Здесь в отличие от сельских поселений гораздо ниже степень социального контроля за поведением людей и выше – уровень разводов и подростковой преступности. В городах больше людей, страдающих психическими расстройствами, выше степень отчужденности друг от друга, ниже средняя продолжительность жизни. Согласно теории аномии, Эмиля Дюркгейма и Луиса Арта, города по своей природе враждебны человеческим отношениям. Город заставляет человека отдаляться от других, обезличенное общение постепенно входит в привычку. Первые исследования, приведшие к таким результатам, были проведены в

Чикаго еще в 1930 г. Корреляционные связи показали, что уровень психических расстройств выше в тех районах, где не сбалансирован половой состав населения, в семьях, где не было радио.

Немалый вклад в развитие социологической теории города внесли идеи Георга Зиммеля, изложенные им в работах <Метрополии и психическое здоровье> (1903)[294], где он исследовал воздействие рационализации и монетаризации городской жизни на увеличение нервных стрессов, взаимосвязь денежной экономики и калькуляции с изменением ценностных ориентаций и стереотипов поведения людей, возникновением анонимной свободы, отчуждения и разрушения социальных связей.

Чикагская школа

Значительной вехой в формировании социологии города стала деятельность знаменитой Чикагской школы (Э. Берджес, Р. Парк, Л. Вирт) в 1920-30-е годы. Идейный вдохновитель и лидер Чикагской школы, президент Американской социологической ассоциации (1925), Роберт Парк (1864-1944) исследовал социальную мобильность и сформулировать понятие маргинальной личности. Созданная им социальная экология послужила теоретическим основанием исследовательской программы по изучению локальных сообществ в Чикаго; ее прикладной вариант для социологии города был разработан Э. Берджесом и сохраняет свое значение до сих пор. Социально-экологическая теория Парка изложена в его работах <Социальная экология>, <Человеческая природа и коллективное поведение>, <Социология и современное общество> и др., а также в учебнике <Введение в науку социологии> (совместно с Э. Берджесом). Большой популярностью пользовалась его работа «Город» (1925), где автором были проанализировано влияние социального окружения на человеческую жизнь, рассмотрены биологические и экономические факторы городской жизни.

Американский ученый, профессор Чикагского университета и сотрудник Роберта Парка и президент Американской социологической ассоциации (1947) **Луис Вирт (1897-1952) первым ввел в научный оборот урбанизм как социологическую категорию. В своей урбанистической концепции Вирт доказывает, что городской образ жизни характерен ослаблением первичных связей, становящихся фрагментарными и поверхностными. В нем усиливается анонимность общения, уменьшается социальная роль семьи и соседской общины, преобладают вторичные, формально-ролевые, отношения, уменьшается роль традиций и ослабляется социальная солидарность** (выделено – Л.Р.).

В своей книге <Урбанизм как образ жизни> он характеризовал урбанизацию, исходя из размеров территории, плотности и гетерогенности городского населения. Основное значение он придавал двум факторам, а именно а) воздействию города на психологическое состояние жителей и б) влиянию города на социальную структуру населения. Согласно Вирту, экономические процессы способствуют фрагментации городской жизни на

обособленные сферы, соответствующие различным видам деятельности. Этот процесс, названный дифференциацией, ослабляет социальные связи, в результате чего индивид чувствует себя все более одиноким в равнодушном мире.

В конце 30-х годов, проводя исследования в рамках гуманистической экологии – общей для всей Чикагской школы теоретико-методологической платформы, – *Л.Вирт разрабатывает понятие городского образа жизни. Для этого он связал воедино характеристики пространственной и социальной организации крупного города (большая численность, высокая концентрация, социальная неоднородность населения) с характеристиками особого городского типа личности, который формируется в замкнутых городских пространствах* (выделено – Л.Р.). Городской образ жизни он противопоставлял традиционному укладу жизни сельской общины, что делал еще Ф.Теннис, прорабатывая знаменитую концепцию *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Как и он, Л.Вирт считал, что общение горожан носит поверхностный, формальный, анонимный характер. Личные связи (семейные, соседские, дружеские) в городской среде распадаются, социальная сплоченность и социальный контроль ослабевают. Отсюда неустранимое следствие – рост социальной дезорганизации, с одной стороны, и сегментация личности – с другой.

С тех пор концепция городского образа жизни, выдвинутая Виртом, продолжает оставаться одной из наиболее авторитетных в западной социологии, хотя эмпирические исследования, проведенные в более позднее время, и не подтвердили его утверждение о распаде личных связей в крупном городе.

Врезка

Мукерджи Ч., Шадсон М. Чикагские <городовые>

В начале XX столетия, когда американская социология развивалась на основе собственных духовных корней, связанных с протестантским движением социального реформизма, и была весьма озабочена <социальными проблемами>, поп-культура вся без изъятий включалась в область социологических исследований. Первые американские социологи и близкие к ним писатели не стеснялись открыто выражать свой интерес к ней. Бывший журналист и ученик Георга Зиммеля Роберт Парк изучал газеты; Джон Деви, оказавший влияние на социологию, социальную психологию и образование, также писал о прессе. Торстейн Веблен, экономист и социальный критик, создавший трактат о <праздном классе>, интересовался всем, что касается жизни состоятельных людей – начиная с увлечения спортом и кончая ливреями их слуг.

Когда был введен учебный курс социологии в Чикагском университете, студентам рекомендовалось изучать повседневную жизнь обычных и <не совсем обычных> людей. В работе Уильяма Томаса и Флориана Знанецки <Польские крестьяне в Европе и Америке>, ставшей визитной карточкой Чикагской школы, использовались источники, раскрывавшие социальную

жизнь во всем ее многообразии: автобиографии, дневники, письма польских иммигрантов. Авторы изучали семью, школу, иммигрантскую прессу, проституцию, дансинги, ностальгические воспоминания иммигрантов об оставленной родине. Принадлежавшие к другой традиции – к христианскому социальному реформизму, Роберт и Хелен Линд опубликовали в 1929 г. <Миддлтаун>, тем самым положив начало традиции американской социологии, помещающей в центр своего внимания жизнь городских <коммьюнити>. Супруги Линд подходили к <среднему> американскому городу как антропологи, изучающие жизнь экзотического племени.

Источник: Мукерджи Ч., Шадсон М. Новый взгляд на поп-культуру // http://sociologist.nm.ru/articles/mukerji_schudson_01.htm

Другой представитель Чикагской школы и соратник Р. Парка Эрнст Берджес (1886-1966) разрабатывал прикладной вариант социальной экологии. Главными областями его научных интересов были проблемы урбанизации, социальных патологий в городской среде, социализации личности, семьи и общины. Он много занимался разработкой исследовательской процедуры – широко известна, в частности, его методика «концентрических зон», с помощью которой он выявил социальную неоднородность пространства большого города.

Вместе с Парком они составляли блестящий исследовательский коллектив, усилиями которого сформировалось новое направление в социологии, Чикагская школа получила всемирное признание, были решены многочисленные практические задачи и воспитано целое поколение талантливых учеников. В 1923-24 гг. Э. Берджес с коллегами закончили грандиозный проект <Карта Чикаго, составленная на основе социальных исследований>. В ней обобщалась исчерпывающая на тот момент информация о физических характеристиках, политических границах, зонировании, резидентном и коммерческом развитии, а также вакантных зонах американского мегаполиса.

Достижением чикагских социологов можно считать умение находить тесные связи с городским правлением. Социологи убедили власти Чикаго в том, что компетентное решение острейших городских проблем возможно только на основе глубокой профессиональной социологической проработки этих проблем, выдвижением альтернатив и анализом долгосрочных и среднесрочных последствий перспектив.

В середине XX века Соединенные Штаты добились исключительного материального благополучия, опередив все прочие страны по темпам экономического роста и социальному развитию городов. Массовое производство привело к формированию нового феномена – массового потребления, а, стало быть, и развитию среднего класса. Ушли в прошлое преступность, бедность и проституция в крупных городах. Вскоре, а именно в 1960-70-х годах, на горизонте встанет новая проблема – расовое неравенство в больших городах и знаменитый Чикаго потрясут кровавые бойни.

В последние 20 лет, по утверждению Джеффри Моренофа и Роберта Сампсона, социальный ландшафт американских городов, в том числе Чикаго, претерпел серьезные изменения. Первая проблема – рост поляризации или, как называют ее зарубежные социологи, сегрегации городских соседств (segregate neighborhoods). В городах увеличивается концентрация бедности. Они испытывают мощный стресс депопуляции.

Средний американский город

Продолжением исследований Чикагской школы надо, видимо, считать двух американских социологов, обладавших умением гармонично сочетать достоинства качественного и количественного анализа, склонностью к прекрасной популяризации научных идей. В 1930-е годы книга Роберта Линда (1892-1970) и его жена Хелен Мэррелл Линд (1894-1982) <Средний город: очерк современной американской культуры (Middletown: A Study in Contemporary American Culture, 1929) стала первой научной работой, которая получила не менее широкую аудиторию, чем детективные триллеры и художественные бестселлеры. Ни одна другая работа, опубликованная между двумя мировыми войнами, по оценке Ирвинга Горовица, не очерчивала так точно и так опустошительно, какую стала нация. Книга «Средний город» высветила сущность американского образа жизни. Не менее удачной стала и вторая совместная книга <Средний город в перспективе> (Middletown in Transition, 1937). Первоначально проект, финансируемый Фондом Рокфеллера, был посвящен исключительно изучению религиозной жизни в среднем американском городе, но позже круг его задач расширился.

История такова. В 1919 г. США пережила настоящий бум рабочих забастовок: их произошло более 2 тыс. И участвовало в движении более 4 млн. рабочих. Общественность недоумевала: каковы причины? Миллиардер Джон Рокфеллер, сын основателя нефтяного гиганта Standard Oil, вполне в духе своего времени был уверен, что виной всему падение религиозных нравов. Для более глубокого изучения вопроса он основал научный фонд. Первым делом он выбрал молодого человека, даже не специалиста в области социальных наук, а активиста социалистического движения, сочувствующего рабочим. Им был Роберт Линд. Пока он набирался необходимых для научного исследования знаний, ему пришлось пожить в тяжелых жилищных и рабочих условиях на одном из нефтепредприятий Рокфеллера. Быть ближе к рабочим – это установка другого выдающегося американца, Фредерика Тейлора, который за 30 лет до Р. Линда прошел путь от рабочего до директора и основателя научного менеджмента, при помощи которого он перевернул все производство США.

Книга <Средний город> состоит из шести разделов. Первый посвящен экономическим аспектам, второй и третий анализируют семейную жизнь и связанные с ней проблемы жилья, воспитания детей, пищи, одежды и школьного образования; четвертый раздел – проведению свободного времени, включая анализ влияния средств массовой информации, пятый – практике религиозной жизни и связи религии с местной общиной. Заключительный,

шестой раздел, посвященный концепции общины, показывает взаимоотношения общины с механизмами управления.

Для написания книги потребовалось несколько лет. Полтора года супруги Линд жили в Среднем городе, еще полгода там жили их ассистенты. Применение метода включенного наблюдения позволило американским супругам собрать уникальный материал, который невозможно получить никакими иными приемами. Книга обильно снабжена таблицами с личными статистическими и социологическими данными. Пытаясь стать неразрывной частью городского сообщества, супруги Линд очень много общались с местными жителями, гуляя по улицам, останавливаясь у их домов. Несмотря на очень вольную манеру беседы, научная программа исследования и вопросник были четко структурированы, а его содержание оказалось настолько удачным, что почти в неизменном виде воспроизводилось во всех четырех исследованиях (1924, 1935, 1977, 1999).

Роберт и Хелен Линд широко использовали данные национальных переписей США, местную официальную статистику, а также несколько сот интервью, записи которых до сих пор хранятся в городском архиве.

Среди наиболее интересных находок знаменитых супругов стоит отметить классовую диспозицию среднего города. Еще в исследовании 1924 г. было обнаружено, что городское сообщество подразделяется на два противоположных класса: бизнес-класс, работающий с идеями и людьми (30% населения города), и рабочий класс, имеющий дело с производством вещей (70%). Оба класса жили как будто два враждебных племени: разный стиль жизни, разные интересы и надежды, разные вкусы. Однако модернизация разрушила классовые барьеры. Массовое производство позволило социальным низам владеть тем, что прежде было доступно только верхам. Таков итог промышленной революции и формирования в США общества социального процветания. Вернувшись в Манси в 1934 г. после опустошительной депрессии 1930-х социологи вновь не заметили никакого негатива: люди материально почти не пострадали, они были полны оптимизма и являлись неустрашимыми патриотами. Это тем более удивительно, что депрессия затронула все города, к примеру в Детройте уровень безработицы поднимался до 50%.

Реальным городом, послужившим исследовательским полигоном, явился г. Манси (Muncie) в штате Индиана США. Сегодня здесь проживает 67 тыс. человек, а в 1923 г. это был скромный городок с 38 тыс. расположенном в 40 милях от Индианаполиса.

Когда-то на его месте обитало легендарное племя делаваров. В 1886 г. на земле индейцев открыли залежи природного газа, и сюда со всей Америки хлынули промышленники. Манси превратился в центр стекольной и сталелитейной промышленности штата Индиана. В 1910 г. здесь появляются станкоинструментальные и автомобильные предприятия. Однако известность городу принесли не они, а социологи Роберты Хелен Линд, прославившие Манси на весь мир. Отныне Манси так и называют – the typical American city.

Подобно нашему Таганрогу он сослужил пользу ни одному поколению американских социологов.

В 1924 г. его обстоятельно изучали супруги Линд, сравнивая изменения в жизни типичных американцев, произошедшие с момента индустриальной революции (1890-е годы) до 1924 г. (патриотизм, уровень коммунальных услуг, мебелировка квартиры и др.). В 1935 г. супруги вернулись в Манси для повторного исследования с целью выяснить, что произошло за истекшее десятилетие, пока в стране свирепствовала Великая депрессия 1929-1932 гг. Оба исследования получили соответствующие номера: Middletown I и Middletown II. В 1977 г. повторное исследование провели сотрудники университета Вирджиния Теодор Кэплоу, Говард Бар и Брюс Чадвик и назвали его Middletown III. Наконец, в 1999 г. они же вернулись в Манси для повторения легендарного проекта супругов Линд. Новый проект, показанный по американскому телевидению в 2000 г., назывался Middletown IV. В 1970-е годы команда Т.Кэплоу прожила в городе четыре года, изучая изменение в традициях, обычаях, образе жизни и ценностных ориентациях нового поколения жителей Манси.

Обнаружилось, что классовая структура города, о которой писали супруги Линд, модифицировалась, но полностью не исчезла. Теперь господствующие высоты в ней занимали не бизнес-класс и пролетариат, как прежде, а сервисный класс, связанный с медицинским обслуживанием и университетами. Классовой поляризации не наблюдалось, ее место заняла классовая диффузия. Религия по-прежнему занимала важное место в жизни местного населения. Но это был уже не тотальный институт, как прежде, а скорее избирательная практика части населения. Количество разводов увеличилось, что свидетельствовало об ослаблении института семьи.

Архивные материалы (рукописные материалы, статьи и отзывы прессы, анкеты, бланки интервью, табуляграммы, компьютерные файлы, фотографии, диссертации и студенческие работы, библиографию) знаменитых исследований хранятся в местном университете – Ball State University.

Если сравнивать методологию исследований в Таганроге и Манси, то можно заключить следующее. В обоих исследованиях много общего, в частности, сочетание статистики и официальных данных, полученных федеральными и местными органами власти, с данными анкетных опросов и наблюдений. Обе команды ученых, российская и американская, сменившие ни одно поколение, пришли к интереснейшим выводам. К примеру, Х. Линд установила, что: а) 70% мансийцев посещали кинотеатр один раз в неделю, 50% жителей делали это два и более раз; б) 80% школьников и 70% школьниц ходили в кино скорее без родителей, чем вместе с ними. И все это в начале 1920-х годов, когда в России большинство граждан не знали, что такое кинематограф. Хелен Линд делает отсюда вывод не столько о том, что массовое производство и массовое потребление успело захлестнуть Америку (об этом можно догадаться по другим данным), сколько и главным образом о том, что происходит размывание структуры образа жизни средних американцев. На

смену коллективному досугу (семейное чтение, загородные прогулки, совместный труд) приходит индивидуализированный досуг. А это, как нетрудно догадаться, мог заключить только социолог (хотя книги супругов Линд числят по своему ведомству также и антропологи).

Применение статистики в сравнительно-историческом анализе позволило Р. и Х. Линд установить те тенденции, которые были характерны для всей американской нации, хотя и выявлены на примере одного города, а именно:

В 1924 г. только 1% городских домов имел центральное отопление, а в 1935 г. эта цифра выросла до 40%;

В тех же пропорциях за десятилетие возросло число радиофицированных домохозяйств;

Количество домашних телефонов увеличилось с 5% в 1900 г. до 41% в 1935 г.;

В 1924 г. в повседневном быту американцев появились такие вещи, о которых они не слышали в 1890 г., а именно: печка, горячая и холодная вода в кране, тостеры, стиральные машины, телефоны, холодильники, сигареты, свежие фрукты круглый год и многообразие видов одежды.

Теория концентрических зон

Сейчас уже трудно сказать, кому именно – Р. Парку, Э. Берджесу, а, может быть, Р. Маккензи, – принадлежат те или иные идеи, в своей совокупности составившие ставшую уже классической теорию концентрических зон (concentric zone theory). Во всяком случае, книга, где впервые была она изложена, получилась коллективной. Философские предпосылки не только этой концепции, но и гуманистической экологии (таково буквальное наименование нового направления human ecology, которое на русский язык чаще всего переводят как социальная или городская экология) в целом коренятся в дарвиновской теории выживания.

Люди, подобно социальным насекомым, возводят для себя экологически безопасные и комфортные жилища – каждый народ и каждая социальная группа на свой манер. Муравейники и пчелиные соты – удивительное творение природы, максимально точно соответствующее всем требованиям экологии. Они теплы, влагонепроницаемы, защищены от нападения врагов, их внутреннее устройство удивительно рационально.

И человеческие города должны отвечать одновременно требованиям экологии, поскольку Homo sapiens наполовину биологическое и энергетическое существо, нуждающееся в защите от холода, вибрации, шума и вредных испарений, и требованиям рационального конструктивизма, так как города – это еще и удобные магистрали, пересечения кварталов, парков, магазинов, библиотек и т.п. Теперь понятно, что термин <гуманистическая экология> как нельзя лучше отражал новую идеологию градостроительства (выделено – Л.Р.).

Однако гуманистическим городское бытие можно назвать разве что как метафору. В отличие от муравьев, которые внутри своего жилища никак не враждуют, доставляя в муравейник пищу, люди борются и конкурируют за

каждый клочок земли, за ресурсы, власть, транспорт, доходы. Дарвиновская борьба за существование превращает город в поле жестокой битвы между богатыми и бедными, буржуазией и рабочими, домовладельцами и арендаторами, коренным населением и мигрантами, белыми и неграми. Одни вытесняют других в дешевые и малопrestiжные городские районы, возводя себе особняки в центре города, огораживаясь дорогими магазинами и шикарными офисами.

Между пенсионерами, коренными жителями крупного города, например Санкт-Петербурга и Москвы, и новоявленными бизнесменами, часто приехавшими сюда недавно и уже сколотившими немалые состояния, происходит самая настоящая борьба за землю – самый дефицитный городской ресурс. Городские власти, заинтересованные в пополнении городской казны, взвинчивают арендную плату в центральных районах города. Пенсионеры уже не в состоянии платить за жилье, зато бизнесмены с удовольствием разбирают престижные участки под свои офисы.

Однако и в пригороде малоимущим слоям бороться за землю приходится все труднее. Сельских жителей теснят богатые особняки, владельцы которых силой или за деньги отбирают принадлежавшие им или колхозам участки, превращая их в комфортное (если оно расположено в лесной зоне с чистым воздухом) жилье либо в место застройки промышленных комплексов.

По Берджесу, в социальной организации городской среды решающее значение имеет экологический порядок, а в социальной дезинтеграции – девиантное поведение. Каждый район города – это экологическая и социальная ниша, как и в природе, ее занимают социально однородные элементы. Но в целом городское пространство, включающее кварталы богачей и бедняков, районы рабочих и торговцев, проституток и преступников, представляет весьма разношерстную картину. Крупный город имеет социально неоднородную структуру.

Пространственная дифференциация города делит его на различные по стоимости жилья и условиям проживания зоны, представляющих собой концентрические кольца, которые, подобно кругам на воде, расходятся от исторического центра на периферию. На примере Чикаго Парк и Берджес выявили следующие концентрические зоны:

1. Центральный деловой район. В этой зоне расположены основные коммерческие предприятия, магазины и увеселительные заведения. Те, кто здесь служит, и потребители проживают в других районах.
2. Смешанная зона. В ней имеются жилые дома и коммерческие предприятия. Именно здесь обычно формируются этнические общности: «маленькая Италия», «китайский квартал» и т.п.
3. Рабочий район. В нем находятся жилые дома рабочих. Они более добротные, чем дома в смешанной зоне. Жилые кварталы рабочих отличаются стабильностью, в них постоянно проживают многие семьи.
4. Жилая зона представителей среднего класса. Здесь сосредоточены главным образом односемейные особняки. В них живут чиновники и

люди интеллигентного труда. Эти дома отличаются высоким качеством и изысканностью. Среди них имеется небольшое число многоквартирных домов и отелей.

5. Привилегированная зона. В этом районе проживают главным образом представители высшего – среднего и высшего класса, а также высокопоставленные администраторы и творческая элита. В сущности, это скорее пригород, а не город.

В центре расходящихся концентрических кругов находится деловой район (сити), где находятся фирмы, магазины и т.п. и где никто не живет. Вокруг сити расположен район смешанной зоны (слам) – зона проживания бедноты, национальных и расовых меньшинств, которые живут в домах, напоминающих советские дома гостиничного типа и общежития (в просторечии – общаги). Здесь царствуют преступность и уличные банды. К ним примыкает рабочий район, более стабильный и застроенный добротными многоэтажными домами. Затем – ближний пригород, жилая зона среднего класса, односемейные особняки и, наконец, дальний пригород – привилегированная зона.

В соответствии с гипотезой концентрических зон модель развития города представляет собой расширяющийся ряд колец, или зон, сосредоточенных вокруг делового района или исторического ядра. Методом определения этих зон является социальное картографирование. На основании разработанной им <Карты социальных исследований города Чикаго> (1923-1924) было выделено 75 <естественных зон> и более 3 тыс. локальных сообществ, которые затем исследовались методами включенного наблюдения, интервью, анализа документов.

Р. Парк и Э. Берджес вместе со своими учениками эффективно использовали как теорию концентрических зон, так и метод картографирования к исследованию криминогенных районов Чикаго. Они буквально просканировали все городское пространство, прочесывая один район за другим, составляя на каждый подробную статистическую справку о числе совершенных преступных акций, уровне неблагонадежности и социальной опасности. После того как на карте города были расставлены все цифры, а затем районы проранжированы по степени криминогенности и окрашены каждый в свой цвет, получилась наглядная картина девиантного пространства Чикаго. Пригодилось практически все: методы личного наблюдения, пешего обхода районов, местная статистика, общая перепись населения.

Таков общий стиль работы чикагских социологов. Как пишет Л. Ньюман, на первой стадии, с 1910-х по 1930-е гг., школа использовала разнообразие методов, основанных на <кейс-стади> или историях жизни, включая непосредственные наблюдения, неформальные интервью, чтение документов, официальных отчетов. В 1916 г. Р.Е. Парк составил программу социального исследования города в Чикаго. Под влиянием собственного опыта работы в качестве репортера он утверждал, что обществоведы должны оставить библиотеки и <запачкать руки>, ведя непосредственные наблюдения и беседы

на улицах, в барах, в холлах шикарных гостиниц. Несколько первых исследований стали основой ранней Чикагской школы социологии как описательного исследования уличной жизни, сопровождаемого небольшим анализом.

Теория концентрических зон применялась многими исследователями на протяжении всего XX столетия. Недавно ее использовал Майк Дэвис для картографирования Лос Анжелеса.

ЛАГУЭРР М.

НЕФОРМАЛЬНЫЙ ГОРОД

Laguerre, M. "The informal City ". London: Macmillan. 1994/ Перевод В.В. Вагина
Значения неформальной городской практики

Интерпретация неформальной городской практики признает разнообразие и однородность таких действий. Их общность заключается в том, что они занимают, если не положение покоренных, то по меньшей мере не находятся в зависимости от формальной системы. Существует два основных местоположения неформальной городской практики: индивидуальное и групповое или институт.

Теория постмодерна снова возвращается к этому предмету. Данная тема лежит в самом сердце нашего распознавания, в том смысле, что он или она принимает решение участвовать в неформальной практике или не участвовать в ней. Городская неформальность – это выражение свободы предмета. Это означает свободу без давления со стороны формальной институциональной жизни, а также свободу как вид манифеста судьбы, где складываются сети. Тоска по человеческой свободе не может контролироваться или быть сдерживаемой правилами или условностями формального общества. Неформальная практика обеспечивает коридор для защиты себя от регулирующих структур.

Неформальная городская практика также означает, что скрытая структура, обеспечиваемая ею, представляет собой упругий, но фундаментальный аспект состава общества. Такая практика возможна через систему отношений. Под этим мы понимаем вторую характеристику, характеристику присутствия отношений в неформальной городской практике. Названный аспект находит выражение через человеческую солидарность, например, обмен или дарение. Возможно, эта характеристика более видима и известна, может быть, благодаря работам Марселя Мосса о значении подарка, а также потому, что в повседневной жизни мы можем наблюдать примеры, когда люди помогают друг другу неформальным образом.

Неформальная городская практика, наконец, означает, что скрытая ее структура – это структура пассивного и активного сопротивления. Как бы то ни было, такая структура сопротивления должна рассматриваться как антиформальная система или дополняющая формальную систему. Идея

сопротивления подразумевает признание упругости культурных традиций, которые невозможно с легкостью заместить формальной системой.

ЛЭНДРИ Ч.

КРЕАТИВНЫЙ ГОРОД

М.: Издательский дом "Классика-XXI, 2011. — 399 с.

Часть первая. Новые урбанистические реалии

Глава 1. Открытие креативного города. В чем успех некоторых городов?

Концепция «Творческого Города» родилась из размышлений о том, что некоторые города смогли приспособиться к переменам, а некоторым даже удалось сделать эти перемены источником своего развития.

Барселона, Сидней, Сиэтл. Ванкувер, Хельсинки, Глазго, Бангалор, Ахмадабад, Куритиба, Роттердам, Дублин, городская агломерация на берегах реки Эмшер в Руре, районы Цюриха, Карлсруэ, Страсбурга – эти и другие процветающие города смогли использовать экономическую и социальную трансформацию, поставив её на службу развития. Другие же позволили себе стать пассивными жертвами глобальных перемен.

Я работал во многих очень разных местах – блистательных, мрачных, безнадежных, – и мне удалось извлечь некоторые уроки. Успешные города имеют много общего: ярко мыслящие индивидуальности, обилие творческих организаций, ясные политические цели.

Их развитие следует решительному, но отнюдь не детерминистскому пути. В них распространено лидерство, пронизывающее государственный, частный и некоммерческий секторы. Это проявляется в смелых общественных инициативах, в рискованных частных инвестициях, в сетях, образующих переплетение коммерческих и общественно полезных проектов.

Ключевым стало понимание культуры, которая выражает ценности, – в особенности, организационной культуры (выделено – Л.Р.) Выявление культурной перспективы жизненно важно. Ведь необходимо развивать новые формы сотрудничества, так как одна лишь межведомственная кооперация и корпоративная работа местных властей не позволяют полностью использовать городской потенциал.

Обособленные миры городского планирования, экономической, социальной, образовательной и культурной политики ещё слишком немногочисленны. Признание ограниченности возможностей агентства Comedia1 убедило нас в том, что успешная урбанистическая политика и менеджмент требуют большего внимания к вопросам культуры и к тем подходам, которые носят творческий, целостный, упреждающий характер и опираются на человеческий ресурс.

Успех городского развития зависит от благоприятной трансформации мышления политиков. Люди, определившие успех развития городов, обладают

набором качеств, к числу которых относятся широкий кругозор и готовность к риску, сосредоточенность на долгосрочных целях и чёткое понимание стратегии, способность работать, опираясь на местную специфику, и находить сильные стороны в очевидных недостатках, желание обучать и учиться. Эти черты обеспечивают креативный характер людям, проектам, организациям и, наконец, – городам.

Но легче понять креативную, творческую сущность отдельного человека, чем целого города. Ведь город – сплав людей, институтов, организационных форм, отраслей, социальных групп и культурных ресурсов.

Поскольку понятие творчества является непростым и во многом до сих пор ассоциируется с искусством и наукой, я начну с того, как я сам пришёл к концепции творческого города. Два фактора влияли на моё понимание креативности (или творческого начала): во-первых, сила мышления и идей, которые формируют наше мировоззрение и, во-вторых, – важность культуры.

Креативное мышление

Все мы несём в себе культурный багаж. Мой багаж – это смесь различных европейских культурных установок – в основном, немецких, британских и итальянских, – которые сформировали моё мировоззрение, мою систему ценностей и мотивов. Эти установки и определяют моё понимание креативного города, причём часто толкают меня в противоположных направлениях. Диалектический немецкий подход подводит теоретическую базу, ищет синтетические решения и согласует противоречия. Англосаксонский подход более эмпиричен, он опирается на яркие и успешные примеры из реальной жизни. Итальянский подход зиждется на воображении и глубоком понимании культуры.

Главный вопрос: способны ли мы изменить образ мыслей людей и организаций, и, если да, то как?

Один из ответов апеллирует к силе мышления, важности идей в создании перемен. Если мы осознаем необходимость точной целостной регистрации урбанистических проблем, это сделает ненужными тысячи разрозненных отчетов, которые пылятся на полках архивов. Необходимо преодолеть привычку мыслить в рамках бинарных оппозиций, – барьеров на пути творческого решения проблем.

Я подчеркиваю ценность творческого климата в городе для расширения границ мышления. Например:

- Должны ли урбанистические решения рождаться на пересечении целостного восприятия проблем и категоризирующего подхода?
- В чем специфика женского подхода к городу в отличие от мужского?
- Могут ли сельские модели жизнедеятельности быть полезны для городов?
- Каков баланс между поддержанием традиций и стимулированием инноваций?
- Следует ли поощрять инстинктивные или рациональные решения?

- Как много должно быть в решениях изобретённого, или удобнее использовать уже опробованное?
- Нужно ли городу снижать темпы роста и развития или же лучше их наращивать?

Внимательное наблюдение за эволюцией проблемы и опора на анализ городского потенциала с позиций культуры, обыкновенно подсказывают подходящее решение. Использование целостного подхода даёт неожиданно богатые решения. Городская креативность расцветает, если люди одновременно проявляют широкий взгляд на вещи и концентрированы на мелочах, то есть способны связать все возможности благодаря кругозору, и совместить практическое и концептуальное мышление.

Чаще всего весь набор качеств не присущ отдельному человеку, но он может быть реализован в команде. Команды, занимающиеся решением городских проблем, нуждаются в новых принципах подбора людей.

Культура выходит на передний план

Мой путь к креативному городу лежал через интерес к культуре. Меня всегда интересовали два аспекта:

- связь между культурной эволюцией и формированием города, и
- глубокая внутренняя связь между креативностью и развитием культуры.

Значительная часть проектов агентства Comedia была посвящена возвращению независимых городских средств массовой информации. Мы проводили анализ поля возможностей и давали советы в сфере частного и общественного радио, в издательской и книготорговой деятельности, в области музыки, дизайна, ремеслах и театральной индустрии.

Мы придавали особое значение культурным индустриям, – самым быстро растущим сектором современной городской экономики. С истощением существующих ресурсов и сокращением объемов традиционного производства культуру воспринимают как палочку-выручалочку.

Пытаясь понять динамику культурных индустрий, я всё больше осознавал значимость этих ресурсов. Я сталкивался с огромной силой культурного наследия и традиций. Не потому ли в стремлении к переменам мы часто находим утешение в архитектуре, навыках, ценностях и социальных ритуалах прошлого?

Не потому ли, что в эпоху глобализации мы ищем стабильности? Культурное наследие связывает нас с историей, с коллективной памятью, укрепляет наше ощущение жизни и может подготовить к встрече с будущим. Культурное наследие – сумма творческих усилий прошлого, а результаты творчества – механизм, который позволяет обществу развиваться.

При этом все аспекты культуры нуждаются в переосмыслении каждым следующим поколением. «Креативность – это культурный эквивалент процесса генетической изменчивости»; «большая часть новых признаков не повышают шансы на выживание..., но некоторые – повышают, и именно они объясняют биологическую эволюцию» (Czikszentmihalyi, 1997, с. 7).

То же происходит и с творчеством: пусть не все пилотные проекты являются успешными, однако исторически именно креативность была источником жизненной силы для городов, которая позволяла им уцелеть, преодолевая границы традиций. Культура и креативность переплетены. Культура подчеркивает уникальность места. Ресурсы прошлого способны вселять уверенность в будущем. Культурное наследие открывается заново, будь то обновленное здание, или новое использование стародавних навыков. Сегодняшняя классика – это вчерашняя инновация. Креативность – это ещё и поиск нового применения старым вещам.

Культурные ресурсы

Культурные ресурсы – это материал для создания базовых ценностей города, сырье, которое приходит на смену углю, стали и золоту. Креативность – метод эксплуатации этих ресурсов. Важнейшая проблема – не способы выявления культурных ресурсов, а то, как ограничить воображение, ибо реальные возможности общества не беспредельны.

Культура должна определять технологию городского планирования, а не выступать как малорентабельное дополнение к таким вопросам как жилищное строительство, транспорт и землепользование. Именно восприятие перспектив города сквозь призму культуры должно задавать систему координат для планирования городской жизни и социального развития. Понимание культуры как ресурса стало для меня открытием, и впоследствии я уже думал о городах и их активах совершенно иначе.

В каждой детали городского ландшафта – своя история, которая может быть использована для обновления города. Такой взгляд породил новую форму учета городских активов. Предпринимая обзор городской экономики и социального потенциала политических традиций, мы задавались вопросом, как культурные активы могут способствовать экономическому успеху.

В самом деле, как старинные навыки плотницкого дела можно связать с современными технологиями? Или как можно использовать местные традиции обучения, чтобы представить город на рынке площадок для проведения конференций?

Мы даже рассматривали «чувственные» характеристики города: его цвет, звук, запах, образный ряд. Или же совершали экскурс в традиции и социальные ритуалы, так как заметили, что и такие вещи могут сделать город конкурентоспособным. Такой подход позволял думать о городе как о меняющемся предмете.

У города есть индивидуальность и эмоции, свои подъемы и спады. Город – скорее живой организм, чем механизм. По ходу исследования мы освоили некоторые концептуальные приёмы, которые могут показаться банальными. Один из принципов заключался в том, чтобы «превратить слабые стороны в сильные».

Поиск решений в проблемных ситуациях показывает, что любая вещь может рассматриваться как ресурс развития. Например, финский город Кеми,

расположенный на Полярном круге, страдал от сильной безработицы, так как его экономика почти целиком зависела от не очень успешной бумажной фабрики. Здесь главным активом стал снег и холод, благодаря которым удалось построить самый большой в мире снежный дворец. Эффект проекта превзошел все ожидания. Я слышал, что один сотрудник департамента по туризму в Глазго, узнав, что климат в городе суше, чем в Исландии, разрекламировал его как «Ривьеру для исландцев».

Каждый город может иметь свою уникальную нишу. Принцип «сделать что-то из ничего» стал руководством к действию для тех, кто развивает уродливые, холодные или знойные города. Каждый город может стать всемирным центром какого-то вида деятельности, если проявит достаточно упорства, как Фрейбург стал центром экологических исследований, Новый Орлеан – центром блюза, Хей-он-Уай – центром книжной торговли. Пытаясь выявить специфические ресурсы данного места, можно вспомнить об опыте итальянских городов с их «feste» и «sagre» – местными праздниками, посвященными любимым ресурсам, которыми знаменит регион, от грибов и пасты до литературы.

Стало понятно, что культурные ресурсы воплощаются в умениях и талантах людей. Они не сводятся лишь к осязаемым предметам, но проявляются и в символах, в деятельности, в ассортименте местной ремесленной и промышленной продукции, в сфере услуг. Здесь приходят на память замысловатое искусство производителей сари в Индии, мастерство резчиков по дереву на острове Бали, продукция красильщиков из Дьенна в Мали. Культурные ресурсы города могут быть обнаружены в его историческом, индустриальном или художественном наследии, в таких активах как архитектура и ландшафт, местные традиции, фестивали, ритуалы, распространенные хобби и увлечения.

Любительская деятельность может быть переосмыслена и настроена на производство новых товаров и услуг. Часто зря пренебрегают такими ресурсами как еда и кухня, определенные виды досуга, одежда и субкультуры. досуга, одежда и субкультуры.

Монпелье: история в знаках

Посещение Монпелье показывает, насколько легко может город поведать о своих приоритетах. Знак в аэропорту приветствует гостей на дюжине языков, что означает: «Монпелье – международный город». По дороге в центр знаки рассказывают о планах посадки деревьев и создании велосипедных дорожек. По сути дела, тебе сообщают: «Монпелье – экологический город». Дальше путь проходит через кварталы, где улицы носят имена Альберта Эйнштейна и Альфреда Нобеля. Вывод напрашивается: «Монпелье – город новых технологий». На центральной площади стоит диагностический автофургон, провозглашающий: «Монпелье – здоровый город». Ключевые стратегии Монпелье – стать международным, инновационным экологичным и здоровым городом.

К культурным ресурсам относятся и таланты в исполнительских и визуальных искусствах.

Воздействие культуры

Воздействие культуры многообразно. Она подсказывает творческие решения. Именно через призму культуры надо рассматривать городское развитие. Культурные очаги креативности являются очень важным сектором экономики, в котором в мировых городах, таких как Лондон, Нью-Йорк, Милан или Берлин задействовано от 3 до 5% рабочей силы. Туризм питается от культуры, хотя он сфокусирован на узко понимаемой культуре – музеях, галереях, театрах и шопинге.

Очевидно влияние культуры на поток прямых инвестиций крупных международных корпораций, которые ищут места, привлекательные для их сотрудников. Оценивая эффект культуры, можно сказать, что она способствует накоплению социального капитала и усиливает готовность общества реагировать на перемены. Культура повышает самооценку отдельного человека, улучшает жизненные навыки. Она открывает дорогу к нравственному благополучию людей, повышает их гражданскую ответственность, указывает новые направления деятельности.

Особого внимания заслуживают те свойства культуры, которые делают её источником креативности, а в первую очередь, – её способность служить отличительным знаком места. Рассматривая культуру как ресурс воображения, мы видим, как смыслы традиционной или современной культуры создают ценность места. В конечном счете, именно они рождают местное своеобразие, которое жизненно необходимо в мире, где города походят друг на друга.

Например, в Бейруте *Solidaire* осуществляет масштабный проект восстановления городского центра; его цель – отделаться от имиджа центра раздора и вернуть городу традиционное положение банковской столицы и главного перекрестка Ближнего Востока. Основой для этого должно стать космополитическое прошлое Бейрута. В Риге решили опереться на ганзейское прошлое и традиции мореходства, чтобы возродить идентичность города.

Культура завоевывает всё более значимые позиции. Угроза культурных потерь сплачивала группы горожан и заставляла их действовать.

Такие действия преследуют более широкие цели, чем только спасение отдельных зданий, по сути, они являются борьбой за права граждан.

Базирующаяся в Калькутте группа *PUBLIC* (*People United for Better Living In Cities* – люди, объединившиеся для лучшей жизни в городах) стала всеиндийским организатором кампаний за сохранение таких объектов, как железнодорожная станция, городская ратуша или ворота городского парка. При этом *PUBLIC* прежде всего видит в этих объектах ресурс развития демократии, защиты прав граждан.

Как создать нечто из ничего. Хей-он-Уай – город книг (Великобритания). До 1961 года Хей-он-Уай был ничем не примечательным городком. Он полностью зависел от ухудшавшейся конъюнктуры на рынке

сельскохозяйственной продукции. Владелец полуразрушенного замка Ричард Бут занялся букинистической книжной торговлей. Книги заполнили его замок, и он стал покупать в городе другие здания, например, пожарную часть или закрывшийся кинотеатр. Идея, что городок, полный книжных магазинов, привлечет к себе международное внимание, была необычной. Однако букинистический магазин, расположенный в бывшем кинотеатре, вскоре получил славу «крупнейшего в мире» и был продан лондонскому бизнесмену.

К началу 1970-х за Хеем закрепилась международная репутация книготоргового центра, и теперь в нем расположено 42 книжных магазина. В них можно найти книги на любую тему. Здесь также есть специальные магазины детской литературы и американской литературы. Обилие посетителей, которых привлекала необычная специализация городка, позволили Буту открывать всё новые магазины. Личное участие Ричарда Бута в развитии города привело к созданию 26 рабочих мест в его магазинах и более 220 в других фирмах. Это обеспечило городу экономическую устойчивость. Население города сейчас составляет всего 1400 человек. В нем и в ближайшей сельской округе действуют 15 больших гостевых домов, 4 гостиницы, множество мелких пансионатов. Быстро растет число кафе и ресторанов, 12 из которых было открыто в последние четыре года. В этот же период появились и десять антикварных лавок. Ежегодно город посещают более 110 тысяч туристов, наплыв гостей значительно увеличивается в мае, в период проведения литературного фестиваля.

Ричард Бут стал инициатором международного движения книжных городов. Повторяя опыт Хее, малые города по всему миру пытаются оживить свою экономику с помощью книжной торговли. В это движение включились Монтолье в южной Франции, Бредевоорт в Голландии, Бешерель в Бретани, Сент-Пьер-де-Клаж в Швейцарии, Реду в Бельгии, Стилутер в США, Фьёрланд в Норвегии, Кампунг Буку в Малайзии, Миягава в Японии.

Иначе сложилось в Сингапуре – там исчез китайский квартал, и восстановить его уже невозможно, запоздало оценили культурную ценность почти утраченного исторического городского центра. Оба города поняли, что культурные координаты цементируют городское сознание, рождают гражданскую гордость, которая, придаёт силы для решения задач, которые вроде никак не связаны с культурой.

Многообразие креативности

Распутывая клубок противоречий

Чем больше я занимался проблемами креативности, тем сложнее выглядела эта концепция. По сути, речь шла о многогранной изобретательности, способности оценивать ситуацию и находить пути решения трудных задач или выходы из неожиданных ситуаций. Креативность представляла как процесс выявления скрытых возможностей, как прикладное воображение, опирающееся на интеллект. Позже я осознал это явление, его связь с контекстом, с конкретной исторической ситуацией.

Проект, креативный для своего времени, не обязательно будет таковым в другой ситуации и в другой исторический период. И хотя креативность связывают с трудом художников, я встречал всё больше людей, работающих в бизнесе, в социальной сфере, которые подходили к решению своих задач именно творчески. Область приложения креативности расширялась.

Я понял, что творческие люди могут работать в одиночку, в группах, командах, организациях. В организациях я встречал креативные процессы. Ведь каждый может быть креативен при определенных условиях.

«Голое администрирование» заставляет людей действовать по твёрдо установленным правилам, не проявляя инициативы и не раскрывая своих способностей. Я встречал государственные организации, которые, действуя по правилам, теряли из виду цели и упускали возможности. Каждый раз, когда я проповедовал идею креативности, я неизменно натывался на глубоко укорененные препятствия к её развитию. Важнейшие из них – линейность и ограниченность мышления. Особенно это проявлялось в дискуссиях со строителями, плановиками и финансистами, многие из которых, кажется, откровенно не понимали, как можно оценить то, чего нельзя посчитать.

Мне стало понятно, что множество креативных проектов получили признание, и я задался вопросом: в каких социальных условиях возникают такие успешные креативные концепции, которые на наших глазах меняют мир?

Дискуссии о том, как взрастить городскую среду для оживления таких непохожих друг на друга городов как Брисбен, Йоханнесбург, Дурбан, София или Барселона, помогли сформулировать проблему: как создается творческая среда? Стало понятно, что креативность зависит от качества отдельных людей или организаций, или даже целых городов. Такие качества включают изобретательность и умение находить решения; готовность принять риски и взглянуть на проблему с неожиданной стороны; интерес к экспериментированию; но, главное, – способность к рефлексии и непрерывному учению, которое заставляет придумывать новые идеи.

Креативность – это стиль мышления, который более склонен к вопрошанию, нежели к критике, который атакует не только общепризнанные проблемы, но и то, с чем все привыкли уживаться. Креативные люди стремятся пересмотреть принципы и потому оперируют сценариями будущего, рассматривают возможные изобретения, открытия, их последствия и т. д. Они ищут общие черты в том, что, казалось бы, несопоставимо, создают неожиданные комбинации, в которых и лежит ключ к решению проблемы.

Журнал «Big Issue»: креативное решение проблемы бездомности путем развития предпринимательства среди бездомных. «Big Issue» – это журнал, который продают бездомные в Великобритании. Благодаря этому они могут заработать на жизнь. Сильная сторона этого проекта в том, что его легко развивать путем простого копирования. Первоначально это было ежемесячное издание, затем еженедельное. Сегодня его тираж более 350 тысяч экземпляров и продается журнал в 13 европейских странах, в Северной и Южной Америке, в

Южной Африке и в Австралии. Благодаря этому проекту изменилось отношение к бездомным.

Бездомным удалось подняться над ментальностью попрошайки, развить чувство собственного достоинства. С первого выпуска «Big Issue» помог 7000 бездомных, изменил отношение общества к проблеме бездомности, способствовал налаживанию партнерских отношений с полицией. Прибыль от продажи журнала поступает в «Big Issue Foundation» – специальный фонд, который помогает бездомным по всему миру.

Самое важное – это способность видеть проблему в целом и вместе с тем уметь посмотреть на неё под неожиданным углом. Творческие люди демонстрируют гибкость и всегда готовы сфокусироваться и четко оценить риски. Как замечает Дэвид Перкинс, «творческие люди работают на границе зоны своей компетентности, а не в её центре». Креативность – это интеллектуальная позиция и определенный подход к проблемам, который раскрывает спектр возможностей. Существенно, что она – не пункт назначения, но путешествие, не состояние, но процесс.

Каждое креативное решение или продукт имеет свой жизненный цикл, и когда опыт инновации раскрывается полностью, их приходится переосмысливать. Творческие люди допускают множественность точек зрения и подходов, и это касается межличностных интерпретаций. Такие люди признают креативность различных возрастных групп, женщин и мужчин, представителей различных культур. Это позволяет им опираться на широкий ресурс, комбинировать способности и знания. Креативность свободна от ценностей (её ведь можно использовать и на благо, и во вред). Цель применения креативности определяет её ценность. Поэтому городская, гражданская креативность и поставлена мной в центр рассмотрения в этой книге.

Креативность сама по себе не всегда служит гарантией успеха. Чтобы креативная идея прошла проверку реальностью, творческие качества человека должны сочетаться с иными. Здесь необходима комбинация таких видов деятельности как тестирование, мониторинг, менеджмент и навыки внедрения. Примеры прекрасных, но не реализованных идей и намерений демонстрируют опасность сведения творческого подхода лишь к стадии разработки идеи. Креативность должна сопровождать развитие инициативы с момента её интуитивного зарождения, через консолидацию ресурсов, внедрение и распространение продукта – и вплоть до оценки результатов. И ... мир не делится на творцов и унылых исполнителей.

В качестве эксперта я нередко предлагал креативные идеи, но если в городе не было людей, способных подхватить эти идеи, они так и оставались под спудом. Реальный успех возникал лишь в случае, если находились люди, способные связать развитие культурных индустрий с созданием новых рабочих мест и с пространственной реорганизацией, как это было в Глазго, Мантуе и Барселоне. Креативность может иметь разный градус и различную направленность. Вы не сможете устроить творческую встречу или творческую

организацию, если у вас нет творческих людей. Необходимые качества и условия развития для них примерно одни и те же. Эти качества включают навыки общения, дипломатичность, способность слушать, работать в команде, строить и использовать различные сети.

Вы не сможете создать креативную среду без креативных организаций, ибо это – условие взаимодействия креативных людей и процессов, идей и продуктов. Создание инновационной среды есть главная задача креативного города.

Чем больше я старался определить креативность, тем дальше она от меня ускользала. Каждое умозаключение приходилось сопровождать оговорками. Так, креативность и инновации очевидно переплетаются. Вначале создают идеи, из которых многие лишены практического смысла, но некоторые формируют базис, с которым можно дальше работать. Креативность, стало быть, – предпосылка для инноваций. Инновация есть реализация на практике новой идеи, обыкновенно полученной при помощи креативного мышления. Инновация должна доказать свое право на существование. Креативность включает в себя дивергентное мышление, инновация, напротив, предполагает конвергентный, критический и синтетический подход, и каждый проект колеблется между этими двумя видами мышления. И инновации, и креативность сильнейшим образом зависят от контекста обстоятельств. Например, в определенный момент идея возрождения городов через развитие культурных индустрии была креативна для Сплита в Хорватии или Бургаса в Болгарии, в то время как для Шеффилда или Мельбурна она была уже общим местом.

То, что креативно для государственного сектора (например, совместная работа в проектном режиме организаций разного административного подчинения и профиля), является нормой жизни для большинства частных компаний и художественных организаций. Возможна и обратная ситуация. Например, я с интересом наблюдал, как государственный сектор легко справляется с задачей трудоустройства этнических меньшинств, тогда как частные компании считают это трудным делом.

Существует обширная литература о креативности, однако найдётся не так уж много работ, посвященных урбанистическим её аспектам. Не много внимания уделено креативности в работах, посвященных другим проблемам урбанистики (экономическому развитию, социальным проблемам, образованию, городскому управлению и т. д.), хотя во всех этих вопросах креативное мышление и креативные решения играют огромную роль.

Достаточно вспомнить недавние нововведения – новые формы отчетности, новые методы развития способностей в сфере искусств, или же программы микрозаймов, разработанные на основе идей банка Grameen. В то время как города пытались бороться с недостатками жестких структур управления, которые сдерживали развитие инновационно-ориентированной экономики, бизнес всё больше интересовался креативностью. Деловые люди,

вдохновленные идеей обучаемой организации, увидели в креативности новую форму капитала.

Существуют различные формы креативности для организаций разных типов и профилей. Например, для фирмы, работающей в сфере пищевой промышленности, идея экологического или социального аудита продукции может быть очень существенной инновацией. А для государственной организации важным креативным решением было бы создание партнерства с частным сектором по предоставлению той или иной услуги. Для некоммерческой же организации инновацией стало бы создание коммерческого крыла, прибыль от деятельности которого можно реинвестировать в дело социального развития. Но если для обновления сложного городского организма нужно множество видов креативности, то и критериев успеха тоже много. Для муниципальных структур критерием может служить снижение загрязнения окружающей среды, а для частного сектора – рост сегмента рынка. Отсутствие дебатов на эту тему свидетельствует о том, что креативность в общественном, муниципальном и государственном устройстве ещё очень слабо исследована. Некоторые важнейшие вопросы едва упомянуты в литературе.

Социальную креативность не учитывают, недооценивают и не считают инновацией. Но ведь новые социальные институты не менее важны, чем новые продукты и технологии. То же можно сказать и про политическую, экологическую и культурную креативность. Наступает время инвестировать не только в технологии, но и в новые образ жизни, системы организации и коммуникации. Если мы этого не сделаем, мы столкнемся с реалиями глобализованного мира, не имея инструментов, позволяющих в нём ориентироваться.

Задача выявления новых форм креативности осложняется тем, что само понятие используют слишком широко и часто применяют к вещам, не имеющим к креативности отношения. Две темы, связанные с городской креативностью, выходят на передний план: окружающая среда и культура. Я серьезно занимался обеими темами.

Изучение креативных мест

В ходе исследования европейских городов, которое мы предприняли с Питером Холлом, я обнаружил, что в некоторых из них люди активно сосредоточены на экологических проблемах. Существуют кластеры городов, предлагающих инновационные решения проблем развития транспорта (Карлсруэ – Фрайбург – Мюлуз – Базель – Цюрих и Болонья – Перуджа – Орвиго – Снолето) или проблем энергетики (Саарбрюкен – Цюрих – Вена). Полет фантазии и смелость: реорганизация городской администрации Тилбурга (Нидерланды). Тилбург – седьмой по величине город Голландии. В нём проживает 165 тысяч человек. Город выбрал для себя новую форму организации городской администрации, которая стала известна под именем «Тилбургской модели» (Tilburg Model). Город рассматривается как «холдинговая компания» с различными подразделениями, включающими

структуру общественного аудита. Внедрение модели привело к снижению издержек городского хозяйства. Новая система организации напоминает устройство частной компании. Подразделения городской администрации работают как коммерческие центры, производящие городские услуги и «продукты». Политическая надстройка (городской совет) занимается оценкой этих услуг, разрабатывая соответствующие стандарты. Муниципальная служба (городская администрация) ответственна за производство этих продуктов с минимизацией издержек согласно индикаторам, задаваемым политической системой. Городской совет не занимается тем, как должны быть произведены и предоставлены продукты – за это отвечает администрация. Департаменты сообщают членам совета о ходе работ посредством совершенно прозрачной информационной системы.

Основа деятельности этого механизма – план городского управления. В нём установлен баланс между техническими и финансовыми возможностями города, с одной стороны, и потребностями его жителей, с другой. Такой баланс достигается в результате консультаций с жителями города, чей вклад ложится в основу плана.

Основная концепция этой системы планирования заключена в достижении взаимного согласия по поводу стандартов качества. Большая часть городских служб теперь нуждаются лишь во внимательной технической поддержке, их функции уже не дебатированы.

Городской план реализуют посредством ежегодной городской программы, которая распределяет управленческие задачи для разных частей города и готовит "черновой вариант" распределения бюджетных средств. Весной каждого года, после необходимых консультаций и поправок, программу принимают как часть городского бюджета. Результаты предыдущего года также подвергают аудиту.

Внедрение этой модели дало поразительные результаты; начиная с 1988 года у Тилбурга каждый год оставались деньги в казне. Этот остаток инвестировали в развитие города, например, в софинансирование строительства футбольного стадиона и концертного зала. Городу удалось снизить и стоимость жизни в целом: ранее седьмой в списке самых дорогих городов Нидерландов, теперь он лишь тридцатый.

Другие инновации (скажем, приоритет велосипедов в дорожном движении, использование солнечных батарей или отделение органических отходов на стадии сбора мусора) распространены шире. Возможно, формирование кластера, связанного с инновациями в области транспорта, объясняется спецификой местных проблем, т. к. южная Германия облачает одним из самых высоких показателей в Европе по владению автомобилями на душу населения.

Существуют кластеры городов, развивающихся на культурной основе. Это, например, города, расположенные на оси Шеффилл – Хаддерсфилд – Манчестер – Бирмингем в Великобритании или вдоль Рейна в Германии (центрами там являются Кельн, Дюссельдорф и Дортмунд).

В Тилбурге реализуется вполне сознательная попытка создать «поп-кластер». Они стремятся решить проблемы, вызванные упадком традиционной промышленности, переориентируя город на развитие музыкальной индустрии.

Что такое городская креативность?

Для каждого города может быть найдена своя форма креативности, которая уникальна. Сама природа города способствует развитию креативности, которая обусловлена как имеющимися в нём нишами, так и гибридными идеями, возникающими на этой основе. Городские проекты, в которых я участвовал как представитель агентства Comedia, хорошо иллюстрируют эту мысль.

Например, в Мантуе, самобытном итальянском городе местная администрация сделала ставку на развитие новых технологий, пренебрегая традицией книгопечатания и книготорговли. В Мантуе существовала кооперация между книжными магазинами, основанная часто на дружеских отношениях между их владельцами.

Их желание сотрудничать, а не конкурировать, в сочетании с критической массой книжных магазинов стало отправной точкой предложенной нами новой концепции развития города. Через пять лет Мантуя стала книжным городом с крупнейшим в Италии литературным фестивалем. Это привело к значительному росту числа рабочих мест.

В Глазго ресурсом стали традиции музыки и производства фильмов. Они и послужили формированию нового имиджа города в глазах остального мира.

Этот ресурс открыл возможности для развития разнообразных отраслей, так как исследования в области звука и новейшей аудио-визуальной техники имеют применение далеко за пределами собственно музыки и кинематографа. Соответствующие технологии используются для того, чтобы глухие могли слышать или чтобы расшифровывать показания эхолота, лучшие кино- и анимационные технологии применяются в развитии самых разных видов деятельности – от прокладки труб до биомедицины.

Центром музыкальной индустрии стал район Кандлриггс, где традиционно существовала благоприятная среда для взаимодействия между исполнителями, менеджерами, техническими специалистами и руководителями музыкальных площадок.

Хаддерсфилд завоевал репутацию креативного города, где созданы условия для реализации потенциала его жителей, только благодаря тому, что здесь уже существовала плотная сеть людей и организаций, работавших вместе долгое время и сформировавших фундамент взаимного доверия.

Креативность Хельсинки в переосмыслении городских активов проявилась в развитии традиции массовых мероприятий, таких как «Ночь искусств». «Тотальная Балалайка», «Силы света». Они показали, как можно переустроить город, и насколько неожиданные экономические и социальные возможности открываются перед ним благодаря этим праздникам.

Культурные стратегии, которые мы предлагали городам, были направлены на решение сложных проблем. Успех или провал стратегий в меньшей степени зависел от материальных активов города, и в большей – от идей и подходов к решению проблем.

Я понял, что понимание культурных ресурсов требует новой формы консалтинга: более плотной работы с местными командами, большего включения консультантов в процесс обсуждения. Нужно прочувствовать город, увидеть его заводы, поговорить с молодыми предпринимателями, сходить в ночные клубы, изучить альтернативные формы культуры.

Я обнаружил, что изменить чей-то взгляд на вещи иногда важнее, чем сочинить аналитическую записку в десять тысяч слов. Это непростой процесс. Как изменить способ мышления о городе? Я начал расспрашивать людей о том, какие места они любят, какова их личная утопия, их мечта.

И я сделал эту процедуру частью повседневной работы. Это помогло обнаружить огромное расхождение между устремлениями и реальностью, а также обозначать препятствия к достижению идеала.

Три фактора имеют критическое значение:

- глубочайшие перемены воздействовали на города, и для приспособления к ним требовалось сформировать принципиально новое мировоззрение.
- нужны были реальные действующие модели креативного города, чтобы показать другим, что означает «быть креативным городом».
- требовался какой-то тренинг, какая-то площадка, где бы можно было обсуждать эти идеи с группой коллег.

С 1997 года это происходит ежегодно в рамках Амстердамской летней школы.

Глава 2. Городские проблемы – креативные решения

Современный город

Динамика глобализации

Сегодня встают новые проблемы, которые требуют новых, решений. Наступило время по-новому взглянуть на развитие города, подготовиться решать проблемы завтрашнего, а не вчерашнего мира. При этом проблемы городов Севера и Юга совершенно различны, но именно эта разница дает им возможность учиться друг у друга. В решениях зачастую используют универсальные принципы, в частности:

- вовлечение людей, непосредственно испытывающих сложности, во внедрение найденных решений проблемы;
- создание образовательной среды как для тех, кто принимает решения, так и тех, кого эти проблемы затрагивают;
- формирование системы решений, устойчивой с культурных, экономических, социальных и экологических позиций.

И все же различия в развитии городов имеют существенное значение. Высокая скорость урбанизации привела к расхождениям между потребностями и ожиданиями, имеющимися ресурсами и интенсивностью их использования.

Существующая инфраструктура, такая как канализация, водоснабжение, жилищный фонд, дороги, не справляется с удовлетворением потребностей растущего населения. Излишки, производимые в городах Севера, способствуют повышению качества жизни. Поднимаясь вверх по шкале потребностей Маслоу, жители уже могут позволить себе такие атрибуты качества жизни, как чистый воздух, гражданское общество или культурный отдых. В бедных южных регионах такие вещи кажутся роскошью, и это способствует развитию и нарастанию взаимного непонимания между странами. К примеру. Север, уже прошедший стадию индустриализации, пытается навязать высокие экологические стандарты странам Юга, только входящим в эту эпоху.

Однако, за последние 50 лет стоимость услуг связи упала в 100 раз, а транспортные издержки в 10 раз, мощность вычислительных машин выросла в миллионы раз. Результатом стала глобализация, под действием которой сформировалась новая экономическая система активно взаимодействующих между собой городов.

Каждый город теперь играет определенную роль в глобальной иерархии власти. Некоторые из них (Нью-Йорк, Токио или Лондон) стали мировыми лидерами, другие (Сингапур или Буэнос-Айрес) – региональными баронами. Города стали «узлами мировых потоков людей, грузов, информации и капитала», исполняя функции контроля, управления и логистики, дабы точно и вовремя распределить эти потоки товаров и услуг. Чтобы создать такую систему и управлять ею, требуется незаурядная изобретательность, воображение и креативность.

Сегодня пара брюк может быть сделана из компонентов, произведенных в пяти странах, а создание мультфильма компании Уолта Диснея может начаться в Голливуде и закончиться в Маниле. Программирование для компаний, расположенных в Силиконовой Долине, осуществляют фирмы, которые находятся в городах Азии.

Три фактора сегодня существенны: стоимость рабочей силы, уровень развития технологий и креативность (выделено – Л.Р.).

Финансовый кризис в Бангкоке отзывается в Атланте, Стокгольме или Кейптауне, а открытие фабрики в Куала-Лумпуре может привести к закрытию аналогичной фабрики в Ньюкасле. Однако, несмотря на конкуренцию, существует множество специфических ролей и ниш, которые еще не заняты. Важнейшая задача любого города – выявить и эксплуатировать свои специфические возможности, определив себя как центр технологии, или финансов, или моды, или наследия.

И, что более существенно, научиться применять творческие способности своих жителей к любым открывающимся возможностям и потребностям. В этом смысле города и конкурируют, и взаимно дополняют друг друга.

Уровни взаимосвязи

Существует множество уровней взаимосвязи между городами. Связи эти не всегда очевидны. Некоторые из них, например, структуры, контролирующие финансовые рынки, могут быть вычленены, большинство же совершенно

непрозрачны для нас, если, конечно, не изучать внимательно каждую этикетку в супермаркете. Новые связи устанавливаются постоянно в результате недостатка квалифицированной рабочей силы или войн. Албанцы и турки, контролирующие Fressmarkt (Продуктовый рынок (обжорные ряды)) в Вене; 200 афганских водителей, монополизировавшие маршрут такси из аэропорта Даллес в Вашингтоне; корейские, японские и русские анклав в Лос-Анджелесе; миллион кубинцев в Майами; 300 тысяч греков, которые превратили Мельбурн во второй по численности греческого населения город планеты после Афин...

Эти группы усиливают потенциал международной торговли – сначала, чтобы обеспечить собственные потребности, а затем и в целях освоения рынков. Новому иноземному населению требуется время на интеграцию в городское пространство. Они могут стать как источником роста креативного потенциала, так и конфликтов. В условиях мультикультурализма требуются новые решения, и наведение мостов становится приоритетным направлением для развития городов. Организация этих сдвигов во взаимодействии, торговле и финансах требует инноваций на городском и национальном уровнях. И городам для сохранения успешных позиций необходимо всё время быть начеку.

Каждое вновь открывшееся преимущество требует множества дополнительных изобретений: хорошего управления, способности развивать поддерживающие структуры – здравоохранение, жилищное хозяйство, культуру, контакты с международными организациями, сохранение окружающей среды, решение вопросов культурной идентичности.

Здесь драматически проявляются проблемы масштаба: линейные количественные процессы, например, простой рост численности населения, создают принципиально новую динамику развития, требующую решения проблем совершенно нового порядка.

В 1900 году было лишь около дюжины городов-миллионеров, сейчас их более 300. Их инфраструктура не справляется с растущим населением, и цены на землю детерминируют процессы городского развития и часто рожают неравенство и недовольство, которые встраиваются в ткань городов.

Глобальное – локальное

И все же наиболее значимой фигурой является горожанин. Пусть на нём и отражаются процессы борьбы за выживание. Горожанин ходит в магазин, чинит машину, посылает письма, выгуливает собаку, встречается с соседями, ходит на работу, отводит детей в школу. Типичный муниципальный менеджер и должен добиваться, чтобы эти регулярные действия людей происходили без помех. И, в принципе, каждая деталь этой картины может быть как-то улучшена.

Но и на локальном уровне чувствуется влияние большого мира, ибо городской житель постоянного сталкивается с иными культурами – от блюд иноземной кухни до оказавшихся рядом зарубежных туристов. То есть

дистантные взаимодействия оказываются вплетёнными в традиционную жизнь города.

Наша способность быть на связи со всем миром и наша мобильность уравниваются нашей физической укорененностью в месте, где мы живём. Именно непосредственное окружение ежедневно ставит перед нами проблемы.

НАЙТ РИЧАРД В.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ – УСТОЙЧИВЫЕ ГОРОДА

Международный журнал социальных наук. 1993(2). С. 43-69.

Города и другие поселения людей, претерпевшие в свое время значительные перемены под влиянием индустриализации, урбанизации и образования национальных государств, теперь видоизменяются под воздействием новых экономических и технологических сил, которые, будучи глобальными и универсальными по своей природе, могут, если их правильно использовать, открыть городам новые возможности для формирования и поддержания развития, подтверждая их историческую цивилизаторскую миссию. Уверенность, что города могут и в самом деле должны восстановить контроль над собственной судьбой, основывается на новой парадигме устойчивого развития устойчивых городов. Новая парадигма отражает взгляды Международной комиссии по экологии и развитию, которые изложены в работе «Наше общее будущее». В ней говорится, что «у нас есть сила примерить людские дела с законами природы и добиться процветания, что новая эра экономического развития, основанного на сохранении и расширении ресурсов окружающей среды, вполне возможна». Недавняя конференция ООН по проблемам экологии и развития в Рио-де-Жанейро подтвердила эту позицию. Утверждение, что города должны играть более важную роль, подкрепляется как опытом городов Европы и Северной Америки за последние 50 лет, так и глубоким анализом меняющегося характера развития города, растущим значением, основанного на знаниях развития.

Новая парадигма сформировалась под влиянием ряда различных факторов: научно-технического прогресса, изменений в характере процесса создания богатства, специализации и разделения знаний, интенсификации глобальных экономических сил, увеличивающейся сложности межличностных и межорганизационных отношений, глобализация производства, а также под воздействием растущего понимания того обстоятельства, что безудержное индустриальное развитие без учета человеческих и экологических ценностей достигло своей роковой черты.

В данной статье рассматриваются в первую очередь с позиций европейских городов последствия перехода от парадигмы индустриального роста к парадигме устойчивого развития. Давайте зададимся вопросом: почему именно европейским городам предстоит подтвердить свою историческую цивилизаторскую миссию и почему это вполне реально?

Логика аргументации следующая: сущность богатства и характер процесса, в ходе которого богатство создается, меняются. Производство и потребление становятся все более наукоемкими, и города утрачивают свою роль центров промышленного производства, а их развитие все больше связывается с науками и образованием, а это предполагает фундаментальные изменения в развитии городов. Экономика городов трансформируется: главное место принадлежит уже не производству и вывозу готовой продукции на мировой рынок, а экспорту решений и знаний. По мере перехода городской экономики от массового производства к коллективному мастерству, основанному на совокупной компетенции и объединении усилий по стратегическим направлениям, культура городов становится более открытой, не столь иерархической, базирующейся, прежде всего, на знаниях и заинтересованной скорее в повышении качества жизни и улучшении человеческой среды, чем в количественных показателях.

Эти перемены происходят благодаря тому, что научные знания становятся стратегическим ресурсом мирового сообщества. Развитие, основанное на научных знаниях, и определяется факторами, которые отличаются от тех, которые связаны с производством промышленных товаров. Оно зависит главным образом от пригодности для жизни городов, то есть от коллективной компетенции, культуры научных знаний и качества жизни, предлагаемая городом. Поскольку научные знания опираются на определенную культуру и концентрируются главным образом в городах, у них больше возможностей формировать собственное развитие путем укрепления своей коллективной компетенции, культуры и организации научных знаний, которые образуют их новую институционно-научную базу. Выявляя, закрепляя и развивая свои научно-образовательные ресурсы и культуру научных знаний, города в состоянии создавать условия, способствующие основанному на научных знаниях развитию.

Короче говоря, после 100 лет быстрого, несбалансированного, произвольного и часто хаотичного роста под влиянием расширения производственного сектора у городов появилась возможность развиваться более целенаправленно. Основанное на знаниях развитие открывает городам возможность планировать ход собственной эволюции и определять свою дальнейшую судьбу. Чтобы это воплотить в жизнь, городам следует глубже проникнуться пониманием меняющейся природы своего развития и проявлять инициативу не только на местном и региональном уровне, но совместно с другими городами и регионами – в национальных, межнациональных и глобальных масштабах. Почему? Да потому, что по мере осознания связи между собственными научными ресурсами, местным экономическим развитием и окружающей средой города станут ориентироваться на глобальные категории, на будущее. Им придется сделать весьма трудный выбор стратегического свойства и взять на себя большую ответственность.

Глобальный кризис нельзя обуздать или разрешить ни сверху, путем международных соглашений и межгосударственных договоров, то есть с помощью директив, ни снизу с помощью массовых организаций, воодушевляемых новой экономической этикой. Чтобы дальнейшее развитие стало целенаправленным, необходимо объединить «глобальные знания», то есть научные и универсальные ценности, с «местными знаниями», касающимися культурных и экологических ценностей. Сложность и разброс затрагиваемых проблем таковы, что объединение местного и глобального знания должно совершаться на среднем уровне, то есть на уровне городов и регионов. Соответствующее использование технологий требует не стандартного их применения с учетом местных особенностей.

Поэтому можно утверждать, что устойчивое развитие означает большую ответственность городов за научные ресурсы местного уровня, за ту часть людской и природной среды на которые воздействует практическое применение этих научных знаний. Одним из аргументов в пользу данного утверждения является то, что большинство видов знаний уходят глубоко корнями в культуру конкретного региона, где они исторически развивались, где их жизнеспособность полностью зависит от характерных особенностей окружающей среды – как людской, так и природной, и где их, следовательно, лучше всего понимают и ими успешно управляют как неотъемлемой составной частью того сообщества, в котором эти знания сформировались и которое само сформировалось вокруг них. Знания эволюционируют не по воле случая. Существует неразрывная связь между культурой знаний и тем сообществом, в котором они процветают. Присутствие в сообществе знаний вовсе не означает, что города вполне осознают их наличие, а те, которые осознают, не всегда используют их потенциал для собственного развития или понимают необходимость соединения этих знаний с местной культурой, чтобы добиться сближения различных типов знаний на местном уровне, не обязательно понимают, что источники знаний необходимо лелеять, заботиться о них. Недооценка того, что рядом, – не такое уж редкое явление, особенно в крупных городах, где в культурах преобладают меркантилистские и административные элементы и доминируют оборонительные настроения, где деятельность в сфере знаний имеет тенденцию осуществляться в условиях повышенной секретности и препятствовать свободному обмену информацией, что крайне важно для многих видов знаний. Более того, традиционные источники знаний часто воспринимаются как что-то раз навсегда данное и, оставленные без должного внимания постепенно иссякают.

В настоящее время города не вполне осознают значение основанного на знаниях развития по двум причинам: во-первых, в мышлении людей, связанных с планированием и развитием городов, все еще доминирует парадигма промышленного роста и, во-вторых, знания обычно представляют себе в очень узком смысле, отождествляя их с общечеловеческими знаниями, научными открытиями, высокими технологиями, техническими новинками, имеющими

широкое применение в промышленности и обороне. Поскольку развитие, основанное на активной научной деятельности и наукоемком промышленном производстве, в высшей степени ограничено с географической, индустриальной и организационной точек зрения, лишь не многие города отвечают условиям, необходимым для подобного прогрессивного развития; Но если рассматриваемый спектр знаний расширить и включить в него также коммерческие, административные, экологические, культурные (воспитание, здравоохранение, туризм-, обучение) и производственные познания, творческое, исполнительское искусство, ремесла и т. д., то источники знаний можно обнаружить в любом городе не зависимо от его размеров и уровня развития.

Основанное на знаниях развитие

Проблема городов имеет обычно два аспекта: концептуальный и административный. Во-первых, необходимо переосмыслить значение городов как центров знаний с тем, чтобы они могли определить свои главные способности и оценить потенциал развития собственной базы знаний в глобальном контексте. Во-вторых, города должны сформулировать и реализовать политику, направленную на укрепление своей культуры и источников знаний путем создания условий, благоприятных для конкретного вида основанного на знаниях развития. Источники знаний – глобальные или местные – крайне подвержены эрозии и нуждаются в заботливой консервации.

Следует также коснуться существующего в настоящее время тенденциозного отношения к тем видам знаний, которые создаются и накапливаются транснациональными корпорациями, международными органами и т.п. Это тем более необходимо, что односторонний подход ведет к несбалансированному развитию, т.е. к продвижению глобальных знаний и утрате местных.

Для того, чтобы основанное на знаниях развитие было действительно устойчивым, абсолютно необходима интеграция глобальных и местных знаний, экономических и экологических систем. Организации и власти в полной мере смогут почувствовать ответственность за свои действия и осознать степень риска только в том случае, если интеграция глобальных и местных знаний будет происходить не в каком-то отдаленном центре, а на местном уровне, где знания получили развитие, где их корни и где их лучше понимают. Знание – это одна из разновидностей власти, и как всякая оторванная от традиционной культуры власть оно может стать источником злоупотреблений. Традиции самым решающим образом влияют на культуру знаний, а городам принадлежит существенная роль в институционализации традиций. У городов долгая память – крайне важное качество, когда дело касается влияния на источники знаний.

Суммируя сказанное, можно отметить, что, поскольку создание богатства становится все более наукоемким процессом и знания базируются на культуре и концентрируются в основном в городах, последние должны содействовать использованию знаний для экономического развития на местах, для

положительного влияния на ценности, от которых зависят главные достоинства городов.

Цивилизаторская миссия городов

Для осуществления своей цивилизаторской миссии городам необходимо уделять больше внимания управлению своей судьбой, а для этого они должны проникнуться более глубоким пониманием своих сил (источников знаний), особенностей процесса урбанизации и взаимосвязи между развитием городов и окружающей средой. Помимо этого, городам и окружающим их регионам необходимо по отдельности и вместе с другими городами, располагающими аналогичными источниками знаний, почувствовать большую ответственность за те знания, развитию которых они способствуют: в какой мере они влияют на экологическую систему и окружающую среду в местах применения этих знаний. С точки зрения нынешнего положения в мире, идея планомерно и устойчиво развивающихся городов может показаться нереальной. Природа сил, формирующих города, ограниченная автономия последних во многих странах, а также тот факт, что они переросли свои административные границы и имеют тенденцию дробиться и испытывать потрясения, – все это вызывает сомнение, что города могут ориентироваться на будущее и сами определять свое развитие. Тем не менее, что же положило начало движению за планомерное развитие городов?

По моему мнению, ответы на эти вопросы скоро даст Европа. Почему? Да потому, что города – главные европейские ценности. У них длительные традиции, уходящие в глубину веков на 2000 лет, и хотя с усилением в последнее столетие централизованной государственной власти роль городов уменьшилась, они, тем не менее, обладают большой самостоятельной ценностью. Исторически европейские города способны к самовосстановлению, что показала эпоха Возрождения, и они продолжают сохранять вполне конкретные культуры, которые всегда можно «возродить». Сегодня их способность к самовосстановлению во многом зависит от того, как они по-новому определяют свою роль в «новой Европе» и в «мировом сообществе». Их будущее тесно связано с осознанием связи между городскими ценностями, новыми формами экономического и культурного развития и заботой об окружающей среде. Именно в процессе «возрождения» европейских городов интересующее нас развитие могло бы стать более планомерным и упорядоченным. Полученные при этом знания можно было бы затем использовать для решения еще более насущных проблем городов и окружающей среды в других частях как развитого, так и развивающегося мира.

Важно отличать развитие городов в Европе от процесса урбанизации в развивающихся странах с преобладающим сельским населением и деревенским бытом. Крупные городские поселения в странах «третьего мира», часто называемые из-за их размеров «мегалополисами», не всегда являются городами в обычном смысле этого слова. В традиционном понимании город – это центр цивилизации, то есть поселенческое объединение с достаточной властью, чтобы

поддерживать законный порядок и обеспечивать развитие в духе Анри Пиренна. В последние десятилетия контроль переместился от местных общин к государству и от местных организаций к крупным национальным и транснациональным корпорациям, после чего рост городов сделался еще более несбалансированным и беспорядочным.

Разрастание мегалополисов происходит под влиянием глобальных сил, над которыми не властны ни сами города, ни государство. Эти силы, лежащие в основе индустриализации и урбанизации во всех странах земного шара и подрывающие традиционные схемы поселений, нарастают и приобретают всеобъемлющий характер. Как отмечал Е. Ф. Шумахер в 1973 г. в своей книге «Небольшое – прекрасно», «успешная индустриализация в городах разрушает экономическую структуру периферии, которая в свою очередь мстит массовой миграцией в города, отравляя их и делая их совершенно не управляемыми». А городская периферия – это уже не только прилегающие к городам регионы; она стала транснациональной и глобальной. Периферия Марселя, например, включает часть Северной Африки, а Берлина – Ближний Восток, Центральную и Восточную Европу. К периферии Лос-Анжелеса принадлежат Центральная и Южная Америка, а также Дальний Восток. В периферию Токио входят и Корея и Юго-Восточная Азия и т. д.

Хотелось бы подчеркнуть, что *возникновение и быстрый рост мегалополисов, отличающийся от более упорядоченного развития европейских городов, следует рассматривать в качестве самостоятельной проблемы. Мегалополисы – это не города в обычном смысле этого слова: их рост не диктуется разумной необходимостью, и они не являются самоуправляемыми образованиями. Увеличение мегалополисов – результат ломки традиционной деревенской общины, а вовсе не планомерного расширения и развития городской структуры или широких социальных и культурных преобразований. Как правило, чем позднее начинается процесс индустриализации и урбанизации, тем более несбалансированы схемы человеческих поселений и остры «проблемы городов»* (выделено – Л. Р.). Стоит лишь системе городов выйти из равновесия и какому-нибудь городу занять доминирующее положение, как развитие средних городов осложняется.

К планомерному развитию городов

Планомерное развитие городов представляется проблематичным из-за низкого уровня искусства градостроительства, отсутствия у городов подлинной автономии и, следовательно, возможности как-то упорядочить и контролировать это развитие. И хотя города появились 6 тыс. лет назад и, по словам Арнольда Тойнби (1970), выполняли роль «кузниц цивилизации», оказывая благотворное влияние на культуру, наше представление о том, почему они стали центрами культуры и каким образом их развитие можно было бы сделать безвредным для окружающей среды, все еще слишком примитивны.

По своей природе городское развитие – это своего рода процесс социального обучения, когда города учатся на собственном опыте, на опыте

других городов, а также пробуя различные новшества. Однако, за последнее столетие централизация власти нарушила этот процесс. Между тем существует огромный практический опыт, который можно было бы плодотворно использовать, ибо каждый город преодолевал какие-то специфические проблемы, хотя не многие из них институализировали процесс обучения. А нужда в таком обучении была самая насущная, поскольку вновь сформировавшимся городам, которые быстро росли за последние десятилетия предстояло в течение нескольких лет совершить то, на что в прошлом уходило столетия. Если они стремятся в короткие сроки создать современную городскую культуру и упорядочить собственное развитие, им придется добровольно и сознательно включиться в процесс обучения.

Необходимо вплотную заняться созданием специальной отрасли знаний, касающейся развития городов, привязанных к конкретной местности, регионально ориентированных, однако развитие которых совершается в рамках целостной и нацеленной на будущее структуры. С окончанием «холодной войны» и растущим пониманием ухудшения окружающей среды, возможно, часть «мирных дивидендов» удастся израсходовать на решение повседневных проблем больших и малых городов, а также деревень, где проживает большинство людей. Не исключено, что это может стать частью более общей тенденции переориентации государственной политики в области науки с оборонной промышленности на вопросы экологии и развития городов. Вероятно, потребуются новые подходы и новые учреждения, такие, например, как созданная недавно Европейская академия по экологии городов, разместившееся в Берлине. Упорядоченное развитие городов должно использовать достижение науки и технологии таким образом, чтобы экономический прогресс на местном уровне не наносил ущерба окружающей среде.

Глобальный вызов современности не сводится лишь к прогрессу науки, а предполагает ее интеграцию с другими видами знаний, причем в такой форме, которая была бы приемлема как с экологической, так и с социальной точки зрения. Необходима более сбалансированная политика в области науки, которая, продвигаясь вперед, заботилась бы не только о накоплении новых знаний, но и о сохранении приобретенных. Много говорят о том, что знания растут экспоненциально, что 90% нынешних знаний человечеством приобретено за последние 30 лет; если определить знания как способность к устойчивому выживанию в окружающей нас среде, то, как доказывает Синдинг-Ларсон (1991), скорее можно утверждать, что за последние 30 лет человечество утратило 90% своих знаний.

Новая парадигма устойчивого развития обеспечивает рамки для прогресса науки и других видов знаний в более холистической манере. Индустриальный рост сделал чрезмерный упор на знания, облеченные в конкретную форму, которые можно выражать и приобретать с соблюдением принятых правил и норм, то есть на знания научного и универсального характера. Увлечение подобными глобальными знаниями – наукой,

технологией, общечеловеческими ценностями – свойственно сторонникам модернизма. Однако если мы хотим понять наиболее фундаментальные человеческие потребности и природные системы, необходимо обратить внимание также на усвоение и распространение региональных знаний и региональных ценностей. Об этом должны позаботиться города, ибо это ключевой момент их развития, основанного на знаниях.

Построение в городах инфраструктуры знаний

Города должны играть важную роль в основанном на знаниях развитии; эта роль в основном сводится к тому, чтобы использовать знания на благо местной экономики. Источники знаний обычно связаны с определенной культурой и теорией, меняются медленно, а со временем все больше специализируются. При этом часто располагаясь в географической близости друг от друга, они не соприкасаются между собой. Другими словами, они существуют как пространственно разобщенные скопления. Связанные родственной, основанной на знаниях деятельностью, они порой не сознают в полной мере собственные характерные черты, коллективную силу или потенциальные возможности для развития. Их присутствие или концентрация на определенной территории еще не означает, что идея сближения пробила себе дорогу, что их главные достоинства в сфере знаний выявлены и усилены. Сам факт свидетельствует лишь о том, что имеются источники знаний, которые обладают потенциалом для развития.

Местные и региональные власти могут, например, взять на себя инициативу по выявлению территориальных скоплений родственных по характеру деятельности организаций и начать формировать городскую инфраструктуру знаний. Они обеспечили бы средства для улучшения горизонтальных контактов в рамках общины, облегчили бы доступ местным жителям к источникам знаний через расположенные в городе и регионе организации, а также повысили бы эффективность городской интеллектуальной инфраструктуры. Подобные меры снизили порог приобретения новых знаний, новаторских и творческих идей и расширили бы возможности для сближения различных типов организаций знаний в Делфте. Их следует осуществлять на местном уровне, ибо они должны быть ответом на возникший спрос и отвечать реальным потребностям.

Инфраструктуру знаний лучше всего создавать снизу, начав с местных территориальных скоплений, расширяя их до регионального уровня и затем, увязывая с национальными и международными структурами, ответвлениями, ассоциациями, издательствами и т. д. Эта работа требует не только крупных ассигнований, но и времени, а также устойчивости и восприимчивости к меняющимся условиям. Как только подобные структуры бюрократизируются, они теряют свою ценность.

Первым шагом в построении местной инфраструктуры знаний должно быть выявление и классификация источников знаний в регионе с последующим распределением их по категориям, в зависимости от наличия совместных

интересов (основной вид деятельности, научные исследования, работа с кадрами, обучение, финансирование, изучение рынка и т. п.). Инвентаризация источников знаний и топология основанной на знаниях деятельности необходимы, ибо предпринимаемые меры должны быть спланированы с учетом конкретных обстоятельств.

Выявить территориальные скопления организаций знаний, практическая деятельность которых может быть увязана между собой, не так-то просто, поскольку они не всегда подпадают под одну и ту же шкалу профессиональных категорий. Очень часто эти скопления включают совершенно различные организации, охватывая самые разнообразные научные дисциплины, отрасли знаний, специальные службы высших учебных заведений, научно-исследовательские лаборатории, секции крупных промышленных компаний, малые и средние фирмы, мастерские, предприятия сферы обслуживания, правительственные ведомства, ассоциации, конторы и т. п.

Устойчивое развитие, контуры городской политики

Новая парадигма устойчивого развития обуславливает контуры политики, призванной демократизировать и гуманизировать науку. Однако это обстоятельство может быть в полной мере осознано только в том случае, если города вновь подтвердят свою цивилизаторскую миссию. Старая парадигма индустриального роста делала чрезмерный упор на науку, технологию, знания, которые можно было бы овеществить, приобрести формальным путем, применять в промышленном производстве и использовать для создания глобальной прибавочной стоимости, то есть выделяла знания научного и универсального характера. Увлечение подобными глобальными знаниями, которое нетрудно понять с точки зрения житейской логики, – девиз сторонников модернизма. Между тем, если нас заботят фундаментальные человеческие потребности и естественные системы, если мы стремимся сделать развитие устойчивым, нужно так же использовать местные знания и местные ценности. Это необходимо для современного развития городов и регионов.

Глобальным знаниям всегда уделялось больше внимания, чем знаниям местным, – так было проще для властей. Более того, в промышленном, материалистическом и потребительском обществе глобальные знания – главный источник силы, влияния и престижа. Местные знания могут обладать большой ценностью на местном уровне и сохранять важное значение для устойчивого развития, однако они, как правило, имеют низкую стоимость в денежном выражении. Следует также отметить, что значительная часть местного знания носит подсознательный характер, его нельзя выразить прямо или приобрести формальным путем в процессе обучения. Однако ему можно придать художественную форму и постигнуть в категориях искусства. Именно поэтому местное знание ценится выше в обществах с богатой духовной жизнью, чем в потребительских обществах.

В настоящей статье отстаивался тезис о том, что глобальное знание следует объединить с локальным знанием и что лучше всего это сделать на

уровне города и региона. Будущее городов зависит от их жизнестойкости и целостности, что могут обеспечить только сами города. Именно города и регионы должны проявить большую ответственность в отношении местного знания, соединяя глобальные знания с местной культурой и сохраняя местные знания. Чтобы развитие было действительно устойчивым, города должны вновь подтвердить свою цивилизаторскую миссию, и вместо того, чтобы формироваться под влиянием глобальных сил, они должны планомерно развиваться по инициативе местных властей, организаций и граждан, а устойчивое развитие должно стать содержанием каждодневной политики.

ПАРК РОБЕРТ

ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

*«Социологическое обозрение» – Том 2. – № 3. – 2002 Перевод с английского
С. П. Баньковской*

I. Человеческая природа и город

Город всегда описывали как естественное обиталище цивилизованного человека. Именно в городе человек создал философию и науку и стал не просто рациональным, но утонченным животным. Это, стало быть, означает, что именно в городской среде – в мире, который человек сам себе создал – человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей. Ибо город и городская среда представляют собой наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями. Но если город – это сотворенный человеком мир, то это мир, в котором ему и приходится теперь жить. Таким образом, сотворив город, человек, невольно и не представляя себе отчетливо смысла этой работы, преобразил самого себя. Примерно в этом смысле и в такой связи мы представляем себе город как социальную лабораторию.

По сути дела в наших современных городах цивилизация и социальный прогресс приобрели характер некоего контролируемого эксперимента. Прогресс стремится к такому состоянию, когда, например, принятию законов предшествует сбор и анализ фактов, когда реформы осуществляются экспертами, а не любителями. Социальные обследования и различного рода муниципальные исследовательские конторы – свидетельство той политики, которая стала, скорее, эмпирической, нежели доктринерской.

Социальные проблемы в основе своей – проблемы города. В условиях города с его свободой достижение социального порядка и социального контроля, сопоставимого с тем, который естественно развивался в семье, в клане, в племени, становится проблемой. Цивилизованный человек – это, так сказать, наиболее позднее явление. С точки зрения длительной исторической перспективы город и городская жизнь появились сравнительно недавно.

Человек вырос и получил большинство своих врожденных и естественных черт в той среде, в которой живут и животные, в непосредственной зависимости от природного мира. В водовороте перемен, которые повлекло за собой появление города и гражданской жизни, человек так и не сумел сколько-нибудь основательно приспособиться биологически к своему новому окружению. До тех пор, пока человек жил в пределах своего племени, обычай и традиция обеспечивали его решениями на все случаи повседневной жизни, а власти вождей было достаточно, чтобы противостоять потрясениям, случавшимся в относительно стабильном существовании. Однако человеческие возможности расширились с появлением городского сообщества. Новый социальный порядок предполагал новую свободу и более широкое разделение труда; город стал центром и средоточием социальных изменений, которые постепенно умножались и усложнялись до того, что сегодня каждый большой город является локальным центром мировой экономики и цивилизации, в котором локальные и племенные культуры, постоянно смешиваясь, вскоре вовсе исчезнут.

В городе, где обычай вытеснен общественным мнением и позитивным законом, человек вынужден жить, скорее, своим умом, нежели инстинктом или подчиняясь традиции. В результате появился человек индивидуальный – индивид – мыслящий и действующий. Крестьянин, который приезжает в город, чтобы работать и жить там, несомненно, освобождается от контроля обычаев своих предков, но вместе с тем его больше не поддерживает коллективная мудрость крестьянской общины. Он теперь сам по себе. Случай с крестьянином является типичным. Каждый человек в городе в той или иной степени – сам по себе. И как следствие, пересаженный в город человек до такой степени становится проблемой для самого себя и для общества, как никогда раньше. Предшествующий этому порядок, покоившийся на обычае и традиции, был абсолютным и священным. К тому же он был чем-то вроде самой природы; он вырастал естественным образом, и люди принимали его таким, как есть, как они принимали погоду или климат, – как часть естественного порядка вещей. Однако новый социальный порядок является более или менее искусственным образованием – артефактом. Он не естественен и не священен, но прагматичен и экспериментален. Под напором практической необходимости образование перестало быть исключительно формой социального ритуала, политика стала прикладной, религиозная вера теперь, скорее, – поиск, а не традиция, то, что должно быть обретено, а не просто получено.

Естественные науки возникли в попытках человека добиться власти над внешней, физической, природой. Социальные науки сегодня стремятся к тому, чтобы посредством тех же методов отстраненного наблюдения и исследования дать человеку власть над самим собой. Поскольку именно в городе возникла политическая проблема (т.е. проблема социального контроля), то именно в городе ее и следует изучать.

II. Первые локальные исследования

Если в последнее время социальные науки и приобрели реалистический и объективный характер, то этим они более всего обязаны локальным исследованиям, тщательно и подробно изучавшим человека в среде его обитания и в тех условиях, в каких он реально живет.

Первые такие исследования были, как и следовало ожидать, более практическими, нежели теоретическими. Это были обследования жилищных условий и здоровья, бедности и преступности. Они стали основой для целого ряда реформ: аренды жилья, строительства игровых площадок, текущей статистики. Они пробудили новый, романтический, интерес к трущобам. Появилась новая литература, повествующая о жизни других людей и в то же время дающая представление о том, что бедные и иммигранты – такие же люди, как и мы.

Социальные поселения, созданные, примерно, в конце XIX века в Англии и Америке, стали основными объектами обследований и подробного, ближайшего рассмотрения социальных условий в тех городских районах, которые до того времени оставались для всех *terra incognita*, за исключением настоящих первопроходцев социологии города – политиков и полиции.

В 1895 году Джейн Адамс и ее коллеги опубликовали в Чикаго *Hull House Maps and Papers*, а несколькими годами позже Роберт Вудс в Бостоне выпустил *The City Wilderness and Americans in Process*. Эти работы были признаны в своем роде образцами исследования и заложили основания дальнейших более систематических и подробных исследований. Среди последних особого внимания заслуживает ряд работ, посвященных жилищным условиям в Чикаго, начатых в 1908 году под руководством Софонизбы Брекинридж и Эдит Эббот по поручению главного санитарного инспектора Чикаго в отделе социальных исследований (*Russel Sage Foundation*) Чикагской школы города и благотворительности (*Chicago School of Civics and Philanthropy*). В этих первых исследованиях изучались жилищные условия холостяков, семей в меблированных комнатах, Западный Чикаго, Южный Чикаго в районе сталелитейных заводов, проблемы негров, итальянские, словацкие, литовские, греческие кварталы.

В то же время, примерно в 1888 году, Чарльз Бут начал свое эпохальное исследование жизни и труда в Лондоне, за которым последовало, в 1901 году, менее фундаментальное исследование бедноты в Нью-Йорке, сделанное Рантри. По большому счету это – монографические исследования. Самой характерной их чертой были решительные и порой, пожалуй, даже педантичные попытки свести описательные суждения исследователей и наблюдателей, навеянные впечатлениями, к более точным, обобщенным формулировкам статистических заключений. Так, Бут пишет: Если описывать, как я это сделал, улицу за улицей с их обитателями в этом огромном районе (Восточном Лондоне), исследовать дом за домом, семью за семьей во всех их живописующих деталях, записанных со слов непосредственных наблюдателей, тщательно заносивших все подробности в дневники, то невозможно усомниться в правдивости и

истинности этой информации. У меня нет сомнений в полноте моего материала. Я поражен его массивностью и полон решимости использовать только те факты, которым я могу придать количественное значение.

В каждой книжке наших записей лежит множество материала для душещипательных рассказов; но даже если бы я и обладал способностью использовать их подобным образом (даром воображения, который называют «реалистическим»), я бы не хотел воспользоваться ею здесь. Тут и ужасающая нищета, лишения, голод, пьянство, жестокость и преступления – никто не сомневается, что все это есть. Но моя цель – попытаться показать, какое численное отношение имеет бедность, нищета и порок к регулярным доходам и относительному комфорту, и описать общие условия жизни каждого класса. Однако, не статистика Бута, но его реалистические описания действительной жизни различных (по роду занятий) классов – условий их труда и проживания, их страсти, свободное времяпрепровождение, их маленькие домашние трагедии, их жизненные философии, помогающие справиться с невзгодами, – сделали этот труд незабываемым и бесценным вкладом в наше знание человеческой природы и общества. В конечном итоге эти тома дают нам тщательное и подробнейшее описание периода развития современной цивилизации, представленного в жизни лондонского рабочего в конце XIX века. Эти тома составили большое социологическое исследование и стали историческим документом. В Соединенных Штатах локальным исследованиям очень сильно способствовало создание Sage Foundation в 1906 году и опубликование результатов Питтсбургского обследования в период с 1909 по 1914 год. Пол Келлог и его сотрудники выбрали для исследований Питтсбург потому, что видели в нем невероятно яркий образец того, как формируются силы и тенденции, характерные для стремительного роста индустриальной жизни в Америке.

Питтсбург был явно и исключительно промышленным городом. Америка переживала промышленный переворот. Питтсбург стал клиническим материалом для изучения американской цивилизации. Представилась возможность наглядно показать, на примере одного города, как промышленная организация того времени повлияла на личную и культурную жизнь его обитателей. Это и было целью предпринятого обследования. Питтсбургское обследование пришлось ко времени. Оно появилось, когда во всех уголках Соединенных Штатов мыслящие люди искали решения проблем, с которыми уже не справлялись традиционные технологии, воплощенные в формы традиционной партийной политики. Это было время, когда реформы стремились выйти за рамки политики, т.е. за рамки партийной политики. Питтсбургское обследование предоставляло новый метод для политического образования и коллективного действия в решении локальных проблем, метод, который не поднимал партийных вопросов и не содержал ничего революционного, вроде смены местного управления.

Социальные обследования с этих пор стали модными, и подобного рода локальные исследования предпринимались во всех частях страны. На широкий

круг интересов, оказавшийся в поле их зрения, указывает предмет исследования некоторых наиболее значительных обследований. Примерами могут служить: Спрингфилдское обследование, которое покрывало целую область социальной политики (общественное здоровье, образование, социальные службы в их многочисленных видах), Обследование уголовного законодательства в Кливленде, опубликованное в 1922 году, и исследование расовых отношений в Чикаго после расовых волнений, опубликованное в том же году под названием “Негры в Чикаго”. Эти обследования, как и любые региональные исследования, носили черты локальной и современной истории. Они подчеркивали то, что уникально и индивидуально в исследуемых ситуациях. Но, в то же время, они представляют собой и монографические исследования. Ситуация в отдельном городе описывается в понятиях, которые делают ее сопоставимой с ситуациями в других городах. Обследования не предлагали широко обоснованных обобщений, но предоставляли массу материала, вызывающего вопросы и выдвигающего гипотезы, которые затем могли быть исследованы статистически и сформулированы в количественных понятиях.

III. Городское сообщество

Во всех, или в большинстве этих обследований достаточно ясно проводится мысль о том, что городское сообщество, по мере своего роста и организации, представляет собой совокупность тенденций и событий, которые могут быть концептуально описаны и могут стать предметом независимого исследования. Эти исследования достаточно четко дают понять, что город – это особая организация с типичной биографией, и что отдельные города обладают достаточным сходством, чтобы знание, полученное об одном городе, могло считаться (до некоторой степени) истинным и для других городов. Такое представление о городе стало центральной темой целого ряда специально подготовленных исследований городского сообщества в Чикаго, часть которых уже опубликована, а другие находятся в процессе подготовки к публикации. Три из этой серии исследований – The Hobo Нельса Андерсона, The Ghetto Луиса Вирта и The Gold Coast and the Slum Харви Зорбо – посвящены исследованию так называемых естественных зон города. The Hobo: A Study of a Homeless Man (Бродяга: исследование бездомного человека) уникально, поскольку изучает работника, не имеющего регулярного заработка, в его среде, т.е. в районе города, где интересы и привычки таких рабочих-по-случаю были, так сказать, институционализированы. The Ghetto (Гетто) в свою очередь, – это исследование еврейского квартала, но в то же время это и история развития своего рода института еврейской жизни, который появился и расцвел в Средние века и сохранился в некотором виде и по сей день. А сохраниться ему удалось, потому что он выполнял определенную социальную функцию, позволяющую двум не ассимилированным народам жить вместе, участвовать в одной экономике, сохраняя при этом свою расовую и культурную целостность. The Gold Coast and the Slum (Золотой Берег и трущоба) – это исследование северного района города, который является не столько естественной зоной,

сколько скоплением естественных зон, включая «Маленькую Сицилию» и «Золотой берег», а также обширную зону доходных домов между ними. Район называется «естественной зоной» потому, что появляется не запланировано и исполняет определенную функцию, хотя эта функция может и противоречить чьим-либо планам (как это бывает в случае с трущобами). Естественная зона имеет свою естественную историю. Существование таких естественных зон, каждая из которых исполняет свою особую функцию, указывает на то, чем оказывается город при более подробном анализе – не просто артефактом, как это было принято считать ранее, но в определенном смысле организмом.

Город, по существу, является констелляцией естественных зон, каждая из которых имеет свою специфическую среду и свою особую функцию в городской экономике в целом. Характер соотношения различных естественных зон города наиболее четко обнаруживается в отношении «город – пригород». Очевидно, что пригороды большого города являются просто продолжением городского сообщества. Каждый пригород, выталкиваемый в открытые просторы, отличается по своему характеру от любого другого пригорода.

А метрополис, таким образом, представляет собой огромный движущий и сортирующий механизм, который еще не вполне понятными способами безошибочно отбирает людей, более всего пригодных для проживания в том или ином районе и в той или иной среде. Чем крупнее город, тем больше у него пригородов, и тем более определенен их характер. Город растет в ходе экспансии, но он приобретает свой особый характер в ходе селекции и сегрегации своего населения; так, что каждый индивид непременно находит место, где он может жить, или же – где он должен жить. В результате недавних исследований в Чикаго обнаружилось, до какой невероятной степени может развиваться такая сегрегация. В Чикаго есть районы, где почти нет детей, есть районы, где половина мальчиков-подростков хотя бы раз в год регистрировались в полицейских участках как правонарушители; есть районы, где не бывает разводов, а есть такие, где процент разводов выше, чем в любой другой административной единице Соединенных Штатов (за одним исключением).

Соотношение возрастных и половых групп значительно варьирует в различных частях города, и эти вариации являются зависимыми показателями других – культурных – различий в составе населения. Из этого, однако, не следует, что население различных естественных зон города можно описывать как однородное. Люди вообще живут вместе не потому, что они похожи, но потому, что они нужны друг другу. Это в особенности верно для больших городов, где социальные дистанции сохраняются несмотря на географическую близость, и где каждое сообщество, вероятнее всего, состоит из людей, проживающих вместе и связанных отношениями, которые, скорее, можно описать как символические, нежели социальные.

Но с другой стороны, каждое сообщество представляет собой в определенной степени независимое культурное образование, со своими стандартами, представлениями должном, о приличиях и о том, что достойно

уважения. По мере того, как человек взрослеет, или ввязывается в борьбу за статус в сообществе, он непременно перемещается из одного района в другой – возносится на Золотой Берег или опускается в трущобы, или, возможно, занимает вполне сносное положение где-то между ними. В любом случае, он знает, как более или менее успешно приспособиться к условиям и к правилам того района, куда он попадает.

Регистрационные записи в социальных агентствах и других подобных учреждениях позволяют и дальше проследить миграции отдельных индивидов и семей и получить информацию относительно их субъективных переживаний, установок и умонастроений, взглядов на жизнь, а важнее всего – их изменяющиеся представления о себе самих, соотносимые с их перемещениями из одной среды в другую. Опубликованные в последнее время многочисленные истории жизни иммигрантов предоставляют материал как раз этого рода. Чем больше мы понимаем установки и истории жизни индивидов, тем больше мы узнаем сообщество, в котором они живут. С другой стороны, чем больше мы знаем среду, в которой обитает (или обитал) индивид, тем более понятным становится для нас его поведение. Это так, поскольку, если темперамент является врожденным, то характер и привычки формируются под влиянием среды.

По сути дела, большинство наших обычных поведенческих проблем фактически решается (если решается вообще) за счет перемещения индивида из той среды, где он ведет себя плохо, в ту среду, где он ведет себя хорошо. И здесь, опять же, социальная наука достигла того уровня, который, можно считать, приближается к лабораторному эксперименту. Для такого рода экспериментальных целей город с его естественными районами становится «системой координат», т.е. инструментом для контроля наших наблюдений над социальными условиями и их отношением к человеческому поведению.

IV. Индивид

Благодаря присущей обществу и социальным отношениям природе, мы обычно обнаруживаем, что наши социальные проблемы олицетворены в отдельных личностях и в поведении отдельных индивидов. Именно поэтому социальные проблемы зачастую сводятся к проблемам индивидуального поведения, а поскольку социальные отношения в конечном счете и по сути являются личностными отношениями, то установки и поведение индивидов выступают основными источниками нашего знания об обществе.

Город всегда был неиссякаемым источником клинического материала для изучения человеческой природы, поскольку он всегда был источником и средоточием социального изменения. В совершенно стабильном обществе, где человек достиг полного биологического и социального равновесия, вряд ли возникнут какие-либо социальные проблемы, а тревоги, душевные конфликты и чаяния, подстегивающие цивилизованного человека напять все свои силы и тем самым превращающие его в проблему для общества и для самого себя, отсутствуют.

Видимо как раз с тех, кого Зиммель называл внутренними врагами – бедных, преступников и душевнобольных, – и начались исследования личности. Но лишь совсем недавно бедность и преступность, равно как и сумасшествие, стали учитываться как проблемы личности и поведения. Сегодня можно утверждать, что социальная служба признана в качестве отрасли медицины, и так называемый психиатрический социальный работник заменил собой, или, по меньшей мере, дополнил, сочувствующего посетителя. Надзирающий за условно осужденными, надомный учитель, заведующий общественной детской площадкой – все они получили новый профессиональный статус по мере того, как было признано, что социальные проблемы – в основе своей проблемы поведения. Изучение проблем личности получило новый стимул, когда в Чикаго, в 1899 году, был организован первый в Соединенных Штатах суд для несовершеннолетних. Суды для несовершеннолетних сразу же стали клиниками поведения (в той мере, в какой это практиковалось при обстоятельствах их возникновения). Отпуская малолетнего преступника

на поруки, под наблюдение надзирающего должностного лица, они как бы предлагали ему участвовать в эксперименте, целью которого была его собственная реабилитация. Только с образованием Психопатического института для несовершеннолетних вместе с Чикагским Судом для несовершеннолетних стали возможными те самые систематические исследования Хили, которые легли в основу знаменитой книги

«Индивидуальный преступник» (The Individual Delinquent), опубликованной в 1915 году. За ней последовали такие же исследования в Бостонском Фонде Судьи Бейкера и учреждение подобных же институтов для изучения детей и так называемого клинического поведения во всех уголках страны, а именно: Исследовательская лаборатория благосостояния детей в университете Айовы, Институт благосостояния детей в университете Миннесоты, Институт исследования благосостояния детей в Учительском колледже в Нью-Йорке, Институт сопровождения детей и поддерживаемая местными властями клиника сопровождения детей, учрежденная в результате осуществления программы Фонда Содружества по Предотвращению несовершеннолетней преступности в Сент-Луисе, Далласе, Лос-Анджелесе, Миннеаполисе, Сент-Паоле, Кливленде и Филадельфии.

Исследования преступности несовершеннолетних и поведенческих проблем в целом были основаны на прочном фундаменте и в Чикаго, когда в 1926 году доктор Герман М. Адлер организовал Фонд Исследований поведения (Behavior Research Fund). Доктор Адлер собрал вместе большую группу студентов и экспертов, запустил административный механизм фиксирования точных научных данных, как психиатрических, так и социальных, которые, по мере их накопления, создали базу данных и информации, которая теперь обрабатывается в ходе статистического анализа и дает невероятно важные результаты. Исследования Института исследований подростков и Фонда исследований поведения в определенном смысле уникальны. Они являются

одновременно и психиатрическими, и социальными исследованиями, т.е. не просто исследованиями индивида и его поведения, но и его среды, а также ситуации, реакцией на которую и является его поведение.

Это и есть реализация в форме определенной программы концепции, ставшей темой ряда конференций, проводимых психиатрами и представителями других социальных наук, с целью определения соотношения психиатрических и социальных исследований и установления роли, которую могла бы сыграть психиатрия в сотрудничестве с социальными науками для изучения и разрешения социальных проблем.

И теперь уже нет сомнений (если они когда-либо и были) в том, что представление индивида о себе самом, роль, которая ему отведена в обществе и, наконец, характер, который он приобретает, в большой степени определяются характером ассоциаций, в которые он вступает, а в целом – миром, в котором он живет. Город – это комплекс таких миров, которые соприкасаются, но никогда полностью не взаимопроникают.

Различия между городскими районами в отношении типа и характера социальной жизни, которую они поддерживают, несомненно настолько же велики, как и стандарты жизни, которые в них сохраняются, или как цена на землю, на которой они расположены.

Ряд важнейших локальных исследований, предпринятых в Чикагском университете, ставит своей целью разграничение и характеристику всех значительных зон города. Эти исследования основываются на предположении, что более полное знание локальных образований и населяющих их людей прольет новый свет на огромные различия между зонами города по количеству и уровню разводов, преступности, (в том числе несовершеннолетней) и по другим признакам социальной дезорганизации. Результаты этой работы могут быть полезными любому социальному агентству, которое непосредственно (или косвенно) занимается этими проблемами. Но если еще более четко определить условия проводимого в настоящее время социального эксперимента, то это придаст городу характер социальной лаборатории в несколько более реалистическом смысле, чем это было до сих пор.

V. Институты

Город стал предметом исследования в самых различных отношениях. Уже существует обширная литература по географии города, есть множество исследований, рассматривающих город как физический объект, включая исследования жилищных условий, городского планирования и муниципального проектирования. Н.С. Б. Грас в своем «Введении в экономическую историю» сделал город центральной темой в истории экономики, которая развивалась постадийно – от деревни, небольшого города, к сегодняшней экономике метрополиса. По сути дела экономическая история приобретает новое значение, когда она написана с экологической и региональной точки зрения, и когда город с его рынком трактуется как центр постоянно расширяющейся области,

которую он непрерывно консолидирует и на которую он распространяет свой контроль и господство.

Политические и административные проблемы городов стали занимать важное место в политической науке, и значение это возрастало с ростом населения городов, с увеличением их сложности и усилением их влияния.

Городское сообщество является, наконец, (поскольку оно сейчас, как и всегда было плавильным котлом рас и культур) регионом возникновения новых институтов по мере упадка старых, их преобразования и исчезновения.

Семья, по крайней мере, по своему происхождению, не является, видимо, институтом. Скорее она – первейшая и простейшая форма общества, форма, сохранившаяся, несмотря на постоянные преобразования под воздействием изменяющихся обстоятельств наполненного событиями человеческого развития. Семья, очевидно, сформировала основной образец для любого типа цивилизации, за исключением нашей. Западная цивилизация основывается на городе, на полисе, как его называли греки, и по своему происхождению является, скорее, политической, нежели семейной. Общества, организованные на родоплеменной основе, на обычае и на семейных узах в городах-государствах Греции и Рима были вытеснены обществами, основанными на гражданских правах и политической организации.

В настоящее время семья находится в процессе изменения и дезинтеграции практически во всех частях цивилизованного мира, включая и регионы, где она наиболее долго продержалась в своей изначальной форме, – в Японии и Китае. Эти изменения семейного уклада, однако, более стремительно развиваются в городах, чем где бы то ни было еще. Этим изменениям способствует все, что составляет особенности городской жизни, – мобильное население, широкое разделение труда, распространение и умножение муниципальных институтов и различного рода социальных удобств. Школы, больницы и многочисленные частные агентства, предлагающие услуги, постепенно взяли верх, перехватывая функции, когда-то исполняемые дома, в семье, и тем самым способствовали упадку этого древнего института и снижению его социальной значимости.

И если старые формы семьи в городской среде переживают упадок, то именно в городе имеет место большинство экспериментов по выведению новых форм семейной жизни. Именно поэтому наиболее успешно изучать институт семьи можно как раз в городах, а не где бы то ни было еще.

Город и те условия жизни, которые он диктует, очень сильно способствуют секуляризации всех аспектов социальной жизни, и это глубоко отразилось на организации церкви. В последнее время было проведено множество локальных исследований городских и сельских церквей, но до сих пор не было исследований, показывающих степень изменений, затронувших структуру и функции церкви как социального института. Однако несомненно, что эти изменения происходят, и что по мере роста интереса к изучению цивилизованного человека и развития методов таких исследований, как это

имеет место в отношении первобытного человека, изменения в современных религиозных институтах приобретут то значение, какого они пока не имеют.

В последние годы, в особенности в Чикаго, профессор Чарльз Мерриэм инициировал и вдохновил поиски более реалистического подхода к изучению действующих в условиях современного города политических процессов.

Широко трактуемый политический процесс представляет собой нечто гораздо большее, чем формулирование законов законодателями и их интерпретирование судами. Он включает в себя целый цикл событий, который начинается с некоторого общего беспокойства, благодаря которому и появляются политические проблемы, и заканчивается принятием нового правила поведения на уровне нравов и обычаев сообщества. Пользуясь выражением, которое У. А. Томас сделал широко известным, такое изменение можно назвать новым определением ситуации. Политический процесс включает в себя публичное обсуждение и определение проблем; формирование и выражение общественного мнения; выборы законодателей, оформление и приведение в действие законодательства; интерпретацию и использование закона и, наконец, общее принятие и молчаливое признание действия закона сообществом.

Таким образом, закон фактически переходит в обычай и закрепляется в привычках сообщества. Политический процесс включает в себя все действия правительства, а поскольку общество по сути своей есть организация социального контроля, то он охватывает, в конечном счете, все аспекты социальной жизни. Организация бюро муниципальных исследований в Нью-Йорке, Чикаго и других городах, недавние исследования администрации уголовного права в Кливленде и Сент-Луисе указывают на прогресс и направление исследований в этой области.

Исследования группы политологов в Чикагском университете показательны не только в отношении сдвига в сторону более реалистического восприятия политического процесса, но и в отношении попыток использовать научные методы в описании и предсказании политического поведения, как это сделано в уже опубликованных исследовательских проектах «Неголосующие» Чарльза Мерриэма и Гарольда Госнела, «Выход из голосования» Г. Госнела, «Первичные выборы в Чикаго в 1926 году: Исследование методов выбора» Кэрол Вуди, «Картер Харисон: исследование политического лидерства» Ч. Джонсона, «Городской менеджер» Леонарда Уайта.

Самнер утверждает, что существуют два типа институтов: 1) те, которые вырастают, и 2) те, которые приводят в действие. Но институты не только приводят в действие; их, скорее, открывают и изобретают. Поначалу кажется, что институты всегда вырастают сами, но они растут обычно путем накопления и приращения особых изобретений. То, что делает город местом, особенно выгодным для исследования институтов и социальной жизни вообще, – это тот факт, что в городских условиях институты растут очень быстро. Они растут прямо у нас на глазах, и процесс их роста открыт для наблюдения и, таким образом, – для эксперимента.

Есть и еще один факт, делающий город предпочтительным местом для исследований социальной жизни и придающий ему качество социальной лаборатории: это то, что в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается. В городе, на свободе, каждый индивид, каким бы эксцентричным он ни был, непременно находит ту среду, в которой он может развить и каким-либо образом проявить особенности своей природы. И маленькое сообщество иногда терпит эксцентричность, но город зачастую и вознаграждает ее. Несомненно, город притягивает тем, что здесь любой тип индивида – будь то преступник или попрошайка, равно как и гений – всегда найдет подходящую компанию, и порок или талант, сдерживаемый в более тесном кругу семьи или в более узких рамках малого сообщества, обнаруживает здесь моральный климат, в котором он расцветает.

А в целом, все заветные чаяния и все подавленные желания находят в городе то или иное выражение. Город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это и привлекает, или даже притягивает, в город. И именно это делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества.

ПАРК РОБЕРТ

ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОНФИГУРАЦИЯ И МОРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Park R. E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // Park R. E. Human Communities. The City and Human Ecology. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952. P. 165-177. Перевод с английского В. Николаева. Центр фундаментальной социологии, 2006

Около тридцати лет назад профессор Эугениус Варминг из Копенгагена опубликовал небольшую книжку «Растительные сообщества» (Plantесamfund). Варминг привлек внимание к тому, что разные виды растений образуют постоянные группы, которые он назвал сообществами. Оказалось, что растительные сообщества проявляют много черт, роднящих их с живыми организмами. Они складываются постепенно, проходят в своем развитии через определенные стадии и, наконец, разрушаются, уступая место другим сообществам, отличным от них.

Эти наблюдения явились отправной точкой для целого ряда исследований, которые социологи именуют экологией человека.

Постольку экология пытается описать действительное распределение растений и животных на земной поверхности, то в некотором смысле она является географической наукой. Однако экология человека не тождественна географии. Не отдельный человек, а сообщество; не связь человека с землей, на которой он обитает, а его связь с другими людьми – вот что нас больше всего интересует.

В пределах каждого естественного ареала распределение популяции имеет тенденцию принимать определенные и типичные конфигурации. Каждая локальная группа представляет более или менее определенную констелляцию индивидуальных единиц, ее образующих. Форма, которую эта констелляция принимает, или, иначе говоря, положение каждого индивида в сообществе по отношению к любому другому индивиду, образует то, что Дюркгейм и его последователи называют морфологическим аспектом общества.

Экология человека, как ее понимают социологи, стремится вынести на передний план не столько географию, сколько пространство. В обществе мы живем не только вместе, но в то же время по отдельности, и человеческие отношения всегда можно рассчитать с большей или меньшей точностью в терминах дистанции (выделено – Л.Р.). Поскольку социальная структура может быть определена через позиции, социальные изменения можно описать в терминах движения; и общество в одном из своих аспектов проявляет такие свойства, которые можно измерить и описать в математических формулах.

Локальные сообщества можно сравнивать с точки зрения ареалов, которые они занимают, и с точки зрения относительной плотности населения в этих ареалах. Однако сообщества не являются простыми скоплениями населения. Города, особенно крупные, где отбор и сегрегация населения зашли наиболее далеко, проявляют ряд морфологических свойств, не встречающихся в меньших по размеру популяционных агрегатах. При прочих равных условиях в более крупном сообществе разделение труда будет более широким.

Проведенное несколько лет назад исследование имен выдающихся людей, включенных в справочник *Who's Who*, показало, что в одном крупном городе (Чикаго), помимо приведенных в каталоге переписи 509 родов занятий, еще 116 классифицировались как профессии. Число профессий, требующих специальной и научной подготовки для географов, вероятно, мало интересует социальная морфология как таковая. В свою очередь, социологов она очень интересует. Географы, как и историки, традиционно интересовались больше действительным, чем типическим. Где вещи действительно располагаются? Что действительно произошло? Вот вопросы, на которые пытались ответить география и история.

Показатель и критерий интеллектуальной жизни сообщества, которая измеряется не только общим уровнем познаний среднего гражданина и даже не только средним для сообщества коэффициентом интеллекта, но и степенью, в какой для решения проблем сообщества в таких сферах, как здравоохранение, промышленность и социальный контроль, применялись рациональные методы. Одна из причин, почему города всегда были центром интеллектуальной жизни, состоит в том, что они фактически навязали индивидуализацию и диверсификацию задач. Только когда каждый индивид оказывается вынужденным сосредоточивать свое внимание на какой-либо узкой области общего человеческого опыта, только когда он приучается прилагать свои

усилия на каком-то небольшом сегменте общей задачи, только тогда может поддерживаться та широчайшая кооперация, которую требует цивилизация.

В интересном докладе, прочитанном в 1922 г. в Вашингтоне на заседании Американского социологического общества, профессор Берджесс коротко описал процессы, сопровождающие рост городов. Обычно рост городов связывался с расширением территории и увеличением численности населения. Сам город отождествлялся с административной территориальной единицей, населенным пунктом; но город, который нас интересует, – это не официальная административная единица. Скорее, это продукт естественных сил, расширяющий свои границы более или менее независимо от тех пределов, которые навязываются ему политическими и административными задачами. Сейчас это общепризнанный факт, и в любом основательном исследовании города, рассматривается ли он как экономическая или как социальная единица, считается необходимым ориентироваться на естественные, а не официальные, городские границы.

Так, в исследованиях, проводимых городскими планировщиками под руководством Russell Sage Foundation, Нью-Йорк-Сити включает территорию размером 5500 кв. миль; сюда входят около сотни меньших административных единиц, городов и деревень с совокупным населением 9 млн. человек. Мы думали, что рост городов происходит за счет простой агрегации. Однако увеличение численности населения в любой точке городского ареала неизбежно отражается и ощущается в каждой другой части города. Степень такого отражения во многом зависит от характера местной транспортной системы. Расширение транспортной системы и умножение транспортных средств, связывающих окраины города с центром, обычно приводят к росту масштаба и частоты перемещений людей в центральный деловой район. Это усиливает скученность населения в центре и увеличивает высоту офисных зданий и цены на землю, на которой они стоят. Влияние цен на землю в деловом центре расходится концентрическими кругами из этой точки во все части города. Если цены на землю в центре стремительно растут, увеличивается диаметр непосредственно прилегающей к нему территории, которая удерживается для спекулятивных целей. Недвижимость, удерживаемая с целью спекуляции, обычно доводится до обветшания и становится трущобой; иначе говоря, превращается в район случайного и непостоянного населения, в зону грязи и запущенности, «благотворительных миссий и потерянных душ». Такие запущенные и иногда полностью заброшенные районы оказываются местами первого поселения иммигрантов. Здесь располагаются гетто и иногда богемные кварталы, «гринвичские деревни», где художники и радикалы ищут прибежища от фундаментализма и ротарианской буржуазности, да и вообще от всяких ограничений и притеснений мещанского мира. В каждом крупном городе обычно есть своя «гринвичская деревня», так же, как и свой Уолл-стрит.

Рост города включает в себе не просто прибавление численности, но и все те сопутствующие изменения и движения, которые неизбежно сопряжены с попытками каждого индивида найти свое место в хитросплетениях городской

жизни. Расширение новых районов, увеличение числа профессий и родов занятий, непредсказуемое возрастание цен на землю, – все это составляет процесс роста города и может быть измерено через изменение положения индивида по отношению к другим индивидам и к сообществу в целом. *Цены на землю, например, можно рассчитать через мобильность населения. Самые высокие цены существуют в тех местах, где в течение двадцати четырех часов проходит наибольшее количество людей* (выделено – Л.Р.).

Протяженность жизни сообщества в отличие от индивидов, которые его составляют, неограниченна. Мы знаем, что сообщества рождаются, расширяются, расцветают на какое-то время, а затем приходят в упадок. Для человеческих обществ это так же верно, как и для растительных сообществ. Мы до сих пор не знаем точно, каков ритм этих изменений. Мы знаем, что сообщество живет дольше, чем индивиды, его составляющие. И, по-видимому, это одна из причин неизбежного и постоянного конфликта между интересами индивида и сообщества, а также одна из причин, почему в растущем городе поддержание общественного порядка обходится дороже, чем в городе, находящемся в состоянии стагнации или упадка.

Каждое новое поколение должно научиться принаравливаться к порядку, который определяется и поддерживается главным образом старшими. Каждое общество навязывает своим членам определенную дисциплину. Индивиды растут, включаются в жизнь сообщества, наконец, выпадают из нее и исчезают. Но сообщество вместе с тем моральным порядком, который оно в себе воплощает, продолжает жить дальше. Жизнь сообщества, следовательно, заключает в себе своего рода метаболизм. Оно постоянно ассимилирует новых индивидов и столь же неумолимо – вследствие смерти или как-либо иначе – отторгает старых.

Но ассимиляция отнюдь не простой процесс; прежде всего, он требует времени. Проблема ассимиляции коренного уроженца – вполне реальна; это проблема воспитания детей в домах и подростков в школах. Но ассимиляция взрослых мигрантов – проблема более серьезная: это проблема обучения взрослого, к которой мы только в самое последнее время стали относиться, действительно ощущая ее значимость.

Есть и другой аспект, на который мы до сих пор почти не обращали внимания. Сообщества, в которых рост населения достигается за счет преобладания рождаемости над смертностью, и сообщества, население которых растет благодаря иммиграции, совершенно различны. Там, где рост обусловлен иммиграцией, социальные изменения протекают быстрее и являются более глубокими. С одной стороны, быстрее растут цены на землю; замена зданий и техники, движение населения, изменения в занятости, рост благосостояния, радикальные изменения в социальном положении – все происходит быстрее. В общем и целом, общество стремится приблизиться к тем условиям, которые ныне считаются характерными для фронта.

В обществе, в котором происходят масштабные и быстрые изменения, возрастает потребность в общественном просвещении такого рода, которого мы

обычно достигаем с помощью прессы, дискуссии и разговора. С другой стороны, поскольку личное наблюдение и традиция, на которых базируются здравомыслие и более систематичные исследования науки, не поспевают за изменениями в условиях жизни, появляется то, что Огборн назвал феноменом «культурного отставания». Наши политические познания и здравый смысл не соответствуют действительным изменениям, происходящим в нашей общей жизни. Результатом, по-видимому, становится то, что публика чувствует себя плывущей по течению, и в то время, как число законодательных актов постоянно увеличивается, действительный контроль неудержимо падает. По мере того как публика осознает тщетность законодательных установлений, рождается спрос на более решительные действия, находящий свое выражение в стихийных массовых движениях, а нередко и вовсе в простых и грубых бесчинствах толпы. Таковы, например, линчевания в южных штатах и расовые волнения на Севере. Поскольку эти беспорядки никак не связаны с движениями населения – а недавние исследования расовых бунтов и линчеваний показывают, что так оно и есть, – изучение того, что мы назвали социальным метаболизмом, может дать нам если уж не объяснение, то хотя бы свидетельство феномена расовых волнений.

Одним из побочных результатов роста сообщества являются социальный отбор и сегрегация населения, а также создание, с одной стороны, естественных социальных групп и, с другой стороны, естественных социальных ареалов. Мы осознали этот процесс сегрегации в случае иммигрантов, особенно в случае так называемых исторических рас, т. е. народов, которые – независимо от того, иммигранты они или нет, – отличаются от остальных расовыми признаками. Чайнатауны, Маленькие Сицилии и прочие так называемые «гетто», с которыми хорошо знакомы исследователи городской жизни, представляют собой особые разновидности более общего типа естественных ареалов, которые неизбежно создаются условиями и тенденциями жизни города.

Подобные сегрегации населения происходят, во-первых, на основе языка и культуры и, во-вторых, на основе расы. В пределах этих иммигрантских колоний и расовых гетто неизбежно протекают и другие процессы отбора, которые порождают сегрегацию, базирующуюся на профессиональных интересах, интеллекте и личных амбициях. В результате более проницательные, энергичные и амбициозные люди очень быстро покидают свои иммигрантские колонии и гетто и переезжают в ареал второго иммигрантского поселения или в многонациональный район, где бок о бок проживают представители нескольких иммигрантских и расовых групп. По мере того как узлы расы, языка и культуры все более и более ослабевают, удачливые индивиды находят себе места в бизнесе, овладевают профессиями и оказываются среди старейшей группы населения, которая уже не отождествляется с каким-либо языком или расой.

Дело в том, что изменение рода занятий, личный успех или фиаско – короче говоря, изменения экономического и социального статуса – обычно выражаются в изменениях местоположения. Физическая (или экологическая) организация сообщества в долгосрочной перспективе реагирует на

профессиональную и культурную организацию и становится ее отражением. Социальный отбор и сегрегация, создающие естественную группу, определяют и естественные ареалы города.

Современный город отличается от древнего. Древний город вырастал вокруг крепости; современный – вырос вокруг рынка. Древний город был центром региона, относительной самодостаточностью. Товары, которые в нем производились, предназначались главным образом для внутреннего потребления, а не для торговли за пределами локального сообщества. Современный город, в свою очередь, обычно является центром региона с очень высокоспециализированным производством, и вокруг него широко простирается соответствующая торговая зона. В этих условиях основные очертания современного города будут определяться (1) локальной географией и (2) маршрутами транспортных перевозок.

Локальная география, преобразованная железными дорогами и другими основными транспортными средствами, которые неизменно связаны с крупнейшими отраслями промышленности, определяет общие контуры городской планировки. Но эти общие контуры чаще всего дополняются и модифицируются еще одним распределением населения и институтов внутри центральных районов розничной торговли. В центре города магазины, отели, театры, дома оптовой торговли, офисы и банки обычно складываются в определенные конфигурации так, будто положение каждого здания в этом районе было заранее фиксировано и определялось соотношением со всеми другими.

И на периферии города промышленные и жилые пригороды, спальные районы и города-спутники словно каким-то естественным и неизбежным образом находят свои предопределенные места. В рамках территории, ограниченной с одной стороны центральным деловым районом, а с другой – пригородами, город имеет тенденцию принимать форму ряда концентрических кругов. Эти разные районы, расположенные на разных расстояниях от центра, характеризуются разными уровнями мобильности населения.

Зоной наибольшей мобильности, т. е. движения и изменения населения, является, естественно, сам деловой центр. Здесь расположены гостиницы, места проживания временных постояльцев. Если не учитывать немногих постоянных обитателей этих гостиниц, деловой центр, который и есть город *par excellence*, каждую ночь пустеет и каждое утро вновь наполняется людьми.

За пределами Сити, этого «города» в узком смысле слова, находятся трущобы, места обитания поденных рабочих и бродяг. На окраине трущоб, скорее всего, будут находиться районы, уже вступившие в процесс обветшания, «зоны доходных домов»; здесь обитают богемные типы, заезжие авантюристы всех мастей и неприкаянная молодежь обоих полов. Дальше от центра располагаются районы многоквартирных домов; это зона маленьких семей и гастрономов. И наконец, еще дальше расположены районы двухквартирных домов и частных особняков, где люди все еще имеют свои дома и растят детей (разумеется, это делается и в трущобах).

Типичное городское сообщество в действительности гораздо сложнее, чем видно из этого описания, а разным типам и размерам городов свойственны свои особые вариации. Главное, однако, состоит в том, что сообщество повсюду тяготеет к некоторому образцу (pattern) и этот образец неизменно оказывается констелляцией типичных городских ареалов, которые могут быть географически локализованы и пространственно определены. Естественные ареалы являются средами обитания естественных групп. Каждый типичный городской ареал, скорее всего, содержит характерную выборку из населения сообщества в целом. В больших городах расхождения в манерах поведения, жизненных стандартах и общих взглядах на жизнь в разных городских ареалах часто поражает воображение. Половозрастной состав, являющийся, пожалуй, самым важным показателем социальной жизни, удивительно различается в разных естественных зонах. В городе есть такие районы, в которых почти нет детей, например, районы, занятые гостиницами. Есть районы, в которых число детей относительно велико: в трущобах, в жилых пригородах среднего класса, куда обычно переезжают молодожены после того, как проведут медовый месяц в комфортабельных апартаментах в центре города. Есть и другие ареалы, почти целиком занятые молодыми неженатыми юношами и незамужними девушками. Есть районы, где люди почти никогда не приходят голосовать, кроме как на общенациональных выборах; районы, где уровень разводов выше, чем в любом штате, и другие районы в том же самом городе, где разводов почти не бывает. Есть районы, кишашие подростковыми бандами и спортивными и политическими клубами, в которые нередко вступают отдельные члены этих банд или банды в полном составе. Есть районы, где выходит за все мыслимые пределы уровень суицидов; районы, в которых, согласно статистике, повышенный уровень юношеской делинквентности; и районы, где всего этого почти нет.

Все это подчеркивает значение местоположения, позиции и мобильности как показателей, необходимых для измерения, описания, а в конечном счете и объяснения социальных феноменов. Бергсон определил мобильность как «всего лишь идею движения, которую мы формируем, когда мыслим его само по себе, когда мы, так сказать, от движения абстрагируем мобильность».

Мобильность является мерой социального изменения и социальной дезорганизации, так как социальное изменение почти всегда включает в себе некоторое сопутствующее изменение положения в пространстве, а всякое социальное изменение, даже то, которое мы описываем как прогресс, включает в себе некоторую социальную дезорганизацию. В докладе, на который я ранее уже ссылался, проф. Берджесс указывает, что различные формы социальной дезорганизации, по-видимому, приблизительно коррелируют с изменениями в городской жизни, которые могут быть измерены в терминах мобильности. Все это подталкивает пойти дальше.

Поскольку многое из того, к чему исследователи общества обычно проявляют интерес, тесно связано с положением, распределением и движениями в пространстве, то нет ничего невозможного в том, что всё,

обычно понимаемое нами как социальное, можно будет, в конечном счете, истолковать и описать в терминах пространства и изменений положения индивидов в пределах естественного ареала – иначе говоря, в пределах зоны состязательной кооперации. При таких интересных посылках, как эти, все социальные феномены могли бы стать предметом измерения, а социология действительно стала бы тем, что некоторые люди пытаются из нее сделать, а именно, ветвью статистики. Такая схема описания и объяснения социальных феноменов, если бы ее можно было реализовать без чрезмерного упрощения фактов, определенно стала бы счастливым решением некоторых фундаментальных логических и эпистемологических проблем социологии. Достаточно было бы свести все социальные отношения к пространственным отношениям, и стало бы возможно применить к человеческим отношениям фундаментальную логику физических наук. Социальные явления оказались бы сведены к элементарным движениям индивидов так же, как физические явления, химические реакции и свойства материи, тепла, звука и электричества сводятся к элементарным движениям молекул и атомов. Сложность состоит в том, что в кинетических теориях материи элементы полагаются неизменными. Это, разумеется, и есть то, что мы имеем в виду, когда говорим «элемент» или «элементарный». Поскольку единственными изменениями, с которыми считаются физические науки, являются изменения в пространстве, все качественные различия сводятся к количественным, и так образуется предмет, поддающийся описанию в математических терминах.

В случае человеческих и социальных отношений, в свою очередь, элементарные единицы – иначе говоря, индивиды (мужчины и женщины), которые вступают в эти различные комбинации, – явно подвержены изменению. Они настолько далеки от того, чтобы представлять собой гомогенные единицы, что их окончательная математическая трактовка представляется невозможной.

Общество, как заметил Джон Дьюи, существует в коммуникации и через коммуникацию, а коммуникация не содержит такого преобразования энергии, какое, видимо, происходит между индивидуальными социальными единицами, например, при внушении или подражании – этих двух состояниях, к которым социологи в разное время пытались свести все социальные явления. Скорее, коммуникация предполагает трансформацию в самих индивидах, которые таким образом общаются. И эта трансформация непрерывно продолжается вместе с накоплением индивидуальных переживаний в индивидуальных умах. Если бы человеческое поведение можно было свести, как это пытались сделать некоторые психологи, к немногим элементарным инстинктам, то применение кинетических теорий физических наук к объяснению социальной жизни было бы менее трудным делом. Но эти инстинкты, если вообще можно сказать, что они существуют, находятся в постоянном процессе изменения вследствие накопления воспоминаний и привычек. И эти изменения настолько велики и постоянны, что трактовка индивидов как постоянных и гомогенных единиц включает в себе слишком много абстракции. Именно поэтому в объяснении

человеческого поведения и общества мы в конце концов приходим к психологии.

Чтобы сделать понятными изменения, происходящие в обществе, необходимо считаться с изменениями, происходящими в тех индивидуальных единицах, из которых это общество кажется образованным. Следствием этого является то, что социальным элементом перестает быть индивид и становится установка, тенденция индивида к действию. Не индивиды, а именно установки взаимодействуют и, взаимодействуя, поддерживают социальные организации и производят социальные изменения. Эта концепция означает, что географические барьеры и физические дистанции значимы для социологии только там и тогда, где и когда они определяют условия, при которых актуально поддерживаются коммуникация и социальная жизнь. Ведь человеческая география была глубоко преобразована человеческим вмешательством.

Телеграф, телефон, газета и радио, превратив мир в один широко раскинувшийся акустический свод, стерли расстояния и разрушили обособленность, разделявшую некогда расы и народы. Новые средства коммуникации неумолимо умножают и вместе с тем усложняют социальные отношения. История коммуникации есть история цивилизации, во вполне реальном смысле слова. Язык, письмо, печатный пресс, телеграф, телефон и радио маркируют эпохальные вехи в истории человечества. Однако они, надобно сказать, потеряли бы почти всю свою нынешнюю значимость, если бы не сопровождались все более широким разделением труда. Ранее я уже говорил, что общество существует в коммуникации и через коммуникацию. Благодаря коммуникации индивиды участвуют в общем опыте и поддерживают общую жизнь. И именно потому, что коммуникация имеет такое фундаментальное значение для существования общества, география и все другие факторы, препятствующие или благоприятствующие коммуникации, можно сказать, входят в ее структуру и организацию. В таких условиях понятие позиции, дистанции и мобильности приобрело новую значимость. Мобильность важна как социологическое понятие лишь постольку, поскольку она обеспечивает новый социальный контакт, а физическое расстояние значимо для социальных отношений только тогда, когда возможно проинтерпретировать его в терминах социальной дистанции.

Социальный организм – и это одна из наиболее основополагающих и приводящих в замешательство его черт – образуется из единиц, способных к пространственному передвижению. Тот факт, что каждый индивид способен двигаться в пространстве, гарантирует ему опыт, который будет его частным и особым опытом, и этот опыт, который индивид приобретает в ходе своих приключений в пространстве, предоставляет ему, именно в силу своей уникальности, точку зрения для независимого и индивидуального действия. Именно владение уникальным опытом, осознание этого опыта и диспозиция индивида думать и действовать в заданных им рамках есть то, что делает его, в конечном счете, персоной. Ребенок, чьи действия определяются главным

образом его рефлексам, не имеет поначалу ни такой независимости, ни такой индивидуальности и, по сути говоря, персоной не является.

Именно указанное разнообразие в опытах отдельных людей делает необходимой коммуникацию и возможным согласие. Если бы мы всегда реагировали одинаковым образом на одинаковые стимулы, то, как мне представляется, не было бы никакой необходимости в коммуникации, и отсутствовала бы всякая возможность появления абстрактного и рефлексивного мышления. Потребность в знании вырастает из самой необходимости проверять и накапливать эти расходящиеся индивидуальные опыты, а также сводить их к понятиям, которые делают их понятными для всех нас. Рациональный ум – это всего лишь ум, который способен делать свои частные импульсы публичными и доступными для понимания. Задача науки состоит в том, чтобы свести нечленораздельное выражение наших личных чувств к общему миру дискурса и создать из наших частных опытов объективный и интеллигибельный мир.

Мы не только имеем – каждый из нас в отдельности – свои частные опыты, но также со всей остротой их сознаем и очень заботимся о том, чтобы уберечь их от вторжения извне и неверной интерпретации. Наше самосознание и есть наше сознание этих индивидуальных различий опыта, присутствующее вместе с ощущением их конечной непередаваемости. Это основа всех наших тайн, личных и расовых; и это основа наших мнений, установок и предрассудков.

Если бы мы были совершенно уверены, что каждый способен увидеть насквозь нас и все то, что мы считаем в нашей собственной оценке своим сугубо личным; если бы, иными словами, мы были, с одной стороны, наивными, как дети, или, с другой стороны, такими же внушаемыми и лишенными чувства приватности, как некоторые истерики, то у нас, вероятно, так никогда бы и не появилось ни персон, ни общества. Ибо некоторая обособленность и некоторая степень неподатливости социальным влияниям и социальному внушению являются как необходимыми условиями здорового общества, так и необходимыми условиями здорового личностного существования. Иметь персоны без приватности так же немислимо, как и иметь общество без персон. А потому очевидно, что пространство – не единственное препятствие для коммуникации и что социальные дистанции далеко не всегда можно адекватно измерить с помощью чисто физических параметров.

Конечным препятствием для коммуникации является самосознание, которое есть также и застенчивость. Каково же значение этого самосознания, этого тайного заповедника, этой застенчивости и стыдливости, которые нам так часто приходится испытывать в присутствии посторонних? Это, разумеется, не всегда страх перед физическим насилием. Это страх перед тем, что мы не произведем хорошего впечатления, боязнь того, что мы выглядим не самым лучшим образом, что нам не удастся удержаться в согласии с нашим представлением о самих себе и, в особенности, что нам не удастся совпасть с тем представлением, которое, как нам хотелось бы, имели о нас другие люди. Мы переживаем эту стыдливую застенчивость и в присутствии наших

собственных детей. Только в компании самых близких друзей мы можем полностью расслабиться, сбросить с себя бремя собственного достоинства и почувствовать себя непринужденно. Если где коммуникация и бывает полной, а социальные дистанции, разделяющие индивидов, полностью рушатся, то только в таких обстоятельствах. Этот мир коммуникации и «дистанций», в котором все мы стараемся сохранять некоторого рода приватность, личное достоинство и самообладание, представляет собой динамический мир и имеет свой особый порядок и характер. В этом социальном и моральном порядке представление, которое каждый из нас имеет о самом себе, ограничивается представлением, которое каждый другой индивид в том же самом ограниченном мире коммуникации имеет о самом себе и о каждом другом индивиде. Следствием является то – и это касается любого общества, – что каждый индивид оказывается втянутым в борьбу за статус: за сохранение собственного престижа, собственной точки зрения и собственного самоуважения. Он способен удержать их, однако только в той степени, в какой ему удастся добиться признания со стороны любого другого, чья оценка представляется ему важной; иначе говоря, любого другого, который входит в его круг общения или в его общество. Из этой борьбы за статус еще ни одной философии жизни не удалось найти выхода. Индивид, который не заботится о своем статусе в обществе, – это отшельник, даже если местом его уединения становится городская толпа. Индивид, чье представление о самом себе вообще не определяется теми представлениями, которые имеют о нем другие лица, по всей вероятности, сумасшедший.

В конце концов, общество, в котором мы живем, неизменно оказывается моральным порядком, в котором позиция индивида – как и его представление о самом себе, составляющее ядро его личности, – определяется установками других индивидов и теми стандартами, которых придерживается группа. В таком обществе индивид становится персоной. Персона – это просто индивид, который где-то, в каком-то обществе имеет социальный статус. Но статус, в конечном счете, оказывается вопросом дистанции – социальной дистанции.

Именно в силу того, что география, род занятий и все другие факторы, определяющие распределение населения, определяют столь непреодолимо и фатально место, группу и соседи, с которыми каждый из нас вынужден жить, пространственные отношения и приобретают для изучения общества и человеческой природы то значение, которое они для него имеют. ***Именно в силу того, что социальные отношения так часто и неизбежно соотносятся с пространственными отношениями, а физические расстояния так часто являются или кажутся показателями социальных дистанций, статистика имеет действительное значение для социологии. И это верно, в конечном счете, потому, что только в той мере, в какой социальные и психические факты могут быть сведены к пространственным фактам или соотнесены с ними, оказывается возможным какое бы то ни было их измерение*** (выделено – Л.Р.).

САССЕН С.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД: ВВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слюки. – М.: ООО «Аванглион», 2007, с. 9-27. Sassen S. Cities in a World Economy. Second ed. California, 2000; Sassen S. Territory and territoriality in the global economy // International Sociology. 2000. Vol. 15 (2); Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. 2001

Каждый этап в длительной истории мировой экономики имеет свои специфические черты. Особенность современного этапа – господство информационных технологий и связанный с этим рост мобильности и ликвидности капитала. Международный экономический обмен существует давно – трансграничные потоки капитала, рабочей силы, товаров, сырья, туристов, но развивался он в рамках взаимодействия между отдельными государствами. Международная экономическая система пока только «вызревала». Все драматически изменилось буквально в течение последних десятилетий – в результате приватизации, проникновения зарубежных фирм на национальные рынки и растущего участия крупнейших национальных компаний на мировом рынке.

Именно в таком контексте следует рассматривать новое ранжирование территорий, участвующих в международной экономической системе. В силу вышеприведенных изменений и развития глобализации происходит частичное ослабление национальных территориальных единиц, и возникают условия для роста значения пространственных единиц других масштабов. Среди них – субнациональные единицы (преимущественно города и регионы), приграничные территории, включающие две и более субнациональные единицы и наднациональные единицы (глобальные рынки и зоны свободной торговли). Развивающиеся в этих разномасштабных территориальных единицах процессы могут предопределяться связями регионального, национального или глобального уровня.

В этом ранжировании территорий есть место и глобальным городам, вся динамика и процессы в которых предопределяются преимущественно связями глобального масштаба.

1. Элементы в новой концептуальной архитектуре

Глобализация экономики влечет за собой новый тип ее организационной структуры. Для теоретического и эмпирического осмысления этой новой организационной структуры необходим, соответственно, и новый тип концептуальной архитектуры. В нашем понимании, важнейшими элементами в новой концептуальной архитектуре должны стать определения глобального города и региона глобального города. Дело в том, что в научном обиходе бытуют другие, тесно связанные термины: мировые города, супергорода, информационные города. В каждом случае выбор названия рационально обосновывается.

Впервые применив термин «глобальный город» мы осознанно попытались обозначить его специфику: глобальность современного периода. Мы не остановились на известном альтернативном варианте – термине «мировой город», потому что у него был очевидный противоположный признак – он относится к типу города, который существовал на протяжении многих веков, и возможно в еще более ранние периоды в Азии или в европейских колониальных центрах. Исходя из этого, можно предположить, что большинство современных глобальных городов являются также мировыми городами, но на самом деле существуют глобальные города, не являющиеся мировыми в полном понимании этого термина. Надо заметить, что по мере развития и расширения глобальной экономики, вовлечения дополнительных городов в разнообразные сети ответ на этот вопрос, возможно, будет меняться. Майами, например, приобрел функции глобального города, начавшие развиваться лишь в конце 1980-х гг., и этот факт не дает ему право считаться мировым городом в старом смысле этого слова.

2. Глобальная модель города: гипотезы

Существует семь гипотез, с помощью которых удалось систематизировать данные и создать теорию модели глобального города. Я кратко опишу каждую из них для создания более четкого представления.

Во-первых, растущее географическое разделение экономической деятельности ведущих корпораций мира одновременно с ее интеграцией является ключевым фактором роста и усиления значения их центральных общих функций. Чем больше «разбросаны» экономические операции фирмы по различным странам, тем сложнее ее центральные стратегические функции – управление, координация, обслуживание, финансирование всей системы операций компании.

Во-вторых, эти функции становятся настолько сложными, что центры управления крупных глобальных фирм начинают передавать их часть на аутсорсинг, такие функции, как бухгалтерское дело, связи с общественностью, программирование, телекоммуникации и т.п. Сегодня их передают высокоспециализированным сервисным компаниям, работающим по контрактам со штаб-квартирами корпораций. Это особенно видно на примере фирм, вовлеченных в глобальную экономику и специализирующихся на нестандартных операциях. Растущие управленческие структуры крупных фирм все чаще «покупают» готовые услуги, нежели производят их самостоятельно.

В-третьих, специализированные сервисные компании, вовлеченные в наиболее сложные глобализированные рынки, имеют тенденцию к размещению в крупных и крупнейших городских центрах, используя эффекты агломерирования. Сложность услуг, которые требуется произвести, неопределенность рынков, на которых они действуют, возрастающее значение скорости во всех сделках – вот совокупность условий, которые дают новый импульс к агломерированию и побуждают к новому развитию городских агломераций. Соединение компаний, талантов, экспертиз в огромном числе

специализированных отраслей приводит к тому, что по набору функций городская среда становится похожей на информационный центр. Пребывание в городе можно сравнить с нахождением в крайне интенсивном и плотном информационном потоке.

В-четвертых, чем больше сложных, нестандартных функций передается штаб-квартирой на аутсорсинг, тем проще становится выбор места размещения самой штаб-квартиры, поскольку в ее деятельности нет необходимости в стимуле к использованию преимуществ агломерирования. Из этого следует, что ключевой сектор, для которого определяющее значение имеют преимущества глобальных городов – это высоко специализированный и тесно взаимосвязанный сектор услуг. В развитие этой гипотезы мы должны несколько поколебать широко распространенное представление о том, что количество штаб-квартир – это как раз то, что отличает глобальный город. Конечно, еще во многих странах крупнейшие деловые центры являются одновременно центрами сосредоточения штаб-квартир, но, возможно, это происходит из-за недостатка альтернативных вариантов для размещения последних. В странах с повсеместно хорошо развитой инфраструктурой, вероятно, имеется множество подходящих условий для размещения штаб-квартир.

В-пятых, подобные специализированные сервисные компании должны предлагать глобальное обслуживание, что, в свою очередь, предполагает наличие у них глобальной сети филиалов, либо какие-то другие формы и возможности сотрудничества на местах. Как результат, мы имеем усиление межграницных городских связей и сетей. Развитие глобальных финансовых рынков и рынков специализированных услуг, необходимость создания транснациональных обслуживающих систем в связи с сильным ростом объемов международного инвестирования, сокращающаяся роль правительства в регулировании международной экономической деятельности и выход на арену других институциональных акторов, особенно глобальных рынков и штаб-квартир корпораций, – все это указывает на существование транснациональных сетей городов. Один из выводов и связанная с этим исследовательская гипотеза – это то, что экономические достижения этих городов становятся все более оторванными от их хинтерландов и даже национальных экономик в целом. Налицо один из начальных этапов транснациональных урбанистических систем, благодаря которым крупнейшие деловые центры приобрели в мире особое значение. Не существует такой вещи как единичный отдельно взятый глобальный город – и в этом смысле их резкий контраст с бывшими столицами империй.

Шестая гипотеза основана на том, что высокая степень сосредоточения квалифицированных профессионалов и высокоприбыльных сервисных компаний в крупнейших городах ведет к усилению территориального и социально-экономического неравенства в них. Стратегическая роль специализированных услуг приводит к росту числа ведущих профессионалов и их «стоимости». Учитывая тот факт, что для достижения ожидаемых

результатов необходима постоянная интенсификация труда высококвалифицированного персонала, очевидно, что объемы вознаграждений должны быстро и неуклонно возрастать. И совсем противоположная динамика вознаграждений, очевидно, будет характерна для тех работников (в обрабатывающей индустрии или в сфере производственных услуг), которые не входят в подобную категорию профессионалов.

Седьмая гипотеза заключается в том, что одним из результатов динамики, описанной в шестой гипотезе, является рост «неформализации» целого ряда других видов экономической деятельности, на которые есть спрос в подобных городах, но уровень доходности которых не позволяет им конкурировать за различные виды ресурсов с высокоприбыльными компаниями, занимающими лидирующие позиции. Деформализация части или всей производственной и дистрибьюторской деятельности, включая услуги, – это один из способов выживания в современных условиях.

3. Рост значения категорий «места» и «процесса труда»

Начавшийся с 1980-х гг. дискурс о глобализации, технологиях и городах привел к утверждению, что крупнейшие города перестают быть важными производственными центрами. При этом мы подметили тенденцию принимать существование глобальной экономической системы как данность, как функцию власти транснациональных корпораций и глобальных коммуникаций.

В дополнение необходимо отметить, что возможности осуществления глобальных операций, координации и контроля, содержащиеся в новых информационных технологиях и власти транснациональных корпораций, не возникают сами по себе – их нужно «производить». Обращая внимание на необходимость производства подобных возможностей, мы приводим новый аргумент в подтверждение могущества крупных корпораций и способности новых технологий не зависеть от местоположения и расстояния.

А отсюда следует, что предметом анализа экономической глобализации должны стать понятия «места» и «рабочего процесса». Эти две категории нельзя не учитывать в аналитических работах по экономической глобализации, до этого сконцентрированных преимущественно на причинах гиперподвижности капитала и мощи транснациональных корпораций.

Анализ этих понятий отнюдь не уменьшает приоритета факторов гипермобильности капитала и власти в процессах экономической глобализации. Скорее, это акцентирует внимание на том, что многие ресурсы, необходимые для глобальной экономической деятельности, не столь мобильны – в реальности они прочно привязаны к месту, особенно к таким местам, как глобальные города, регионы глобальных городов, открытые экспортные зоны.

Это целая совокупность видов деятельности, компаний и рабочих мест, которые необходимы для функционирования крупной корпорации. Они не гипермобильны, не характеризуются высоким уровнем стоимости профессионалов, но очень важны с точки зрения производства необходимого продукта, инфраструктуры, услуг, в том числе и неэкспертных. Фокусируя

внимание на анализе процесса труда в глобальных городах, мы обнаруживаем усиление экономической и пространственной поляризации, непропорциональную концентрацию высокооплачиваемых рабочих мест, с одной стороны, и с другой – такую же концентрацию в низкооплачиваемом секторе. Подчеркнуть значение места, инфраструктуры и «неэкспертных» рабочих мест представляется важным, памятуя о всегдашнем выдвижении на первый план тезиса о независимости от местоположения и расстояния.

Динамичный рост межграницных связей между глобальными городами касается значительного числа сфер – политики, культуры, социальной сферы, преступности. Существуют, например, связи между иммигрантскими сообществами городов либо между сообществами «первопоселенцев», причем развиваются они (включая и экономические связи) с невиданной прежде интенсивностью. Формируются и укрепляются сетевые связи в области культуры (например, международные ярмарки искусств, развитие «транснационального класса» музейных хранителей), в области неформальной политики (например, движение активистов в области окружающей среды, прав человека и т.д.). То же самое можно сказать и о международных криминальных связях, развивающихся преимущественно в рамках межгородских сетей (по крайней мере, их легче идентифицировать на уровне городских связей).

Новый взгляд на географию регионов, вовлеченных в глобализацию, позволяет по-новому оценить роль людей, работников, сообществ, разнообразных трудовых культур, непосредственно участвующих в процессе глобализации. Это – также большое исследовательское поле, гораздо шире привычного акцента на трансграничные перетоки товаров, капитала и информации.

Тот факт, что глобальные процессы, в известной степени, «привязаны» к национальным территориям, вызывает необходимость внесения нового понимания в ныне существующую концепцию экономической глобализации и снижения регулирующей роли государства. Таким образом, реальное пространство, на котором разворачиваются транснациональные экономические процессы, весьма отлично от представлений и концепций, используемых в большинстве анализов глобальной экономики и основанных на противопоставлении понятий глобального и национального. Дуализм «глобальный – национальный» подразумевает взаимоисключающие пространства: там, где начинается одно, – заканчивается другое. Один из результатов анализа глобальных городов – это очевидность того, что глобальность непременно «материализуется» в отдельных специфических районах и институциональных формах, значительная часть которых, если не большая, находится в пределах национальных территорий.

4. Мировые сети и центральные командные функции

География глобализации охватывает изменения как дифференциации, так и централизации. Стремления к пространственной дифференциации экономической деятельности на городском, национальном и глобальном

уровнях, которые мы привычно ассоциируем с глобализацией, потребовали новых форм территориальной централизации функций высшего управления и контроля. Поскольку эффективность этих функций выше в агломерационной среде, то, несмотря на весь прогресс телекоммуникационных связей, они стремятся к концентрации в городах. Такого рода стремление – важное свидетельство того, что именно деловые контакты и разветвленность их сети имеют главенствующее значение по сравнению с телекоммуникационными сетями, тем более что они получили развитие задолго до внедрения современных технологий. Бизнес-сети получают выгоду от эффекта агломерирования и, следовательно, процветают в городах и сегодня, несмотря на доступность глобальных коммуникаций. Работа 2001 г. подтверждает, что уровень пространственной концентрации центральных функций в агломерационной зоне зависит от масштаба географической дифференциации (разброса) экономической деятельности компании.

Таким образом, одновременная географическая дифференциация и концентрация – один из важнейших элементов в организационной структуре глобальной экономической системы. Ниже приводятся некоторые примеры, которые мы используем для построения теории воздействия глобализации и новых технологий на города.

Один из примеров – быстрый рост числа дочерних компаний. К 1999 г. компании имели более полумиллиона филиалов в «нематеринских» странах, насчитывающих 11 трлн. долл. продаж – значительную цифру, если учесть, что мировая торговля составляла около 8 трлн. долл. По этой причине они постоянно сталкиваются с новыми требованиями централизации, координации и обслуживания, особенно при размещении зарубежных филиалов, в государствах с различной системой законодательства и налогообложения.

Другой пример, демонстрирующий соотношение между быстрым ростом глобальных межграницных взаимосвязей и территориальной концентрацией их осуществления, – это глобальные финансовые рынки. Масштабы транзакций на этих рынках резко выросли: например, в 2002 г. объем проданных ценных бумаг составил 192 трлн. долл., что в сравнении делает просто «карликовым» объем мировой торговли в 8 трлн. долл. Подобные транзакции частично совершаются при помощи электронных систем, что делает возможным мгновенную передачу денег или информации по всему земному шару. Но совсем другой аспект рассмотрения – насколько глобальные финансовые рынки сосредоточены в пределах сети городов. Выясняется, что степень международной и национальной концентрации неожиданно высока для глобализующегося и высоко дигитализированного экономического сектора. В пределах стран ведущие финансовые центры в настоящее время концентрируют значительно большую часть национальной финансовой деятельности, чем десять лет назад, а глобальные города развитых стран – более половины глобального рынка капитала, один из элементов которого – фондовые рынки. В конце 1980 – начале 1990-х гг. появились дополнительные рынки Буэнос-Айреса, Сан-Паулу, Мехико, Бангкока, Тайбэя, Москвы и растущее количество

ненациональных фирм, зарегистрированных на большинстве этих рынков. Увеличение числа фондовых бирж повлияло на рост капитала, перемещающегося через рынки, а также нашло отражение в резком мировом росте их капитализации, которая достигла 30 трлн. долл. в 2001 г. (24 трлн. долл. в 2000 г.). Этот глобальный интегральный биржевой рынок, на котором возможен мгновенный оборот публично зарегистрированных акций, реально размещен в сети весьма материальных, физических, стратегических мест (городов).

Специфические формы, которые приобретает глобализация в последнее десятилетие, требуют новой организационной системы. Возникновение глобальных рынков финансовых и специализированных услуг, рост инвестирования как главного типа интернациональных сделок – все это явилось предпосылками усиления спроса на «командные функции» и специализированное обслуживание.

Под центральными командными функциями мы подразумеваем не только верхние управленческие структуры, то есть штаб-квартиры. Я отношу к ним все важнейшие финансовые, юридические, бухгалтерские, менеджерские, исполнительные, планировочные функции, необходимые для нормальной работы компании, действующей более чем в одной стране (чаще – в нескольких странах). Некоторые из этих функций частично выполняются в штаб-квартирах, но в значительной степени они реализуются в рамках так называемого «корпоративного сервисного комплекса», представляющего собой сеть финансовых, юридических, бухгалтерских, рекламных фирм, обеспечивающих весь сложный процесс деятельности компании одновременно в нескольких разных законодательных, налоговых системах, рекламных культурах и т.п. и к тому же быстро перенимающих инновации во всех вышеперечисленных сферах. Подобные услуги стали настолько специализированными и сложными, что штаб-квартиры все чаще покупают их у других специализированных компаний. Этот корпоративный сервисный комплекс, осуществляющий координацию, как правило, в высокоразвитых странах, и зачастую в пределах сети глобальных городов. Такая концентрация функций представляет собой стратегический фактор в организации глобальной экономики, а размещаются эти функции – в пределах сети глобальных городов.

С точки зрения аналитики важным представляется «развести» два понятия: стратегические функции для глобальной экономики (или для глобальной операции) и стратегические функции для корпоративной экономики страны. Эти стратегические (глобальные контрольные и командные) функции частично сосредоточены в пределах национальных структур, но они формируют и определенный самостоятельный субсектор. Этот субсектор может рассматриваться как часть сети, соединяющей глобальные города во всем мире через филиалы компаний или другие представительские офисы, осуществляющие специализированное обслуживание и управление сделками на глобальном рынке капитала или иностранное инвестирование.

Для целого ряда исследований такое различие понятий, возможно, и не имеет значения, но для целей понимания процессов глобальной экономики – имеет, весьма существенно оно и при рассмотрении вопросов регулирования, в особенности регулирования межграницной деятельности.

Если стратегические центральные функции осуществляются в сети основных крупнейших финансовых и бизнес-центров, то проблема управления (ключевая для глобальной экономики) решается с гораздо меньшими усилиями и затратами, чем в случае, если бы они географически размещались по тем же принципам, что отдельные заводы, фабрики, сервисные учреждения и тому подобные предприятия в целом.

Национальные и глобальные рынки, так же как и глобально интегрированные организации, нуждаются в наличии центральных мест, где претворяется в жизнь процесс глобализации. Сектор финансовых и прочих сложных услуг для корпораций – это отрасли, производящие продукцию, необходимую для формирования и управления глобальными экономическими системами. И крупные города являются предпочтительными местами размещения таких отраслей, особенно отраслей, производящих инновационные, наукоемкие, интернационализированные виды услуг. Важно отметить, что ведущие фирмы в области информационной индустрии нуждаются в огромной по объему производственной инфраструктуре, содержащей стратегически важные узловые объекты со сверхконцентрацией оборудования. Одно дело – способность к глобальной коммуникации (передаче данных как таковых), и другое – те материальные условия, которые позволяют реализовать эти способности. В конце концов, даже самая высокоразвитая информационная промышленность не обходится без производственного процесса, который, по крайней мере, отчасти «прикреплен» к месту, где есть сочетания ресурсов, необходимых для его осуществления. И не важно при этом, что сам произведенный продукт является гипермобильным видом продукции.

Теоретически эта проблема имеет два аспекта. Один из них – это сложная взаимосвязь между подвижностью и фиксированностью капитала; другой – место городов в глобальной экономике. В своих работах я уже указывала, что понятие мобильности капитала не может сводиться ни просто к движению, ни к технологиям, которые это движение обеспечивают. Скорее, наоборот, многие компоненты, которые мы считаем составляющими «фиксированности» капитала, на самом деле являются компонентами его мобильности. Такой подход позволяет пересмотреть роль городов в глобализирующемся мире с той точки зрения, что именно города сосредоточивают ресурсы, позволяющие фирмам и рынкам функционировать в глобальном масштабе. Движение капитала (в форме инвестиций, торговли или зарубежных филиалов и т.д.) нуждается в управлении, различных видах услуг и координации. Обслуживание этих нужд часто привязано к месту. И, наконец, государства – эти привязанные к месту институциональные структуры – часто играют решающую роль в создании регулирующих механизмов, обеспечивающих национальным и

зарубежным компаниям, инвесторам и рынкам возможность осуществления трансграничных операций.

Итак, фокусируя внимание на городах, мы осознаем тот факт, что вся разнообразная трансграничная деятельность закреплена в сети определенных мест, лидирующую роль среди которых играют, в частности, города, глобальные или обладающие функциями глобального города. Это обстоятельство ставит нас перед необходимостью изучения специфики этих городов, истории их развития, особенностей взаимодействия с национальной экономикой, их роли в мировой экономике в зависимости от места и времени. Взгляд на глобализацию через такую призму позволяет увидеть всю сложную транснациональную организационную структуру, которая, с одной стороны, «детерриториальна», с другой – отличается территориальной концентрацией в городах. И, наконец, такой взгляд выявляет огромное исследовательское поле – как «встроены» в современные глобальные сети каждая отдельная национальная или городская экономика.

5. Влияние новейших коммуникационных технологий на центральность

Исторически города наделяют национальные экономику, политику и общество тем, что мы называем центральностью. Города обеспечивают «экономические выгоды от агломерирования», высокую концентрацию информации, торговые площадки. Как же новые коммуникационные технологии меняют роль центральности и – соответственно – городов как экономических сущностей?

Как показали предыдущие разделы, центральность остается важнейшей особенностью современной глобальной экономики. Но в настоящее время больше нет прямой взаимосвязи между центральностью и такими географическими понятиями, как центр города или центральный деловой район (ЦДР). Еще в недалеком прошлом центральность была синонимом именно этих понятий. В настоящее время, отчасти в результате развития новейших коммуникационных технологий, «центр» пространственно может «воплощаться» в нескольких географических формах: от ЦДР до глобальной сети городов. Упрощенно можно выделять три формы центральности.

Первая – ключевой формой централизации остается ЦДР. Но ЦДР в большинстве международных деловых центров подвергается глубокой реконструкции под влиянием технологических и экономических изменений. С. Грэхам и Л. Гарсия дали анализ такого рода реконфигурации под влиянием новейших коммуникационных технологий.

Вторая – центр может идентифицироваться как сеть нодальных узлов интенсивной деловой активности в пределах метрополитенского ареала. Такой пример был описан для столь непохожих друг на друга городов, как Буэнос-Айрес и Париж. Вопрос: является ли подобная плотная сеть стратегически важных узлов в пределах более широкого ареала какой-то новой формой пространственной организации «центра», либо – это примеры субурбанизации или географической дифференциации? Поскольку подобные различающиеся

нодальные узлы взаимодействуют посредством новейших каналов связи и электронных путей сообщения, они представляют собой новый географический коррелят наиболее высокоразвитого типа «центра». Места, выпадающие за пределы этой новой сети электронных путей, являются периферийными. Эта региональная сеть нодальных узлов, по моему мнению, как бы воссоздает концепцию региона. Региональная сеть отнюдь не нейтрализует географию, она «укоренена» в инфраструктурную сеть обычных коммуникаций, преимущественно скоростных поездов, автомагистралей, ведущих к аэропортам. С известной долей иронии можно сказать, что именно «старая инфраструктура» дает возможность максимизировать все выгоды современной телематики. Я думаю, это важный аспект, который «потерялся» в дискуссиях по поводу «нейтрализации географии» современными коммуникационными технологиями.

Третья – наблюдается формирование нетерриториального «центра», осуществляемое посредством телекоммуникаций и интенсивных экономических взаимодействий. Такой «центр» образуют тесно связанные между собой международные финансовые и деловые городские центры: Нью-Йорк, Лондон, Токио, Париж, Франкфурт-на-Майне, Цюрих, Амстердам, Лос-Анджелес, Сидней, Сянган и т.д. Сейчас эта география включает также такие города, как Сан-Паулу и Мехико. Интенсивность взаимодействия между этими городами, особенно через финансовые рынки, торговлю услугами и инвестиции, резко возросла, и поэтому имеются предпосылки для расширения масштаба этого взаимодействия. В конце концов, прослеживается образование региональных иерархий, примером чего может являться рост числа «контактных» коридоров в Юго-Восточной Азии, формирование коридора Иран – Дубай, повышение роли Сан-Паулу в зоне свободной торговли Меркосур и т.д.

Новые коммуникационные технологии помимо их влияния на пространственную перестройку всего процесса централизации, вполне вероятно, могут также усиливать «неравенства» как между городами, так и внутри них. В литературе, посвященной развитию этих технологий, высказываются предположения, что как раз они-то (путем предоставления все новых коммуникационных возможностей) и помогут преодолеть старые иерархии и пространственные «неравенства». Однако практика показывает, что это не совсем так. Что бы мы ни рассматривали – сеть финансовых центров или структуры зарубежных инвестиций (что обсуждалось в данной статье), либо внутренние пространственные структуры самих городов (что является особым предметом для рассмотрения), – новые коммуникационные технологии нигде не уменьшили ни иерархию, ни пространственного «неравенства». И это, несмотря на всеобщую модернизацию инфраструктуры во все большем числе городов мира. Нет сомнений, что подсоединение к глобальным сетям ведет к значительному росту и расширению центральных городских ареалов и формированию метрополитенских цепей взаимосвязанных бизнес-узлов, а

также их значительному экономическому продвижению. Но вопрос о неравенстве остается открытым.

Кроме того, четкая ориентация на ситуацию на мировом рынке в большинстве этих городов порождает ряд проблем в области их взаимодействия с государствами, в которых они находятся, с окружающими их районами и с социально-экономической структурой самих городов. Как правило, города всегда были тесно взаимосвязаны с экономикой их района, часто отражали его особенности. И сейчас это так. Но города, имеющие стратегическое значение для глобальной экономики, имеют тенденцию к ослаблению связей со своим районом. Это противоречит положениям традиционной урбанистики, в которой город рассматривается как главный посредник в интеграции региональной и национальной экономик. Существует резкое неравенство в концентрации ресурсов и деятельности между глобальными городами и другими городами этой же страны, хотя степень этого неравенства различна. Например, в настоящее время Мехико обладает более высоким удельным весом в некоторых видах экономической деятельности и объеме производства, чем это было раньше, но доказательность этого факта требует особенно тонкого анализа, как показал С. Парнрайтер.

6. Глобальный город как ступень к новому политико-культурному порядку

Новая транснациональная география городов подает сигнал о возникновении новой параллельной политической географии. Крупные города образовались как стратегические центры не только в движении глобального капитала, но и в транснациональном движении трудовых ресурсов и в формировании межнациональных общностей и идентичностей. В этом аспекте города рассматриваются как места разворачивания нового типа политической деятельности и целого ряда новых «культурных» движений. Централизация в контексте процесса глобализации предоставляет транснациональную экономическую и политическую открытость, в условиях которой формируются новые требования, новые права, в том числе права на «место». В конечном счете, это могло бы стать началом появления новых форм «гражданства».

Постоянное подчеркивание значимости транснационализации и сверхподвижности капитала формирует чувство бессилия среди других локальных акторов, ощущение бесполезности сопротивления этой силе. Но анализ, который подчеркивает значение «места», предполагает, что новая глобальная сеть стратегических центров может выступать пространством для политики и властной деятельности. Потеря власти на национальном уровне делает возможным образование новых форм власти и политики на субнациональном уровне. Более того, в то время как национальное государство «дает трещину», открываются возможности новой политической географии, рассматривающей трансграничные связи субнациональных пространств. Города являются ключевыми объектами в этой новой географии. Возможно, мы присутствуем при формировании нового вида транснациональной политики, которая *локализуется* в этих городах.

Иммиграция, например, является одним из основных условий формирования новой транснациональной политической экономики и транслокальных стратегий. Это широко распространенное явление в крупных городах, где концентрируется большинство иммигрантов, в особенности в крупных городах развитых стран и регионов, таких как США, Япония или Западная Европа. На мой взгляд, это одна из важнейших составляющих процесса глобализации сегодня, хотя во многих «мейнстримовских» работах по глобализации она в таковой и не признается.

Глобальный капитал и новые иммигрантские трудовые ресурсы – два важнейших примера транснационализированных акторов, каждый из которых имеет свои внутренние общие свойства и конкурируют друг с другом внутри глобальных городов. Их изучение требует иных исследовательских подходов по сравнению с традиционным в урбанистике изучением политического ландшафта городов и метрополитенских ареалов с позиций роли и места политических элит, местных политических партий, «соседских» ассоциаций, иммигрантских сообществ и т.п.

При политико-географическом анализе глобальных городов как стратегических транснациональных пространств важно осознать, что они являются ареной для формирования новых правовых притязаний на это пространство. Глобальный город появился как пространство, на которое предъявляют свои права, во-первых, глобальный капитал, использующий глобальные города в качестве «организационного продукта», а, во-вторых, «обделенные» слои городского населения, часто не менее интернационализированные, чем капитал. «Денационализация» городского пространства и формирование новых правовых притязаний со стороны транснациональных акторов вызывают вопрос: чей же это город?

Глобальный город и сеть этих городов – это пространство, которое, с одной стороны, «привязано» к определенным местам, а с другой – это транстерриториальное пространство, потому что оно соединяет места, географически разобщенные, но интенсивно взаимодействующие между собой.

Если учесть, что глобальные города концентрируют как значительную часть глобального капитала, так и растущую долю «обделенного» населения (иммигрантов, цветных, дискриминируемых женщин, а в большинстве мегагородов развивающихся стран еще и жителей трущоб), то, очевидно, что они становятся ареной множества противоречий и конфликтов.

Выводы

Исследование процесса глобализации через концепцию глобального города ведет к следующим выводам:

1. Глобализация есть в меньшей степени продукт глобализации потребительских рынков. Именно глобальные города составляют стратегические компоненты глобальной экономики. Выделение отдельных стратегических объектов в системе глобальной экономики соответственно влечет за собой вопросы о власти и неравенстве в целом.

Кроме того, глобальные города следует рассматривать как реальные места, где выполняется работа по управлению, обслуживанию и финансированию глобальной экономики.

2. Имея город в фокусе рассмотрения, по-новому формулируется вопрос о власти и неравенстве с учетом того, что именно в глобальных городах возрастают «ножницы» между высокообеспеченными и обделенными слоями населения и городскими территориями.
3. Концепция глобального города напрямую связана с концепцией сетевой экономики в целом. Сама природа отраслей, стремящихся к сосредоточению в глобальных городах (финансы и специализированный сервис, мультимедийный сектор, телекоммуникационные услуги), требует транснациональных сетей и в большей степени сотрудничества и разделения труда внутри сетей, чем международной конкуренции как таковой.
4. Сетевой характер взаимодействия между глобальными городами типичен не только для экономических, но и – во все возрастающей степени – политических, культурных, социальных, криминальных взаимосвязей.

Глобальные города по всему миру – это пространство, где многосложный процесс глобализации приобретает конкретные, локализованные формы. Эти локализованные формы в значительной степени и есть то, что мы называем глобализацией. Крупный город настоящего появился как стратегическое пространство для разворачивания целого ряда новых видов деятельности – политической, экономической, «культурной», субъективной. Это пространство, где формируются новые правовые отношения как «власть и доход имущих», так и «обделенных» слоев населения, где они материализуются и приобретают конкретные формы.

СОЙЯ ЭДВАРД

КАК ПИСАТЬ О ГОРОДЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА?

Logos, № 3, 2008. /Перевод с англ. А. Смирнова

Придавая городам первостепенное значение

Я попытаюсь показать потенциальную важность пространственного подхода в письме о городе, раскрыв некоторые новые значения одного древнегреческого слова, которое оставалось почти полностью забытым учеными на протяжении почти двух тысячелетий. Это слово *синойкизм* (*synoikismos*). Корень этого слова – *ойкос*, дом или место обитания, тот же корень, что встречается в экономике (которая начиналась просто как ведение домашнего хозяйства) и экологии, а также *ойкумене* и *экистике*, новое слово, предложенное греческим урбанистом Константиносом Доксиадесом для обозначения области знаний, изучающей все формы человеческих поселений. Суффикс *-мос* означает условия возникновения, а приставка *син-* совместное

проживание. Таким образом, *синойкизм* можно определить как состояние, которые складывается в результате совместного проживания в определенном домашнем месте или пространстве.

Принимая во внимание коннотации, связанные с объединением ради независимого – и, я бы добавил, эффективного и творческого – совместного проживания, *синойкизм* также используется для обозначения супружества, интегрального единства или семьи, образуемой в результате брака. Этот термин сохранился также и в биологии. Согласно сетевому словарю трудных слов, под ним могут пониматься также мужские и женские цветы в одном соцветии или объединение нескольких видов во благо по меньшей мере одного (но без вреда для остальных). И вновь здесь содержатся коннотации творческого совместного проживания. Но чаще всего это слово используется для обозначения процессов, связанных с формированием города-государства или *полиса*, еще одно греческое слово, которое практически пропитано городскими коннотациями. В этом смысле *синойкизм* означает объединение или совместный рост – если угодно, брачный союз – близлежащих общин, областей, деревень, городов, приводящий к образованию одной городской политической единицы, города-государства. Древнегреческий геоисторик Фукидид описывает этот процесс социальной консолидации и централизации двояко: как физическую агломерацию людей и как форму политического объединения, отмечая, что эти две формы объединения не всегда происходят одновременно. Особенно важным для Фукидида был великий синойкизм афинского полиса, событие, отмечаемое ежегодно в течение двух дней как *синойкии* и посвященное рождению города-государства и его покровительнице.

Но Аристотель предлагает наиболее сложное теоретическое осмысление *синойкизма*. Он считает его активным социальным и пространственным процессом, связанным с образованием политической и культурной конфедерации вокруг особого территориального центра: *полиса* или *метрополиса* (в буквальном переводе: материнский город). Этот процесс составлял суть политики, специфически городской политики, связанной с созданием гражданского общества, идеями гражданства и демократии, семьи и идентичности, творчества и новшеств, столпами городской цивилизации. С этим социальным и пространственным процессом связано множество других терминов, помогающих проводить различие между горожанином или *политес*, политически сознательным гражданином, и *идиотес*, варваром или сельским жителем (вспомним нередко недооцениваемое политическое замечание Маркса о крестьянстве и идиотизме деревенской жизни.). Продолжением синойкизма также служат полиция, политика, политес, обходительность, учтивость (*urbanity*). И для Аристотеля письмо о городе начинается с этого важного процесса формирования города-государства.

Возрождая и развивая это давно забытое понятие, я дополняю аристотелевское понимание *синойкизма* еще более выраженной пространственной интерпретацией, отражающей заметный всплеск интереса к критической пространственной мысли, который за последние десять лет

затронул почти все дисциплины. В моем более выраженном пространственном подходе синойкизм больше не ограничивается временем формирования города, а считается непрерывным и крайне политизированным процессом городского роста и развития, динамичным процессом, который предлагает постоянно развивающийся источник стимулирования социальной синергии и является составляющей самой сущности городской жизни. В таком понимании синойкизм означает творчество, новшества, территориальную идентичность, политическое сознание и социальное развитие, которое возникает из совместной жизни в более плотных и гетерогенных городских областях. И в этом смысле я определяю синойкизм как *стимулирующее воздействие городской агломерации* и напрямую связываю его с тем, что можно назвать *пространственным своеобразием урбанизма* – реальными и воображаемым, материальными и символическими географиями или пространственными измерениями городской жизни.

Сразу возникают некоторые очевидные вопросы. Что именно понимается под стимулирующим воздействием городской агломерации?

Принимая во внимание наше интуитивное сознание того, что на всем протяжении человеческой истории города неизменно были центрами инноваций, в чем состоит своеобразие пространственной агломерации или кластеризации, вызывающее появление новых идей и ускоряющее социальное развитие? И насколько значительны эти специфически городские стимулы и синергия? К сожалению, ответить на эти вопросы не так уж просто, так как количество теоретических или интерпретационных работ, посвященных социальной и пространственной динамике городской агломерации, не слишком велико. Можно сказать, что западная социальная наука и социальная теория уделяла слишком мало внимания объяснительным возможностям, связанным непосредственно с процессом урбанизации, предпочитая считать города простым фоном или средой для социальных процессов.

Возможно, ближе всего к изучению синойкизма смогла подойти литература об экономии от агломерации или, как ее еще называют, внешней экономией от урбанизации. Литература об экономии от агломерации, особенно в области экономической географии, недавно вновь привлекла к себе внимание, так как она оказалась необычайно полезной для понимания сложных процессов экономической реструктуризации и глобализации, которые изменили весь мир за последние тридцать лет.

Об этой современной связи с городской жизнью в эпоху глобализации будет сказано ниже. Но сначала рассмотрим динамику агломерации. Само понятие экономии от агломерации основывается на сбережении времени и сил, которое происходит вследствие объединения, а не дробления различных вещей. Объединение и создание узловых точек представляет собой фундаментальный и стратегический ответ на вызовы расстояния, которые влияют на все живое на земле, даже если причины такого поведения зачастую остаются неосознанными. Мы можем признавать действие экономии времени и сил за

счет близости в нашей индивидуальной повседневной жизни, но экономия от агломерации также сказывается на более широких социальных и исторических процессах, хотя последствия этого не слишком хорошо изучены.

Важно, что сбережение времени и сил от агломерации и стимулирование возможностей для творческой деятельности, которое обеспечивает такое сбережение, являются жизненно важной составляющей самой природы городов. Теоретически люди, семьи, домохозяйства и все связанные с ними виды деятельности могут быть равномерно или произвольно распределены на поверхности земли. Но, по крайней мере, на протяжении последних лет человеческое общество жило в основном в точечных поселениях или разных по величине городских агломерациях. И эта особая форма человеческого поселения или обустроенной среды всегда приносила определенную выгоду, хотя нельзя не упомянуть и об издержках, ибо существует важная отрицательная экономия от агломерации, которая периодически подрывает городскую жизнь. Точно так же вопрос о том, как такая экономия времени и сил на деле переводится в творчество и инновации, не получил достаточного рассмотрения, хотя мы опять-таки интуитивно понимаем наличие некой причинной связи между ними.

Не углубляясь в рассмотрение связей между агломерацией и инновациями, можно попытаться перевернуть вопрос и подойти к нему иначе. Предположим, что существует важный стимул для творческих инноваций, связанный с городами и определенной географией урбанизма. Почему же тогда в литературе по социальным наукам, если не считать раздела экономики, занимающегося изучением внешней экономии, о синойкизме и связанных с ним понятиях сказано так мало? Я говорю только о социальных науках и социальной теории, либеральной и марксистской, так как, на мой взгляд, искусство и литература всегда так или иначе говорили о синойкизме, хотя и не всегда напрямую. Западная социальная теория не только игнорировала причинные или объяснительные способности синойкизма; она до недавнего времени оставалась глубоко антигородской, избегая любых специфически городских объяснений социальных феноменов и социального развития.

Конечно, многие (почти всегда) признают, что определенные вещи происходят в городах, но, за некоторыми примечательными исключениями (на ум сразу же приходят старая Чикагская школа и работы Анри Лефевра), редкие социальные теоретики считают, что *города сами по себе оказывают каузальное воздействие на социальную жизнь*, что историческое развитие человеческих обществ не просто происходит в городах, но также во многом обусловлено городами и особенно стимулирующим воздействием городской агломерации. Как утверждал Лефевр, развитие общества можно понять только в городской жизни через реализацию городского общества. В другом месте он развивает эту мысль, утверждая, что социальные отношения остаются абстрактными и нереализованными, пока они не получают конкретного выражения и не вписываются материально и символически в обитаемое пространство. Что означают эти взаимосвязанные утверждения?

Как мне кажется, Лефевр говорит, что человеческое общество и, в сущности, все формы социальных отношений и социальной жизни возникают, развиваются и меняются в материально реальном и социально воображаемом контексте городов. Это происходит в ходе того, что он называл социальным производством городского пространства, непрерывным и спорным процессом, пронизанным политикой и идеологией, созиданием и разрушением и непредсказуемым взаимодействием пространства, знания и власти, если развивать фукианскую версию синойкизма.

Большинству социальных мыслителей и теоретиков, не имеющих сложившегося и строгого представления об объяснительных возможностях синойкизма или ясного и динамичного понятия социального производства городского пространства, такие заявления кажутся либо пустыми, либо преувеличенными. Даже последователи Лефевра и Фуко не уделяют этому большого внимания. Как фиксированные и мертвые географии могут формировать динамическое развитие социальных процессов, социального сознания, социальной воли? Не является ли это еще одной разновидностью экологического или географического детерминизма, наподобие того, что, в конце концов, привел к упадку Чикагской школы? Так считало большинство социальных ученых и научных социалистов или марксистов на протяжении прошедших полутора столетий, и именно это я называю антигородским и антипространственным перекосом. Но, как я уже говорил ранее, за последние десять лет произошло нечто, что привело к трансдисциплинарному всплеску интереса к городам и критической пространственной мысли, почти одновременному пространственному и городскому повороту, постепенно ведущего к глубокому переосмыслению канонических идей почти во всех областях – от археологии и литературной критики до бухгалтерского учета и этнографии.

С этим ростом пространственного сознания во всех гуманитарных науках доводы в пользу объяснительной способности синойкизма и пространственного своеобразия урбанизма получили более широкое признание.

Чтобы проиллюстрировать этот поворот в пространственной мысли, рассмотрим книгу, написанную великим городским иконоборцем Джейн Джекобс. В «Экономике городов» Джекобс предложила теоретическое осмысление города, которое особенно созвучно расширенному понятию синойкизма. Она определяет город как поселение, которое последовательно порождает свой экономический рост за счет своих локализованных ресурсов. Эта искра городской экономической жизни, как она назвала ее, явно вращается вокруг стимулов и социальной экономии, определяющейся совместным проживанием в городах, а не в сельских областях. Она возникает благодаря плотности и культурной гетерогенности. Города концентрируют потребность, бросающую множество вызовов социальному воспроизводству, но в то же время создавая серьезные стимулы для решения проблем по-новому. Города привлекают всевозможных приезжих, чужаков, гостей и мигрантов, которые несут с собой инновационные идеи. И она приходит к как всегда лаконичному

выводу: без городов мы все прозябали бы в нищете. Иными словами, мы по-прежнему оставались бы охотниками и собирателями.

В «Экономике городов» Джекобс не только размышляла о городах, она использовала свои идеи для глубокого пересмотра исторического развития человеческих обществ. В этом она опиралась на работы британского археолога Джеймса Меллаарта, посвященные раскопкам на месте неолитического города Чатал-Гуюк в Южной Анатолии. Соображения Джекобс по поводу этого неолитического города – словосочетания, которое воспринималось почти всеми археологами того времени как полнейший оксюморон, – заслуживают определенного развития и, по сути, возрождения, так как они игнорировались или оставались непонятыми на протяжении многих десятилетий учеными, не обращавшими никакого внимания на объяснительные способности синойкизма и пространственного своеобразия урбанизма.

Начнем с настенной живописи, обнаруженной в Чатал-Гуюке. Учебники по истории искусства называют это изображение первым пейзажем или картиной природы, но на самом деле на ней изображена не природа, а город, плотное городское поселение, размещенное близ извергающегося вулкана, источника вулканического стекла, который служил основным ресурсом для охотничье-собирательских обществ того времени. В своем живом изображении революционной трансформации природы, если можно так выразиться, перехода от сырого к приготовленному, настенная живопись символизирует первый синойкизм.

Недавние открытия археологов подтвердили гипотезу, что здесь, в Чатал-Гуюке, и в других местах в кольце гор, окружающих плодородный полумесяц, сложились первые в мире городские поселения или города, появившиеся на пять тысяч лет раньше, чем города-государства Месопотамии, единственной городской революции, признаваемой историками первобытного общества и большинством археологов.

По имеющимся на сегодняшний день данным, Чатал-Гуюк был наиболее крупным и наиболее развитым из этих первых городов. В первой главе «Экономики городов» Джекобс утверждала, что начало всего социального развития и особенно революционный переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству произошел и из-за создания особой человеческой среды обитания – города. Развитие всего этого в Чатал-Гуюке, который также предлагает нам первые известные примеры металлургии, ткачества, гончарного дела, а также необычайно продуманной настенной живописи с изображением города и самого первого зеркала ручной работы – два символа целенаправленной саморефлексии, – и было тем, что высекло искру развития городской экономической жизни, стимул к городской агломерации.

Джекобс не только перевернула распространенные представления об истории первобытного общества, заявив, что города возникли до так называемой сельскохозяйственной революции, но и показала объяснительные возможности городской агломерации в истории вплоть до настоящего времени. Она утверждала, что каждое крупное новшество, каждое заметное

преобразование в человеческом обществе было обусловлено внутренней синергией и творческими средствами экономии времени за счет проживания в плотных и сконцентрированных городских поселениях. Вспомним ее справедливое замечание, что без городов мы все прозябали бы в нищете!

Кому-то это может показаться просто признанием того, что города всегда были центрами инноваций и творчества. Но, в действительности, дело этим не ограничивается. Это яркий пример использования пространственного измерения города для лучшего понимания всей истории социального развития и социальных изменений. Он открывает перед нами такие возможности, показывая определенную динамическую силу, возникающую из самой природы – или сущности – городской жизни. Но сразу же после выхода «Экономики городов» изложенная в ней идея первостепенной важности городского пространства оказалась либо совершенно непонятой, либо понятой с искажениями и абсурдными преувеличениями. Как и в случае с работами Лефевра и Фуко того же времени, ее более глубокое эпистемологическое значение стало более понятным и более творчески стимулирующим только после того, как пространственный поворот создал более широкую и более восприимчивую академическую аудиторию, у которой решительное утверждение критического пространственного подхода не вызывало отторжения.

В первых трех главах «Постметрополиса» я опираюсь на этих выдающихся ученых, пытаюсь пересмотреть геоисторию городского пространства вокруг трех особых городских революций, каждая из которых была вызвана (не полностью, но во многом) инновационным стимулом городской агломерации. Первая привела к первой великой трансформации в истории человеческого общества – сельскохозяйственной революции. Эта глубоко городская по своей природе революция, вопреки представлению большинства ученых, не создала социальных излишков, благодаря которым появление городов стало возможным. Именно формирование городов сделало возможным создание социальных излишков.

То, что традиционно считалось первым этапом формирования городов, возникновение городов-государств в аллювиальных равнинах Тигра и Евфрата, теперь можно признать второй городской революцией. Проявившаяся наиболее ярко в таких местах, как Ур и Вавилон, а позднее, после великого синойкизма, в древнегреческих Афинах, эта глубоко политическая трансформация привела к формированию первых централизованных государств и империй, а также первого заметного деления на социальные классы, накопления частной собственности и развития рабства, бюрократии, военного класса и, в отличие от первых городов, установления патриархата.

Третья городская революция пять тысяч лет спустя вместе с появлением городского промышленного капитализма, отличительной особенностью которого стало создание обществ, большая часть населения которых проживала в крупных городах. Индустриализация привела к быстрому росту двух, опять-таки специфически городских, групп населения, городского

пролетариата и городской буржуазии, для описания которых обычно использовался словарь антигородской социологии и научного социализма. На протяжении двух последних столетий сложившийся городской промышленный капитализм пережил немало кризисов, вызывавших реструктуризацию, всякий раз отчасти в ответ на специфическую форму синойкизма, которая возникла с беспрецедентной концентрацией рабочего класса в городском ядре.

Энгельс был первым, кто заметил и описал, как тесная агломерация рабочих в таких городах, как Манчестер, способствовала зарождению классового сознания и классовой борьбы, вызвав существенную реорганизацию городского пространства для ответа на городские волнения и поиски новых путей к национальному экономическому возрождению и росту, к которым изначально относились стратегии растущей глобализации, распространения городской деятельности и национальных капитализмов на глобальном уровне. Опуская значительную часть городской геоистории, мы оказываемся сегодня в конце одного из самых трансформационных периодов реструктуризации и глобализации. Рассмотрим вкратце этот новый этап и «новую экономику» гибкого и глобализованного капитализма, появившуюся вместе с ним.

Важно отметить, специально для тех, кто продолжает называть нынешнюю эпоху постиндустриальной, что наше понимание этой «новой экономики» гибкого, глобального и, можно добавить, по-прежнему городского и промышленного капитализма сложилось во многом благодаря группе ученых, в основном географов и специалистов по региональному планированию, создавших новую область, которую можно назвать критическими исследованиями городов и регионов. Этот растущий корпус теоретических, эмпирических и прикладных исследований не только выдвинул на передний план критический пространственный подход, но и основывался на переосмыслении влиятельных сил, возникших из синойкизма, стимула к городской и региональной агломерации. Благодаря таким понятиям, как инновационные среды, региональные инновационные системы, промышленные районы, экономические кластеры, региональные миры производства и неформальные взаимосвязи, возникающие на основе местных конвенций, теории размещения и агломерации, которые некогда были механическими и жестко ограниченными, стали открытыми для намного более богатых социальных и культурных, а также геополитических и экономических подходов. И, наверное, нет ничего удивительного в том, что многие ученые, работающие в этой области, могли обращаться к «Экономике городов» Джейн Джекобс и ее творческому рассмотрению генеративных возможностей городской экономической жизни и развития.

Благодаря работе таких ученых, как Дэвид Харви, удалось показать связь самих истоков этих процессов экономической реструктуризации и глобализации с пространственным своеобразием урбанизма. Именно социальные волнения обозначили неизбежный конец послевоенного бума в передовых индустриальных странах и наступление периода экспериментальной реструктуризации национальных, региональных и городских экономик. Как

отметил Харви, они по крайней мере отчасти отражали городской пространственный кризис и породили стремление к тому, что он так метко назвал пространственным закреплением/исправлением (*spatial fix*). Это стремление к пространственному закреплению отражало внутреннюю потребность капитала, особенно во времена кризиса, в реорганизации его особой географии и создании подходящей среды для роста прибыли и экономики в целом. Именно это стремление к радикальной перестройке городского и регионального пространства было движущей силой процесса глобализации, особенно в том, что касалось промышленного капитала и финансовых инвестиций. Это также было основным источником для развития того, что я назвал постметрополисом и постметрополисным переходом, процессы, которые продолжают разворачиваться сегодня во всем мире.

Реструктуризацию национальных капитализмов, основанных на массовом производстве, массовом потреблении и социальном обеспечении, которая привела к послевоенному буму, независимо от того, рассматривается она сквозь призму пространственного закрепления или нет, следует понимать – больше, чем в какой-либо другой период в прошлом – как глубоко пространственный процесс. И то же самое можно сказать о современной «новой экономике» с системами гибкого и постфордистского производства; расширении глобализации торговли, инвестиций, миграций и культуры; возникновении информационных сетевых обществ и росте влияния гигантских городов-регионов, вроде Лондона, Токио и Нью-Йорка.

Вопреки растущей литературе о глобализации и ее тесных связях с понятиями постиндустриализма, представители новой геополитической экономики считают «новую экономику» по-прежнему во многом индустриальной, возникшей в результате фундаментальных изменений в постоянном взаимодействии урбанизации и индустриализации. Поначалу экономическая реструктуризация вызвала резкое ослабление старых фордистских индустриальных центров и регионов как инновационной среды и, возможно, самую впечатляющую деиндустриализацию, которая когда-либо происходила в передовых индустриальных странах.

И этот упадок заставил многих прийти к выводу о возникновении постиндустриального общества, но последующее развитие покажет, что дело обстоит иначе. Деиндустриализация сопровождалась впечатляющей реиндустриализацией, сосредоточенной преимущественно в новых индустриальных пространствах, районах или кластерах. Зачастую это были неосвоенные, не индустриализированные ранее, площадки, которые варьировались по величине от целых стран (так называемых «новых индустриальных стран») до специализированных индустриальных комплексов и технопарков, обычно расположенных в пригородах крупнейших городов мира.

Здесь произошел упадок фордистской экономики от агломерации и синойкизма и создание новых и более гибко специализированных и связанных с информационными технологиями инновационных сред. В некоторых случаях

эти регенеративные и синойкистские группы располагались в возрожденных старых городских центрах (как в случае с финансовой отраслью и культурной деятельностью в Лондоне и Нью-Йорке). Но чаще всего они возникали в виде новых центров на городской периферии. Этим они во многом способствовали впечатляющей пространственной реструктуризации современного метрополиса, отчасти обусловленной урбанизацией пригородов и созданием намного более полицентричных городских регионов, растущих констелляций локальных синойкизмов.

Новая городская форма еще больше размыла простой дуализм современного метрополиса – разделение между плотным, гетерогенным и крайней синойкичным центром города и сонным, гомогенным миром пригородов. На его месте возник более многоцентричный, глобализованный и информационный город-регион, породивший множество новых терминов для описания его основных особенностей: внешний город, окраинный город, постпригороды, технопригороды, кремниевые ландшафты, технопарки, метроплекс, экзополис. Подобно тому, как в этой урбанизации пригородов произошло полное выворачивание наизнанку современного метрополиса, во многих случаях также имел место возвращение в центры городов, особенно в результате массовой миграции людей из того, что мы обычно называем «третьим миром». Это парадоксальное превращение центра в периферию привело к появлению самых гетерогенных в культурном отношении городов в истории и в то же время способствовало усилению социальной поляризации и возрастанию неравенства в богатстве и власти, основанного на классовой, расовой, этнической и национальной принадлежности. И растущий разрыв между богатыми и бедными стал, возможно, наиболее важной чертой этого нынешнего этапа городской реструктуризации.

Не удивительно, что такие изменения привели к глубокой реструктуризации синойкизма. Представление, что стимулы к городской агломерации усилятся с ростом размеров и плотности городов, достигло своей наивысшей точки в фордизме и последствиях информационной и коммуникационной революции. Но, несмотря на предсказания некоторых, что агломерации во многом утратят свою эффективность в новую информационную эпоху, а синойкизм станет ненужным с концом географии и смертью расстояний, стимулы к городской агломерации все же сохраняются, пусть и в ином виде, в многоцентричных региональных сетях. Крупные регионы, насчитывающие более миллиона жителей, стали сегодня главной движущей силой мировой экономики. Они не только стали центрами инноваций для капитала, они также становятся синойкистской средой для развития инновационных практик взаимодействия рабочей силы, особенно в огромных концентрациях того, что в Соединенных Штатах сегодня называют бедными работающими иммигрантами и низшим классом, живущим на пособие.

Но это уже совсем другая история о возникновении новых городских пространственных движений, о попытках достижения большей пространственной справедливости и региональной демократии перед лицом

растущего неравенства и о будущем постметрополисного мира. В настоящей статье я лишь попытался показать тем, кто не знаком с пространственным поворотом и его городским измерением, новые идеи, которые он может предложить. В то же время я попытался побудить тех, кто считает, что они уже занимаются новой географией и пишут о городе, расширить охват своего уже плодотворного географического воображения, уделив больше внимания пространственному измерению городской жизни и синойкизму. Трудно представить более подходящее время для развития такого критического городского и пространственного сознания, так как – больше, чем когда-либо прежде – все мы сегодня урбанисты.

ХАРВИ ДЭВИД

РЕКОНФИГУРАЦИЯ УРБАНИЗАЦИИ

Лекция Д. Харви «Неолиберальная урбанизация» 25 мая 2007 г. / перевод Д. Колесника режим доступа: <http://cl.rushkolnik.ru/navigate/233/index-8117.html>

В США есть возможность на локальном уровне влиять на вопросы охраны окружающей среды. За последние 15–20 лет муниципальные правительства оказались более прогрессивными, чем федеральное правительство. Но сейчас у нас кризис муниципального финансирования, и, вероятно, вскоре будет развернута агитация для оказания давления на Обаму с целью рекапитализации многих муниципальных правительств (что предлагается в пакете стимулирования). Обама сказал, что это один из тех вопросов, которыми он обеспокоен, особенно из-за того, что многие проблемы являются проблемами местного масштаба – например, кризис субстандартной ипотеки. Как я уже говорил, проблеме потери права выкупа следует понимать как урбанистический кризис, а не как финансовый – это финансовый кризис урбанизации.

Еще один не менее важный вопрос: могут ли социальная экономика, труд и муниципальные движения, такие как «Право на город», стать компонентами общей стратегии? Все это имеет отношение и к вопросу развития технологий. Я, например, не вижу причин невозможности существования муниципальной системы помощи для развития производственных систем, таких как получение солнечной энергии, создание децентрализованных служб занятости и развития возможностей. Если и дальше развивать идеальную систему, то я бы сказал, что в США следует создать национальный банк переустройства и взять 500 миллиардов из уже ассигнованных банкам 700. Этот банк должен через муниципалитеты решать проблемы жителей тех районов, которые наиболее пострадали от волны лишений на право выкупа (что действительно было похоже на финансовый ураган «Катрина», смывший целые общины, в первую очередь черные и испаноязычные общины). Вы просто должны прийти в эти районы, вернуть в них и вновь поселить людей, ранее там проживавших – на основе различных прав владения, проживания и финансирования. Затем

необходимо озеленить эти районы, создавая тем самым новые рабочие места. Так я представляю себе реконфигурацию урбанизации.

Для того чтобы справиться с глобальным потеплением, необходимо действительно произвести полную реконфигурацию системы функционирования американского города и подумать над абсолютно новой моделью урбанизации и над новыми принципами жизни и работы. Существует множество возможностей, на которые левые должны обращать внимание. Но именно в этом у меня возникают трения с некоторыми марксистами, которые склонны считать так: «Да ладно! Это кризис. Противоречия капитализма теперь как-нибудь разрешатся!». Сейчас время не для триумфа, время решать проблемы. Прежде всего, я считаю, что существует проблема в самой постановке этих проблем Марксом. Марксисты не очень-то хорошо разбираются в государственно-финансовом комплексе и в урбанизации, столь же ужасно они разбираются и во многих других областях. Поэтому мы должны сейчас переосмыслить наши теоретические положения и политические возможности. Следовательно, серьезное теоретическое переосмысление нам необходимо в той же степени, как и практическое действие.

ШПЕНГЛЕР ОСВАЛЬД

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

О. Шпенглер – Закат Европы. Образ и действительность Издательский дом: ВО & quote; Наука & quote; Сибирская издательская, Том 1, 1993. С. 164-167.

Переход от культуры к цивилизации происходит в античности в IV веке, на Западе—в XIX веке. С этого рубежа великие духовные решения приходится уже не на «весь мир», как это было ко времени орфического движения и Реформации, где на счету оказывалась каждая деревня, а на три или четыре мировых города, которые всосали в себя все содержание истории и по отношению к которым совокупный ландшафт культуры опускается до ранга провинции, только и занятой тем, чтобы питать мировые города остатками своей высшей человечности.

Мировой город и провинция – этими основными понятиями каждой цивилизации очерчивается совершенно новая проблема формы истории, которую мы, нынешние люди, как раз переживаем, не имея даже отдаленного понятия обо всех ее возможных последствиях. Вместо мира — город, некая точка, в которой сосредоточивается вся жизнь далеких стран, между тем как оставшаяся часть отсыхает; вместо являющего многообразие форм, сросшегося с землею народа – новый кочевник, паразит, обитатель большого города, чистый, оторванный от традиций, возникающий в бесформенно флюктуирующей массе человек фактов, иррелигиозный, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой антипатии к крестьянству (и к его высшей форме—поместному дворянству), следовательно, чудовищный шаг к неорганическому, к концу,— что это значит? Франция и

Англия сделали уже этот шаг, Германия собирается его сделать. Следом за Сиракузами, Александрией идет Рим. Следом за Мадридом, Парижем, Лондоном идут Берлин и Нью-Йорк. Стать провинцией—такова судьба целых стран, расположенных вне радиуса излучения одного из этих городов, как некогда Крит и Македония, а сегодня—скандинавский Север.

Нынче, как и в эпоху эллинизма, на пороге которого значится основание искусственного и, значит, чужеземного большого города, Александрии, эти культурные города—Флоренция, Нюрнберг, Саламанка, Брюгге, Прага – стали провинциальными городами, оказывающими безнадежное внутреннее сопротивление духу мировых городов. ***Мировой город означает: космополитизм вместо «отчизны», холодный фактический смысл вместо благоговения перед преданием и старшинством, научная иррелигиозность как петрефакт преславившейся религии сердца, «общество» вместо государства, естественные права вместо приобретенных*** (выделено – Л. Р.).

К мировому городу принадлежит не народ, а масса. Ее бестолковость по отношению ко всякой традиции, означающая борьбу против культуры (дворянства, церкви, привилегий, династии, конвенций в искусстве, границ познавательных возможностей в науке), ее превосходящий крестьянскую смышленость острый и холодный ум, ее натурализм совершенно нового пошиба, в своем стремлении назад далеко опережающий Сократа и Руссо и опирающийся во всем, что касается сексуального и социального, на первобытночеловеческие инстинкты и состояния, то самое *panem et circenses*, которое нынче снова всплывает под видом борьбы за увеличение заработной платы и спортивной площадки, – все это знаменует по сравнению с окончательно завершенной культурой и провинцией некую исключительно новую, позднюю и бесперспективную, но вместе с тем и неизбежную форму человеческой экзистенции.

Вот реальность, которая хочет быть увиденной, не глазами партийного функционера, идеолога, злободневного моралиста, из тупика какой-нибудь «точки зрения», но с безвременной высоты, взором, устремленным на тысячелетия мира исторических форм, – если действительно силятся постичь великий кризис современности...

Я учу здесь пониманию империализма, окаменелые останки которого вроде египетской, китайской, римской империй, индийского мира, мира ислама могут сохраняться еще столетиями и тысячелетиями, оставаясь зажатými в кулаки то одного, то другого завоевателя, – мертвые тела, аморфные, обездушенные человеческие массы, потребленный материал какой-то великой истории, – как типичного символа развязки. Империализм – что чистая цивилизация. У культурного человека энергия обращена вовнутрь, у цивилизованного вовне. Оттого-то и вижу я в Сесиле Родсе первого человека новой эпохи. Он представляет собою политический стиль отдаленного, западного, германского, в особенности немецкого, будущего. Его слова «Расширение—это всё» содержат в этой наполеоновской редакции

доподлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации. Сказанное относится и к римлянам, арабам, китайцам. Здесь нет выбора. Здесь даже сознательная воля отдельного человека или целых классов и народов ничего не решает..

Экспансивная тенденция – это рок, нечто демоническое и чудовищное, увлекающее позднего человека стадии мировых городов, заставляющее его служить себе и истощающее его, все равно, хочет он этого или нет, знает ли он об этом или нет. Жизнь – это осуществление возможного, а для мозгового человека существуют лишь экстенсивные возможности. Как бы ни противился нынешний, мало развитый еще социализм всякой экспансии, он станет однажды со всей стремительностью судьбы ее самопервейшим носителем. Здесь язык форм политики – как непосредственно интеллектуального выражения людей определенного типа – соприкасается с глубокой метафизической проблемой: с подтверждаемым непререкаемой значимостью принципа каузальности фактом, что ум – это дополнение протяженности.

Навчальне видання

РАДІОНОВА Людмила Олексіївна

МІСТО ЯК СОЦІАЛЬНА СИСТЕМА

ХРЕСТОМАТІЯ

(Рос. мовою)

За авторською редакцією

Відповідальний за випуск *В. В. Корженко*

Комп'ютерне верстання *Є. Г. Панова*

Підп. до друку 30.12.2015 р.
Друк на ризографі
Тираж 50 пр.

Формат 60×84/16
Ум. друк арк. 11,5
Зам. №

Видавець і виготовлювач:

Харківський національний університет міського господарства імені О. М. Бекетова,
вул. Революції, 12, Харків, 61002

Електронна адреса: rektorat@kname.edu.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи:

ДК № 4705 від 28.03.2014 р.